

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенская государственная технологическая академия
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
ПФ НОУ ВПО «Академия МНЭПУ»

Современные тенденции развития мировой социологии

Материалы международной научно-практической
конференции 5–6 ноября 2010 года

Пенза – Ереван – Прага
2010

УДК 36
ББК 60.5

С 560 **Современные тенденции развития мировой социологии:** материалы международной научно-практической конференции 5–6 ноября 2010 года. – Пенза – Ереван – Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – 186 с.

Редакционная коллегия:

Берберян А. С., доктор психологических наук, доцент, декан факультета психологии Российско-Армянского (Славянского) государственного университета;

Дорошин Б. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии;

Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Пензенской государственной технологической академии;

Кашпарова Е., доктор философских наук, научный сотрудник кафедры психологии и социологии управления Высшей школы экономики в Праге.

В сборнике представлены научные статьи соискателей, аспирантов и преподавателей вузов, в которых рассматриваются перспективные направления исследования современного общества, вопросы этнической и политической социологии, достижения, проблемы и перспективы в экономической, социальной и духовной сферах общественной жизни, интеграционные процессы в современном обществе.

УДК 36
ББК 60.5

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Кукарников Д. Г. Социальная теория и социальная реальность.....	5
Каšраговá Е. Získávání a sdílení poznatků v kontextu sociálních věd...	9
Куклин Г. А. Философия contra практика: социологии не существует.....	15
Найденова Л. И. Некоторые тенденции развития современной российской социологии.....	17
Пьянов А. И. Современные тенденции в теории и методологии социологического исследования семьи.....	22
Мидова З. М. Формирование понятийно-категориального аппарата социологической концепции религиозности молодежи.....	31
Трунтова Е. С. Полилингвизм как актуальная категория социологии менеджмента.....	37

II. ЧЕЛОВЕК – СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ – ОБЩЕСТВО

Сурикова Я. А. Человек в изменяющемся мире: субъективная оценка социально-исторической обусловленности автобиографии.....	40
Мухаммед Б. А. Проблемы формирования личности подростка.....	47
Ефимова Д. В., Макаров Ю. А. Исследование свойств личности, связанных с деформациями национального самосознания.....	50
Кириллова А. И. Интеграция и ассимиляция мигрантов-мусульман в российском обществе.....	52
Колударова С. В. Межнациональные браки как показатель миграционного процесса.....	55
Валитова З. Х. Социальные характеристики семьи в (пре)модернистских обществах.....	57
Есимова А. Б. Теория демографического транзита о тенденциях в сфере рождаемости.....	60
Антонович И. В. Основные направления социального обеспечения и поддержки детей-сирот в годы советской власти (в 20–30-е гг. XX в.).....	63
Кольчугина С. В. Наградная политика как канал социальной мобильности предпринимательства России в период буржуазной модернизации (на материалах среднего Поволжья).....	66
Старик И. Н. Неравенство молодёжи: ресурсы городской среды...	70
Ефимова Д. В. Роль толерантности в сохранении мира в полиэтническом обществе.....	72

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Кутепов М. В. Социологический анализ понятия «городское домохозяйство».....	79

Малахов А. О. Новые формы потребительского поведения в современном обществе: от демонстрации статуса к созданию впечатления.....	82
Иванова Т. П. Особенности институционализации туризма в России.....	88
Овчинникова Т. Н. Социология управления и аутсорсинг в управлении персоналом.....	92
Кривошеев В. В. Социальная безопасность: проблемы современного российского социума.....	100
Юшкова С. А. Институт социальной защиты населения, как социально-экономический фактор стабилизации и развития общества.....	106
Семёнова А. А. Некоторые аспекты управления позитивным имиджем законодательного собрания Санкт-Петербурга.....	110
Сверчкова С. А. Социальные предпосылки тоталитаризма.....	112
Белолипецкая Т. В., Белолипецкий В. В. Иран и Россия: возможности стратегического сотрудничества.....	114

IV. КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕСТВА

Юлдашева М. Р. Проблемы культурного отчуждения в современном Таджикистане.....	117
Ефимова Д. В. Толерантность как социокультурный феномен сохранения современной цивилизации во всей её полифонии.....	124
Яковлев Л. С. Смена эпистем образования в контексте глобального социального изменения	127
Богданова А. И. Роль образовательной среды в современном поликультурном обществе.....	143
Тараканова Е. В. Компетентность как основной ориентир профессионального развития в условиях глобализации.....	151
Тарасенко Л. В. Социальное партнерство в системе дополнительного профессионального образования.....	157
Кулакова Е. Л., Левчик Т. А. Изучение социальной структуры и социальной стратификации в школе.....	162
Проказина Н. В. Особенности развития социологической культуры в массовом сознании.....	169
Антипов М. А. Эстетизация смерти как основа современной готики.....	173
Кобызева В. О. Актуальность вопроса виртуальной коммуникации среди молодежи.....	176
Ковалева С. Е. Эффекты телекоммуникаций через ТВ в молодежной среде.....	178
Агафонкина Ю. П., Дорошин Б. А. Информационное общество: теоретическое понятие и некоторые тенденции формирования.....	184

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Д. Г. Кукарников

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Summary. Article represents the problem of correspondence between social theory and social reality. Author defines the basic problem moments and the research strategy allowing to receive a complete image of modern tradition in the philosophy of modern social sciences. Questions, connected with the specific characteristics of social methodology, are analyzed.

Keywords: social theory, social ontology, social reality, models of society, methodology, philosophical discourse, philosophy of social science.

Вопросы методологии, так или иначе связанные с вопросом о том, как следует изучать теорию общества, являются одними из наиболее фундаментальных и одновременно наиболее сложных вопросов, стоящих перед современной социальной философией. Выявление соотношения эмпирического и теоретического в социальном познании, осмысление проблемы социального детерминизма и социальных законов, определение базовых методов социального познания и способов взаимодействия социальной философии с гуманитарной и естественнонаучной сферами познания – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается исследователь в области социальной гносеологии.

Ситуация, сложившаяся в последние годы в отечественных социальных науках, позволяет говорить об отсутствии ярко выраженных приоритетов, направлений и школ. Это объясняется невозможностью становления традиции за то короткое время, в течение которого социально-философское знание имеет возможность свободно развиваться. Российские исследователи достаточно много внимания уделяют анализу и интерпретации тех социальных теорий, которые к настоящему времени уже заслужили признание в западной философии и социологии.

Между тем российская действительность обнаруживает реалии, не имеющие аналогий, и, соответственно, не вполне соразмерные тем контекстам, в которых работают зарубежные авторы. Кризисные события в отечественной истории наиболее явно обнаружили слабость социальных наук, их отставание и беспомощность. И если ещё несколько лет назад «новая» методология связывалась с преодолением существовавшего разрыва с западной философской традицией, то теперь всё большее число российских социальных философов приходят

к осознанию того факта, что уникальная социальная ситуация требует столь же уникальной методологии её философского анализа.

Кроме того, следует иметь в виду и особый статус теоретического знания в структуре социально-философского познания. Исследования, направленные на изучение того или иного конкретного социального явления, как и в любых других науках, определяются нормами и методами теории. Однако именно в социальных науках теория выполняет совершенно особые функции. Это обусловлено тем, что исследователь, работающий с социальными явлениями, сам является частью той реальности, которую изучает. Общество одновременно обнаруживает себя и как субъект, и как объект познания; социальное познание проявляется и как самопознание. Общество, таким образом, выступает не только в качестве эмпирической реальности, но и как проект исследователя, представление учёного, который является неотъемлемой частью этого общества.

Поэтому социальное познание осуществляет не только и не столько когнитивную функцию, но само автоматически становится элементом социальной реальности. Происходит движение социального знания от уровня философской рефлексии к уровню обыденного здравого смысла, подлежащего рефлексии и далее к нерелексируемой повседневности (Э. Гидденс). Поэтому исследование в области социальной теории всегда должно решать актуальную задачу – рассмотреть и раскрыть формы движения и опосредования знания, определяющего ценностные и мотивационные установки повседневности.

Философская концептуализация задаёт основы и теоретические нормативы частных социальных наук, осуществляет рефлексивную работу по осмыслению их предмета и специфики, вырабатывает методологию и категориальную основу исследований. Все эти моменты включаются в исследовательскую программу для работы с социальными явлениями на уровне фактической, эмпирической данности социального.

Возможности философской концептуализации социальной реальности на сегодняшний день не являются достаточно разработанными. Социальные науки с момента своего возникновения больше интересовались проявлениями социального, а не его данностью и спецификой. Особый онтологический регион – социальное бытие – считался областью интереса социологии и относительно недавно начал осмысливаться в философских науках.

Начиная с середины XVIII века в философии постепенно формируется исследовательское пространство, чётко ориентированное на научное изучение социальных форм жизни. В поле внимания мыслителей всё чаще попадает деятельность больших сообществ людей, помещённых в глобально-исторический контекст, актуализируются проблемы, связанные с пониманием сущности государства и власти, начинают оформляться первые теории исторического процесса.

Однако в этот период социальная реальность ещё не является объектом философской рефлексии. В учениях Т. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, А. Кондорсе, А. Тюрго, Б. Мандевиля, А. Шефтсбери осмысливается эмпирический факт – проявление социального – в таких данностях, как государство, власть, страна и т. д. Новоевропейская (в первую очередь Просвещенческая) традиция просто обнаруживает социальное как иноприродное индивидуальному, но не онтологизирует его.

До-онтологическая история социально-философских учений фиксируется соответствующим категориально-понятийным инструментарием. Экспликация социальной проблематики осуществляется преимущественно в терминах политики и государства. Иногда (к примеру, в работах Д. Локка, Б. Мандевиля, А. Шефтсбери) используется понятие «общество», но оно не выполняет категориальных функций и по смыслу контекстуально корреспондирует с общеполитической лексикой социально-философских учений эпохи Нового времени.

Социально-философские учения XVII–XVIII веков в целом можно рассмотреть как фундаментальную концепцию, основу которой представляет принцип трансценденции социального. Концептуализация этой программы осуществляется в контексте общенаучной парадигмы под влиянием эталонов классической науки. Описание общества и анализ его функций осуществлялись по аналогии с объяснительными принципами наук, уже добившихся значительных успехов в познании природы, – прежде всего физики. Все современные исследователи отмечают явные параллели методологий, применяемых для описания общества и природы: взаимодействие людей аналогично взаимодействию атомов, «естественное право» индивида на самосохранение подобно закону инерции в механике, отношения между людьми или группами людей понимаются по принципу броуновского движения и т. д.

Таким образом, государство или гражданское общество в концепциях XVII–XVIII веков уподобляется искусственно созданному механизму, каждая деталь которого выполняет строго заданную функцию. Люди-тела входят в состав другого тела огромной машины-государства, которому добровольно делегируются функции обеспечения условий для самосохранения индивидов и недопущения «войны всех против всех», а человек приобретает гражданское лицо и статус «детали» государственной машины.

Рефлексивная история социальных наук начинается в середине XIX века и связана с работами О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса. В этих учениях постулируется особый, специфический статус социальной реальности и необходимость рассмотрения социальной проблематики в отдельном исследовательском контексте. Начало нового периода в истории развития социально-философской мысли заметно и

через те изменения, которые затронули язык. В систему категорий включается понятие «общество».

Онтология социального как особое пространство исследования возникает на рубеже XIX–XX веков, когда новая наука социология поднимает проблему специфики своего предмета. В русле самоопределения предметной области осуществляются попытки рефлексии относительно того, «как возможно общество» и возникают социальные теории, сейчас считающиеся классическими. Это концепции М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля.

Построение моделей общества, начиная с этого времени, осуществляется на основе различных концептуальных позиций практически всеми философами и социологами. До появления феноменологической философии большой вклад в разработку социальной теории внесли такие мыслители, как Т. Парсонс, В. Парето, Р. Парк, П. Сорокин, Ф. Гиддингс, Л. Гумплович.

Современные способы концептуализации социальной реальности основываются на философских принципах, сложившихся в социологических и социально-философских теориях второй половины XX века. Проблемы специфики социального, сущности общества, возможностей создания структурных моделей ставятся и решаются в работах крупнейших социологов и философов указанного периода: Р. Арона, П. Бергера, Г. Лукмана, Р. Мертона, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Штомпки, А. Гоулднера, К. Мангейма, Л. Гольдмана, Н. Лумана, А. Шюца, Г. Гарфинкеля, П. Уинча.

Сегодня важнейшими гносеологическими задачами социально-философского исследования являются: экспликация и классификация предельных оснований, конституирующих социальную реальность, а также основных способов её концептуализации в современной парадигме философствования; сопоставление и анализ указанных способов с целью выявления наиболее адекватных современной социальной реальности; выявление основных структурных моментов логики эволюции социально-философской проблематики в онтологическом контексте как логики философской концептуализации социальной реальности; прояснение эвристических возможностей концептуализации реальности для анализа современных социальных процессов.

ZÍSKÁVÁNÍ A SDÍLENÍ POZNATKŮ V KONTEXTU SOCIÁLNÍCH VĚD¹

E. Kašparová

Vysoká škola ekonomická v Praze, Praha, Česká republika

Summary. The paper is focuses on the knowledge gaining and sharing in the social science and on the specific stochastic character of social science findings. It is said about social determination of social science knowledge and the methodological consequences.

Keywords: social determination, paradigm, social science, stochastic character, consensus, interdisciplinarity.

1. Studium sociální reality

«V současné době zjišťujeme, že co jsme považovali za správné, to znamená být efektivnější, pracovitější a bohatší, ve skutečnosti nevede k nirváně, v jejíž příchod jsme doufali. Alespoň ne pro každého. Ti, kdo nejvíce vydělávají, si naopak nejsou jisti, jestli to stojí za to. Kdo stojí o to být boháčem na hřbitově? A ti, kteří žádné peníze nevydělávají, mají dojem, že svět nedává smysl, protože peníze jsou údajně jedinou věcí, kterou stojí za to mít, a jim se nedaří žádné získat. Dnes jsme nepřitelem my sami a naše vlastní společnost, protože to, proti čemu bojujeme, je naše pojmání hodnot, naše vlastní principy» [1].

Jaký má charakter vědecké poznání a jaké jsou jeho možnosti při studiu sociální reality? Řada sociologů zabývajících se otázkami vědeckého poznání hovoří o sociální podmíněnosti, resp. determinaci idejí.

Jak uvádí J. Habermas: «Zájem vědců, podle něhož organizují svou badatelskou oblast, čerpá z jejich životního světa, kdy životní svět sestává z individuálních dovedností, intuitivního vědění, jak se vypořádat s nějakou situací, a ze sociálně nacvičených praktik, z intuitivního vědění, na které se můžeme v dané situaci spolehnout, a v neposlední řadě i z triviálně vědomých přesvědčení z pozadí. Na dobře známém pozadí je teprve možné vzájemné dorozumění lidí: a toto vědění životního světa je obsaženo v jazyce. V rozhovoru se otevírající sociální prostor společně obývaného světa poskytuje klíč ke komunikačně teoretickému pojmu společnosti» [12].

Sociologie vědeckého poznání, resp. sociologie vědění daleko citelněji než kterýkoli jiný obor naznačuje, že je při každé formulaci teorie či u explikace každého nového vědeckého poznatku třeba vědět, kdo a pro koho o této konkrétní skutečnosti uvažuje.

Habermasova analýza poznávacích zájmů v návaznosti na Wittgensteina a na Husserlovu tezi životního světa, ústí ve zjištění, že

---

¹ Text is based on: Kašparová, E.: Analýza možností a konkrétních forem vzdělávání prostřednictvím ICT-online jako předpokladu rozvoje virtuální týmové práce v organizacích, Dissertation, VSE, 2008.

neexistuje žádné objektivní poznání, které by mohlo opustit svou vázanost na životní svět. Individuální dovednosti, intuitivní vědění, sociálně nacvičené praktiky a přesvědčení v pozadí, které je také možné nazvat předsudky, samozřejmě ne předem v negativním smyslu slova, určují naše poznání. Přijmeme-li tento způsob uvažování, potom žádné myšlení neprobíhá odděleně a nezávisle na sociálních souvislostech, v nichž lidé uvažují o jednotlivých věcech.

Dlouhá desetiletí jsme žili pod vlivem teorií věhlasných ekonomů v přesvědčení, že hospodářský pokrok je platným příslibem. «Domnívali jsme se, že svět je racionální místo, řízené racionálními lidmi. Dnes velmi rychle zjišťujeme, že je to místo zatraceně zmatené a popletené, které ve skutečnosti nikdo neřídí [3].

V kontextu vázanosti na životní svět se zdá být zcela opodstatněný nejen zmíněný výrok jednoho z guru soudobé ekonomie, ale nelze nepřipomenout i myšlenky T. S. Kuhna o destruktivně-konstruktivních změnách paradigmatu. Konec konců i samotný koncept paradigmatu jednoznačně podporuje směr předkládaných úvah. Kuhn sice vytvořil teorii vědeckých revolucí na základě vývoje přírodních věd a svou teorii odmítal aplikovat na společenské vědy. Podle Kuhna ve společenských vědách «vždy existují vzájemně soupeřící školy a každá z nich neustále zpochybňuje základy škol ostatních» [4]. V tomto kontextu dále uvažoval, zda vůbec nějaká společenská věda již k svému paradigmatu, tedy «pevnému výzkumnému konsenzu», dospěla [5]. Přesto je vhodné některé Kuhnovy myšlenky připomenout a to zvláště v souvislosti s hledáním nových cest, potenciálním úskalím při jejich prosazování, podobně jako při realizaci žádoucích transformací a nezbytných změn v dosavadním způsobu vnímání sociální reality.

Podle obecně přijímané koncepce T. S. Kuhna je **paradigma souhrn základních domněnek, předpokladů a představ dané skupiny vědců. Je tedy jakousi platformou, na jejímž základě vnímáme svět jistým způsobem.** Kuhn takto označuje paradigma jako obecně uznávané a vědecké výsledky, které v dané chvíli představují pro společenství odborníků model problémů a model jejich řešení. Otázkou samozřejmě zůstává validita tohoto směru, jeho možnosti a působnost. Jak se zdá, iniciativy, realizované mimo tento standardní rámec mohou jejich nositelům za určitých okolností přinášet značné obtíže. **Když stávající paradigma neumožňuje uspokojivé řešení některých otázek ve vědě, dochází k přehodnocení samotných základů dosavadního vědění a nastává skoková proměna vědeckého paradigmatu.** Za vědecké (nikoli apriori pravdivé) je podle definice možné považovat každé **obecné rozumové poznání, vycházející z pozorování, rozvažování nebo experimentu,** umožňující jeho falzifikaci nebo verifikaci [6].

Za povšimnutí stojí Kuhnova úvaha o existenci pohybu pouze v rámci jednoho paradigmatu, bez historické perspektivy. V tomto případě mohou vědci daného oboru a s nimi i laická veřejnost směřovat k přijetí

«pravdy termínů» a považovat ji za jednu provždy danou a nezpochybnitelnou. Společná terminologie je pro vědecký výzkum velmi důležitá, avšak limitovaný vývoj paradigmatu může vyústit v určitou strnulost myšlení a k pasivitě vůči vnímání anomálií, které by mohly stávající paradigma transformovat. Vědec pohybující se v hranicích pouze jednoho paradigmatu je jen obtížně schopen překročit jeho rámec.

Normální věda podle Kuhna programově neusiluje o inovace. «Projekt, jehož cílem je artikulovat paradigma, tedy normální věda nemůže usilovat o neočekávané novinky» [7]. «Normální věda neusiluje o nové jevy nebo teorie, a pokud je úspěšná, pak ani žádné novinky nenachází» [8].

Nové a mnohdy neočekávané jevy se však objevují, což vede k vytváření zcela nových teorií. Nové skutečnosti vyvolávají změny paradigmatu. Vytváření inovací se uskutečňuje v procesu, který se řídí určitými pravidly, avšak k jejich přijetí je nutné vytvořit pravidla nová.

Přechod mezi paradigmaty musí být skokový [9],

jde o přechod mezi dvěma nesouměřitelnými světy [10].

Posun vědeckého poznání podle Kuhna není přímočarý, ale je čas od času přerušován klíčovými transformacemi tzv. vědeckými revolucemi. Vědecké revoluce pak s sebou nesou možnost, resp. nutnost přehodnocení samotných základů dosavadního vědění. «Vědecké poznání tedy nesměruje k nějaké jediné pravdě o světě, netýká se žádné «objektivní reality» – nezávislé skutečnosti, všem společné, vždy zde již jsoucí. Věda, tak jako každá lidská činnost, má svůj kulturní, dějinný, instituční, sociální a psychologický rozměr. I vědecké poznatky jsou proto historicky podmíněné: vyjadřují ducha dané epochy, mění se s dobou i s okolnostmi» [11].

To zcela logicky nabízí již zmíněnou myšlenku, že věda je pouze tím, co považují za vědu vědci daného oboru a to ještě v určitém historickém a sociálním kontextu. Primatoložka D. Harawayová, vede své myšlenky v podobném duchu. Ve svých úvahách Harawayová charakterizuje vědu jako celek a dospívá k závěru, že věda je vlastně uměním ve vyprávění příběhů. «Život a společenské vědy obecně ...jsou plny příběhů. Tyto vědy se skládají z komplexních, historicky specifických způsobů vyprávění příběhů. Fakta se zakládají na teoriích, teorie na hodnotách a hodnoty na příbězích. Proto fakta mají význam, daný příběhy» [12].

Podle Harawayové «měla věda vždy charakter utopie. Ve svém úsilí popsat svět, porozumět jak skutečně funguje, vědci současně zkoumají meze možných světů... «to, co vymezuje dobrý příběh v přírodních a společenských vědách je částečně dáno dostupnými sociálními vizemi těchto možných světů. Deskripce je potom dána vizemi, fakta a teorie jsou vnímány v kontextu příběhů, světy, o které lidské bytosti soupeří jsou složeny z významů.» Významy představují ohromné materiální síly, podobně jako potrava a sex. A podobně jako potrava a sex, i významy jako sociální konstrukty určují kvalitu života lidí» [13].

V názorech zmíněných expertů se objevuje **problematika hodnot**. Jak se zdá, hodnoty jsou odrazem sociální situace, resp. definice sociální

situace, ve které se zpravidla život experta realizuje. Zde bychom mohli citovat antropologa C. Kluckhohna, pro kterého: «hodnoty a potřeby jsou dvě strany stejné mince « což lze interpretovat tak, že každé určité potřebě odpovídá určitá příslušná hodnota [14].

Jako příklad lze uvést hodnotu *znalost*, která souvisí s potřebou poznat, pochopit a porozumět neznámému. Je však třeba upozornit, že zmíněné hodnoty mohou v souvislosti s definicí situace a tudíž v souvislosti s možnostmi uspokojování jednotlivých potřeb nabývat rozdílných obsahů. Jinak řečeno, dynamický systém potřeb každého jednotlivce resp. společnosti produkuje odpovídající systém hodnot. Soudobá sociální věda a zvláště pak sociologie tak má zájem vysvětlit nejen existenci společnosti *per se*, ale rovněž se snaží nabídnout srovnání rozličných sociálních jevů v čase a prostoru v termínech její vlastní axiologie [15].

Někteří vědci v oblasti sociologie vědeckého poznání přicházejí s názorem, že vědecká práce spíše realitu konstruuje, než by jí reflektovala. Spor o možnost objektivního poznání však v historii lidského myšlení není ničím novým. Již z dob antického světa jsou nám známy úvahy skeptiků, či jejich následovníků z období novověké filozofie. Skepticismus však o možnosti poznat objektivní svět pochyboval. Radikální konstruktivismus ji vylučuje. V této koncepci se tvrdí, že neexistuje žádná cesta k objektivní skutečnosti. Nejde však o popření existence reálného světa. Ten zde bezesporu je, ale jde zde o naše poznání tohoto světa, které není podle názoru konstruktivistů, nezávislé na subjektu poznávání. Tzn. že jednu a tutéž skutečnost mohou interpretovat několika možnými způsoby. Vše, co o realitě můžeme říci, je to, jak ji vidíme my. Vše, co je řečeno, jak uvádí Maturana, je řečeno pozorovatelem [16].

Maturanovy myšlenky do jisté míry konvenují s Kuhnovými úvahami o přijetí nového paradigmatu jako zásadní revoluce ve vidění světa. Podle Kuhna totiž paradigma tvoří předpoklad samotného vnímání a je jakousi platformou na jejímž základě vnímáme svět jistým způsobem.

V takto Kuhnem a dalšími charakterizované vědě začneme daleko zřetelněji vnímat omezení našeho poznání na jedné straně, ale i značnou relativnost celé škály dosud obecně přijímaných teorií.

Názorným příkladem rozdílného vnímání sociální reality a přístupu k ní je i následující přehled:

Klasické paradigma	Postklasicképaradigma
Fakta	Souvislosti
Analýza	Syntéza
Racionalita	Intuice, inspirace
Redukce (zjednodušování)	Restituce (mnohoznačnost neuchopitelnost)
Základní stavební jednotky	Jednotící (uspořádávající) princip

Prvky	vztahy
Statický model	Vitalismus, organicismus
Trvalost, stav, bytí	Transformace, příběh, dění
Adaptace, konkurence	Kreativita, spolupráce
Izolace zkoumaného	Vřazování do kontextu
Jednosměrné vztahy	Zpětné vazby
Deskripce	Interpretace
Odstup, nezaújatost	Zúčastněnost
Diferenciace vědních oborů	Prolínání oborů, interdisciplinarita
Oddělení vědy a veřejnosti	Popularizace, spoluúčast veřejnosti
Nezávislost vědy	Etické, sociální a kulturní aspekty vědy

Zdroj: Erban, V., Zelený list [17].

2. Pravděpodobnostní charakter zjištění sociálních věd

Při srovnání vědecké práce v oblasti přírodních věd s charakterem vědecké práce ve vědách sociálních se tato skutečnost ukazuje ještě markantněji. **Zjištění v rovině sociální reality** mají totiž na rozdíl od relativně přesných a spolehlivých resp. exaktních zjištění přírodních věd vždy pouze náhodný, resp. pravděpodobnostní, **stochastický charakter**.

Slovo stochastický pochází z řeckého stochazein = střílet lukem na terč (stochos) – tedy právě nikoliv ‚náhodně‘. Tedy nikoliv ‚náhodně‘ v dnešním laickém slova smyslu. Řečtí lukostřelci se totiž za zdar střelby modlili k některému z bohů.

V moci boha potom bylo působit na onen náhodný – stochastický – prvek spojený neoddělitelně s lukostřelbou bez ohledu na přesnost zacílení. I relativně nevýznamná úchylka může způsobit, že sebelepší střelec se může minout, chybit cílem.

Toto ‚minutí cíle‘ nebo jinak, ‚pochybení‘, které se řecky řeklo hamartéma a latinsky error, nabylo posléze významu ‚chyba‘, ‚blud‘, a v konečné podobě ‚hřích‘. Pojem stochastický‘ tedy označuje rozptyl kolem žádoucího výsledku.

Gregory Bateson definuje stochastický proces‘ následovně: Jestliže posloupnost událostí sdružuje náhodný (random) prvek se selektivním dějem tak, že pouze některé výsledky náhodného mohou přetrvat, tato posloupnost se nazývá stochastická [18].

To odpovídá postupu – pokus – omyl –, tj. náhodnému výběru z možností, jehož výsledek postupně předchodí výběr zužuje. Stochastický proces lze proto vystihnout jako «**učenívé tápání**» [19].

Stochastický charakter zjištění sociálních věd znamená, že závěry, ke kterým dospíváme v sociálních vědách, můžeme vždy konstatovat jen s určitou pravděpodobností.

Shrnutím dosavadních úvah mohou být následující závěry. **Nelze opomíjet koncept pozorovatele.** Při výběru metod a technik je sám pozorovatel odpovědný za způsob získávání a práce s daty, tudíž i zde vstupuje do terénu s vlastní relativně omezenou výbavou základního rámce. Nelze opomíjet pravděpodobnostní charakter výzkumných zjištění.

Konec konců v sociálních vědách je tradičně k dispozici velké množství zdrojů dat ve formě psaných textů [20].

Přes relativní obsáhlost zdrojů dat však lze říci, že spektrum metod a technik tradičně používaných v sociologii dosud odpovídajícím způsobem nereflektuje nové trendy v chápání sociální reality.

Bibliografický seznam

1. Handy Ch.: Jak najít smysl v nejistotě in Nový obraz budoucnosti, Management Press Praha, 1998, str. 42.
2. Habermas J.: Stumpf gewordene Waffen aus dem arsenal der Gegenaufklärung. Brief an Sontheimer vom 19.9. 197. In Duve (Hg.) Briefe zur Verteidigung der Republic, Reinbeck 1977, str. 70.
3. Handy Ch.: Jak najít smysl v nejistotě in Nový obraz budoucnosti, Management Press Praha, 1998, str. 40.
4. Kuhn T.: Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen, Praha, 1997, str. 161.
5. Kuhn T.: Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen, Praha, 1997, str. 27.
6. <http://mrkvicka.blogspot.com/2008/03/paradigma.html>
7. Kuhn T.: Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen, Praha, 1997, str. 47.
8. Kuhn T.: Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen, Praha, 1997, str. 62.
9. Kuhn T.: Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen, Praha, 1997, str. 150.
10. Kuhn T.: Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen, Praha, 1997, str. 148.
11. http://cs.wikipedia.org/wiki/Thomas_Kuhn
12. Haraway, D. «Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective.» In Haraway, D.: Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. London: Free Association Books. 1991, str. 79.
13. Haraway, D. «Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective.» In Haraway, D.: Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. London: Free Association Books. 1991, str. 92.
14. Kluckhohn, C. 1962. Culture and Behavior: The Collected Essays of Clyde Kluckhohn. Free Press., str. 35.
15. Para-Lunna F.: A draft theory of society in Papers, 72, 2004 (34 pp.). (English version in Systems research and behavioral science, 18, 2001).
16. Maturana H.: Ontology of Observing, in Conference Workbook: Texts in Cybernetics, American Society For Cybernetics Conference, Felton, CA., 1988.
17. <http://www2.tf.jcu.cz/~erban/paradigma.pdf>
18. Neubauer, Z.: Smysl a svět. Moraviapress, Praha 2001.
19. Neubauer, Z.: Smysl a svět. Moraviapress, Praha 2001.
20. Sociologický časopis, 1997, Vol. 33 (No. 1: 57–67).

ФИЛОСОФИЯ CONTRA ПРАКТИКА: СОЦИОЛОГИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Г. А. Куклин

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. In this article the author examines the fundamental problem of modern social science – the contradiction between declared status and real content of this. In the concept of «non-existence of sociology», problematizing both ontological and epistemological status of sociology. Article provides an alternative model of the structure of modern sociological knowledge. Suggests ways to solve the problem.

Keywords: pre-reflective, «Trap of the Comte», non-existence of sociology, the subject of sociology, ontology, epistemology, ideologem, structure of sociological knowledge, sociology, sociosofy, sacionomics, existence.

Современный дискурс гуманитарной науки, несмотря на усиливающиеся попытки его проблематизации [1, 2, 3], является «дорефлексивным». То есть наука функционирует как система, исключительно продолжая себя, следуя из задачи продолжения.

Это состояние является нормальным для функционирования института науки [4]. Но, во-первых, известен лишь опыт естественнонаучной «дорефлексивной» традиции. Во-вторых, в этом случае наука находится на этапе значительной методологической (в широком смысле) развитости. Тогда такое «продолжение» обеспечивает и преобразовательный потенциал в отношении своего предмета, и возможность «революции» в отношении собственной методологии.

Область гуманитарной науки, называемая социологией, на данный момент не может быть сравнима с развитыми науками, так как она экспериментально не изменяет собственный предмет. (Политические решения, лоббирующиеся при помощи идеологем, наподобие «социологи доказали», вряд ли можно отнести к подобным экспериментам). В этом смысле социологию вообще нельзя называть наукой в классическом смысле. Как и любую другую гуманитарную науку.

Не имея возможности прикоснуться к человеку как «вещи в себе», Конт постулировал изучение только связей между социальными явлениями [5]. Формально преодолевая кантовский субъективизм [5], интуитивно Конт как родоначальник социологии предсказал и ее конец. Это Ловушка Конта. Если невозможен эксперимент над человеком, социология становится философской дисциплиной, вся деятельность которой сводится к бесконечному «каббалистическому» перебиранию слов [6]. Если же такой эксперимент возможен, из социологического дискурса навсегда исчезает вопрос «почему», и социология превращается в инженерию, лозунг которой «это есть, потому что это возможно», и предел которой – Паноптикум будущего.

Современное социологическое сообщество не приемлет первый вариант категорически. Второй же является целью всех стремлений, той самой «социологией без всякой метафизики». Вопрос необходимо поставить иначе: где же тогда собственно социология? Она вышла из философии, ее цель – управление. Ее попросту нет.

Следует говорить о некоем «небытии социологии». Репрезентативно оно выражено в одновременности «дорефлексивности» дискурса и его основанности на «пустоте» положения между «уходом из» и «приходом к». Социолог решает вопрос «кто он», прерывая этим вопросом выполнение ряда дорефлексивных «социологических» операций.

Метафизика социологии, определенная позитивистами, далее развивается в философии «предмет-метод» Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля. Если первый выделяет особую реальность *sui generis* [7], следствием чего становится возможной новая наука о новом классе явлений, то второй предлагает социологию лишь методом для других наук [8]. Трудно ясно представить себе как первый, так и второй способы. Тем более, ретроспективно. В первом случае мы сталкиваемся с проблемой, которую Сорокин описал на примере категории «национальность» [9]. Взаимодействие (как заявленный предмет) – есть совокупность предметов других наук: языковых практик, психических процессов, физиологических реакций. Любая социологическая теория обязана расчленивать это «взаимодействие» и вступить, так или иначе, в область другой науки. Если речь идет об особом методе, то необходимо развести два момента. Во-первых, не существует особых социологических методик. Все они заимствованы из лингвистики, истории, психологии, статистики... Во-вторых, сама социология как метод для других наук тогда становится просто одним из «взглядов», «срезов», «точек зрения». Где же социология? Ее опять нет. И онтологически, и эпистемологически, социология пропадает в комнате с тысячью зеркалами.

Но ведь существуют же социологи, институты, кафедры? Да, но они, опять-таки, в редких случаях рожают тонкие и глубокие философии, в редких случаях создают операциональные технологические модели, а, как правило, представляют знакомые явления в «социологическом» срезе, занимаются переводом с языка обыденности на «научообразный» язык. Особое место в этом процессе занимает «верификация», – основная идеологема современного социологического дискурса.

В этом случае структура «реального социологического знания» выглядит совершенно в ином свете, нежели современные апологеты пытаются ее представить [10]. Можно выделить три социологии: социологию как социальную философию, социологию как социальную статистику, социологию как обществоведение, которому недостает методологической силы для того, чтобы попасть в первый уровень, и эмпирической соотнесенности, чтобы попасть во второй.

Перспектива развития социологии одна. Определиться. Стать философией – значит стать супротив социальной реальности, стать ее

истинной «рефлексией» и единственной «критикой». Стать практикой – последовать методологической модели теории среднего уровня Парсонса-Мертон-Лазарсфельда, полностью соответствующей попперовскому методу фальсификации и идеалу математизированной науки.

Первый шаг на любом из двух путей – всесторонняя борьба с социософскими рассуждениями. А это значит, во-первых, подчинить дискурс логическим правилам, а во-вторых, поступательно устранять дублирующиеся и повседневные категории [11]. Необходимо ликвидировать преимущество социософского «балласта» в структуре социологического дискурса. Социософия в социологии не есть «посредственная наука» в развитой области. Физик, хороший он или плохой, все равно использует те же категории и те же методы. В физике есть ясные образцы для подражания. В социологии на данном этапе есть два образца: сложная философская система или работающая технологическая модель. Их должно быть два, а середины быть не должно.

Современная социология является точным отражением современной социальной реальности. Это тем удивительнее, чем больше мы задумываемся над ее рефлексивной задачей. Как можно осознать себя через нечто, что полностью тебя повторяет? Действительно, небытие социологии равно экзистенциальному небытию человека, так же отраженному в тысяче зеркал других. Но так же, как и человек мгновениями переживает себя существующим, социолог мгновениями переживает собственное существование, существование того, чего нельзя ухватить. Это тождество, хоть и недостижимо, уводит социологию от канона классической науки, тем не менее, делает ее самой человеческой из наук.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. Введение. – М.: Академический Проект, 2005.
2. Качанов Ю. Л. Начало социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 2000.
3. Качанов Ю. Л. Социология социологии: антитезисы. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 2001.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2009.
5. Конт. О. Дух позитивной философии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
6. Эко У. Маятник Фуко. – СПб.: Симпозиум, 2002.
7. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, проблемы. – М. 1995 г.
8. Зиммель Г. Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX века. – М., 1996.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.
10. Гощенко Ж. Т. Социологическое знание: парадигмы, уровни, структура. // Проблемы теоретической социологии. – Вып. 6. – СПб., 2007.
11. Качанов Ю. Л. Полипарадигмальный подход, логика и социологические понятия // Социологические исследования. – 2010. – № 8.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Л. И. Найденова

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. At this article the tendencies of development of Russian theoretical sociology is analyzing, and the using of this theories in the sociology of study, in the sociology of management is analyzing, too.

Keywords: sociology, scientific knowledge, the sociology of study, the sociology of management.

Одним из показателей развития российской социологии как науки стало накопление уже к концу 1960-х гг. значительного объема социальной информации. Потребовались ее упорядочение и определение критериев классификации, выбора методологических стратегий исследования, обоснования подходов к структурированию социологического знания. Это позволяет точнее классифицировать критерии и методы исследования в зависимости от парадигмы, которой придерживается исследователь. Парадигмы по-разному трактовались в отечественной литературе, что подтверждают, например, многочисленные публикации в научном журнале «Социологические исследования». Прежде всего, это прослеживается в основных направлениях исследований, в деятельности социологических школ, представляющих как теоретическую, так и практическую социологию. По мнению Г. В. Осипова, существуют четыре общезначимые социологические парадигмы, связанные с творчеством К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Б. Скиннера: социально-исторического детерминизма, социальных фактов, социальных дефиниций и социального поведения. Другие авторы, характеризуя парадигмы в социологии, анализируют натуралистическую, интерпретационную и оценивающую методологию. С. А. Кравченко анализирует метапарадигмы, которыми он считает: позитивистскую, интерпретивную, интегральную, а также рефлексивную и нелинейную парадигмы модерна и постмодерна. Ю. Г. Волков предлагает в основу положить подход к парадигмам, толкуя принцип действия каждой как «общий угол зрения на изучаемый феномен». Исходя из этого, он выделяет функционалистскую парадигму, парадигму понимающей социологии, парадигму социального поведения, парадигму социально-исторического детерминизма. Свой подход к методологическим стратегиям предложила И. М. Попова, рассматривая их в противостоящих друг другу понятиях: макро- и микросоциологический подход, объективно-предметный и субъективно-ценностный, функционалистский и конфликтный [1, с. 10]. Это говорит о том, что современные российские социологи значительно отошли от очень уз-

кого толкования общего социологического подхода как реализации принципов исторического материализма (именно такой подход еще в конце 80-х гг. был распространен, и встречался в самых первых учебниках по общей социологии, опубликованных в то время).

Особого внимания заслуживает та часть теоретико-методологических концепций, которую Ж. Т. Тощенко обозначает как социологический реализм, ориентированный на парадигму «общество» Эти социологи изучали общество как социальные системы, социальные отношения в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Модификация такой парадигмы в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях, социальных общностях, как определяющих объект и предмет социологии, нашла отражение в работах многих российских (советских) социологов – В. А. Ядов, Г. Е. Зборовский, А. Г. Харчев. Применение этого подхода внесло большой вклад в развитие социологии. Достаточно сказать о глубоких системных исследованиях социальной структуры, социальной мобильности, социальных трансформаций российского общества (М. Н. Руткевич, Т. И. Заславская). Однако время показало, что трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не отвечает на многие вопросы [1, с. 13]. Развитие и применение этого типа стратегий было характерным для отечественной социологии 70–80-х гг., но не утратило своего значения и в более позднее время. Эта стратегия успешно используется в экономической социологии (О. И. Шкаратан), в региональной социологии (Л. А. Беляева), в исследованиях социальной стратификации современного российского общества (Н. Е. Тихонова).

Вторая методологическая стратегия, которую, по мнению Ж. Т. Тощенко, можно назвать социологическим номинализмом, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит процессам взаимодействия личностей, их интеграции и дифференциации. Сторонники этой парадигмы (феноменологическая социология, понимающая социология, этнометодология) в центр анализа ставят человека, считая его основным источником информации. В зарубежной социологии это – теория социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), символический интеракционизм (Дж. Г. Мид), феноменологическая социология [1, с. 13]. Очень успешным оказалось применение и адаптация символического интеракционизма к социологии образования. В качестве примера следует привести предложенный В. Я. Нечаевым (1992) социокоммуникативный подход, основанный на синтезе важных принципов символического интеракционизма, социолингвистики, семиотики. Такой подход требует рассматривать образование как сложный культурно-исторический процесс. Не менее успешно используются в социологии образования, социологии личности, социологии культуры основные положения концепции социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман). Развитие и применение этого типа стра-

тегий можно проследить на процессе развития указанных отраслей социологии. Применение этого типа стратегий позволяет исследовать социологические проблемы доступности высшего образования для разных групп общества (Е. Р. Ярская-Смирнова), представления о социальных функциях религиозной веры (М. П. Мчедлов), трансформации российской духовной культуры (О. А. Митрошенков).

Третьей методологической стратегией является конструктивистский подход, учитывающий взаимосвязи между макро- и микро-социологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями. Такой методологической стратегией является концепция социологии жизни, зачатки которой проявили себя еще в XIX веке, но не привлекли тогда внимания [1, с. 13]. В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия обоснована Ж. Т. Тощенко. Ее в определенной степени разделяют Ю. Г. Волков, С. И. Григорьев, И. М. Попова и др. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропо-социетальный подход, обоснованный Н. И. Лапиным. Выделяется поиск в этом направлении Ю. М. Резника. Фактически с позиций общего и особенного, их органического развития строит исследования В. К. Левашов. Он соединил в концепции устойчивого развития глобальные и конкретные развития человеческого сообщества в их противоречивом, но, в то же время, личностном измерении [1, с. 14]. Развитие и применение этого типа стратегий можно проследить на процессе формирования и развития отечественной социологии управления. Социология управления все более тесно связывается с теорией и практиками менеджмента, меньше усилий отводит на исследование проблем социальной политики, оставляя этот предмет другим отраслям (например, социологии политики). В отдельную отрасль (социологию конфликта, а затем – конфликтологию) сформировалось еще одно важное направление – исследование социальных конфликтов, которое началось с прикладных исследований в конце 80-х гг.

Для анализа тенденций в направлениях исследований отечественной социологии представляет интерес сравнение тематики диссертационных исследований, утвержденных ВАК РФ в 1999 и 2008 гг. (социологические науки). Распределение тематики по отраслям специальностей приведено в таблице 1.

Таблица 1

**Распределение тематики докторских диссертаций
по отраслям специальностей (количество диссертаций,
утвержденных ВАК РФ)**

Название специальности	1999 г.	2008 г.
Социальная структура, социальные институты и процессы	13	15
Социология управления	7	9
Социология духовной жизни (социология культуры, духовной жизни)	6	6
Теория, методология и история социологии	5	3
Политическая социология	4	
Экономическая социология (экономическая социология и демография)	3	4
Социальная философия	2	
Политические институты и процессы (политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии)	1	1
Социология медицины	-	2

Источник: [2, с.137; 3, с. 145].

В. Ф. Левичева, анализируя результаты деятельности диссертационных советов за 2005–2007 гг., отмечает, что за указанные годы произошло снижение общего количества присуждаемых докторских степеней: в 2005 г. утверждено 73 докторские диссертации, 2006 г. – 62, 2007 г. – 58 [3, с. 145]. Для сравнения: в 1999 г. президиум ВАК утвердил 41 докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук [2, с. 137]. Подобная отрицательная динамика объясняется, с одной стороны, возросшей требовательностью диссертационных советов при квалификационной оценке диссертаций, а с другой, – затянувшейся реорганизацией деятельности всей сети диссертационных советов, которая была завершена лишь к началу текущего года [3, с. 145]. Можно надеяться, что происшедшая затем реорганизация деятельности диссертационных советов, реформирование и закрытие многих из них принесли положительные результаты.

На основе обзора научной литературы, опубликованной в 1990–2000-х гг. можно сделать следующие выводы.

- В отечественной социологии произошел переход от преобладания одного теоретико-методологического подхода (историче-

ский материализм) к применению многих подходов (макросоциологических и микросоциологических) для разработки понятийного аппарата и концепций исследования.

- Это способствовало появлению и развитию множества новых отраслей социологической науки. Одновременно происходит переход к полипарадигмальности, с целью объяснить новые социологические явления, сформировать новую классификацию социологических понятий и критериев.

За прошедшие годы значительно активизируется исследовательская деятельность, о чем свидетельствует увеличение (хотя и неравномерное) количества защищенных докторских диссертаций и, соответственно, появление советов по защите соответствующих диссертаций, увеличение числа монографий и научных статей, новых научных журналов. Наибольшая активность исследователей остается характерной для отраслей социологических специальностей, которые можно считать наиболее широкими по содержанию проводимых исследований (социальная структура, социальные институты и процессы; социология управления).

Библиографический список

1. Тощенко Ж. Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы) // Социологические исследования. – 2009. – № 7.
2. Москвичев Л. Н. Комментарий экспертного совета ВАК // Социологические исследования. – 2001. – № 7.
3. Левичева В. Ф. Комментарий эксперта // Социологические исследования. – 2008. – № 7.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ

А. И. Пьянов

Северо-Кавказский государственный технический университет,
г. Ставрополь, Россия

Summary. In article features of a family as specific subject of a society, change of its place and a role in historical process of its development are analyzed. The basic theoretical directions in modern sociology of a family are considered. The methodological basis of the sociological approach to family research is defined.

Keywords: family, social institute, social group, social transformations, family changes, sociological approach.

Необходимость научного осмысления места и роли семьи в современном социуме определяется как общественными потребностями в существовании и эффективном функционировании семьи как социального института, логикой происходящих в нашей стране и мире

трансформационных процессов, так и закономерностями развития самого социологического знания.

Аксиоматичным является тот факт, что никакое общество не может существовать, не создавая особого механизма, обеспечивающего его непрерывное биологическое и социальное восполнение. Семья есть системообразующая форма человеческой общности и важнейшая общечеловеческая ценность, в которой условия существования самого сообщества людей соотнобразуются с высокой природной, социальной и духовной целесообразностью.

Роль и место семьи как социообразующего института в человеческой цивилизации определяется имманентно присущими ей свойствами. Во-первых, семья – это «единственная социальная система, увеличивающаяся, разрастающаяся не за счет приема новых членов извне, а благодаря рождению детей» [1]. Этим она поддерживает биологическую непрерывность общества. Во-вторых, будучи «первичным лоном человеческой культуры» [2], ценностно-нормативным компонентом социетально-институциональной структуры общества, первичной естественной социальной организацией, в которой осуществляется социализация человека, семья выступает в качестве транслятора социального опыта и культурного наследия и обеспечивает тем самым социокультурную преемственность поколений. В-третьих, семья – это не только универсальный способ организации социальных связей и отношений людей, но и особая сфера жизнедеятельности согласованно действующей группы. Как согласованно действующая группа она выступает как совокупный субъект деятельности. Деятельность совокупного субъекта является интегративным результатом взаимодействия составляющих его индивидуальных субъектов, и, в соответствии с известным законом системности, отличается от простой суммы их персональных качеств эмерджентными свойствами и некоторыми новыми кооперативными параметрами. Кроме того, цели и действия семьи как совокупного субъекта отражают коллективное сознание ее членов, объединенных в данной группе или организации на основе исторически сложившихся устойчивых общественных связей. Все эти свойства определяют семью в качестве уникального субъекта общества. Уникальность семьи как социокультурного феномена заключается в целостности ее групповой и институциональной природы.

Являясь базисным условием функционирования общества, семья на протяжении всей истории человечества играла важнейшую роль генератора и интегратора социальных связей, всей социальной жизни, так как в ней заключен мощный потенциал воздействия на процессы общественного развития. Будучи совокупным субъектом деятельности и носителем коллективного сознания, семья выступает как относительно самодостаточный актер социальных отношений. «Семья обладает возможностями, – указывает А. И. Антонов, – позволяющими осуществлять редукцию социетальных процессов к резуль-

татам социального поведения микросреды и выводить из эмпирически исследуемых фактов тренды глобального характера [3].

Семейная жизнедеятельность вплетена в социальную реальность, арену столкновения многообразных социальных сил, участвующих в процессах социальной дифференциации и интеграции. В семье фокусируются почти все происходящие в обществе процессы. Она, как и общество в целом, находится во власти перманентно ускоряющейся исторической и социокультурной динамики. Поэтому семья *generis sui* не является раз и навсегда застывшей конструкцией. В процессе исторической эволюции у нее сформировалась способность изменения и приспособления к меняющимся условиям жизнедеятельности. Эта способность к адаптации сохраняла семью на протяжении практически всего времени существования человеческой цивилизации.

Макросоциальные трансформационные процессы, направленные на переход от традиционного общества к современному (индустриальному, урбанизированному, секулярному) обществу, совокупность которых принято называть модернизацией, изменили сначала облик Европы, а затем и всего мира. Формирование современного общества явилось следствием многих общественных трансформаций (экономических, политических, социокультурных), которые взаимно усиливали и обуславливали друг друга. С наступлением эры промышленной цивилизации, изменением способа производства и образа жизни произошло изменение баланса в соотношении родового и индивидуального факторов в жизнедеятельности человека в сторону последнего.

Под влиянием трансформационных процессов в обществе современный человек (особенно в ареале христианской цивилизации) во все большей степени становится личностью, неспособной жертвовать во имя любых социальных общностей, ставить общие (групповые) интересы выше частных. В этих условиях семья представляет собой относительную, но не абсолютную цель. Абсолютная цель природы современного человека заключается в том, чтобы стать личностью [4]. В результате в социальном бытии очевидным становится влияние на семью таких характерных тенденций современности, как индивидуалистические ориентации в обществе, многовариантность свободного субъективного выбора, социокультурный плюрализм и другие, которые определяют характер нынешних тенденций развития института семьи и отношений семьи и общества. В общественном сознании постепенно начинает утрачиваться понимание того, что общество будет существовать и процветать только при условии благополучия и успешности семьи.

Негативные социальные процессы семейных изменений, утрата семьей столь высокого и значимого в прошлом места в социальной структуре носят глобальный характер, присущи всем странам, пережившим или переживающим наступление современной эпохи. Причины неблагоприятных тенденций развития семьи состоят не в от-

дельных, подчас, может быть, важных материальных и других условиях жизни, а в том, что изменился (и при том радикально) сам образ жизни людей в наиболее существенных чертах современной цивилизации. Сегодня все сильнее проступает ценностный кризис семьи, суть которого состоит в усугублении противоречия между семейными и внесемейными ценностями человека. Конкретно это выражается в падении рождаемости, малодетности, неустойчивости брачно-семейных отношений, серьезных проблемах в области воспитания детей, увеличении доли неполных семей и т. д. Названные проблемы вызывают беспокойство с точки зрения их влияния на воспроизводство населения и его успешную социализацию.

Попытки семьи использовать свой специфический механизм адаптации к радикально изменившимся условиям существования обернулись рассогласованностью между элементами ее функционирования как социального института. Это вызывает двойную нереспонсивность – общества и личности, которая находит выражение в двух социальных крайностях – тенденции общества к тоталитарности и тенденции личности к индивидуализму. Противоречие между ними стало основным содержанием современной эпохи. Не откликаясь на нужды семьи как социокультурной целостности, общество и личность остаются один на один с их взаимоисключающими тенденциями, то есть оказываются лишены своей амортизационной опоры.

Кризисные тенденции в развитии социального института семьи, связанные с неэффективностью исполнения семьей своих социальных функций, с обесцениванием семейного образа жизни не следует рассматривать в качестве «необратимых» последствий имманентных процессов его исторической эволюции. По словам известного американского социолога Р. Нисбета, «что было разрушено людьми и их сознательными усилиями, может быть такими же сознательными усилиями восстановлено или исправлено – с помощью эффективных мер социальной политики» [5]. Тем более, несмотря на всю глубину и масштабность наблюдаемых экономических, политических и социокультурных трансформаций, все больше меняющих человека и общество, гендерные роли, семейные отношения и содержательное наполнение семьи, она «остаётся местом наиболее глубоких и значимых человеческих связей, местом его наиболее долгосрочных надежд» [6].

Социальная реальность изначально устроена так, что только институт семьи может противостоять вышеуказанным тенденциям и исполнять роль интегративной единицы общества. Поэтому в укреплении семьи обоюдно заинтересованы и личность, и общество.

Современный этап исторического развития общества требует углубленной разработки вопросов, относящихся к выявлению проблем эффективного функционирования социального института семьи в обозримом будущем. В современных демографических, социально-экономических и социокультурных процессах, детерминирующих ин-

ституциональные изменения семьи, много неизученного, что затрудняет разработку действенной государственной семейной политики. Это в значительной степени обуславливает общественные потребности научного осмысления процессов, происходящих с семьей как социальным институтом.

Решение этой задачи во многом упирается в недостаточную разработанность теоретико-методологических основ исследования социального института семьи.

Новейший период развития мировой социологии характеризуется методологическим плюрализмом, множеством разнообразных подходов, решающих свой круг задач применительно к определенным предметам и объектам социологического исследования. Это является закономерным следствием усложнения социальной реальности, провоцирующей разнообразие необходимых для ее изучения теоретико-методологических конструкций.

В этих условиях усиливается потребность в создании общих теоретических подходов концептуального характера. Это необходимо для формирования общесоциологического тезауруса, на основе которого можно было бы на едином терминологическом языке описывать и сравнивать ход социального развития (явлений / процессов) в разные исторические периоды и в разных странах и выстраивать платформу коммуникации между исследователями.

К сожалению, ни в отечественной, ни в зарубежной социологии семьи до сих пор не разработана общая теория, которая обозначала бы систему законов, сформулированных на основе экспериментальных исследований.

В современных общественных науках описательная теория дает картину явления, а объяснительная теория говорит, почему происходит данное явление. Обе теории правомерны. Внутри объяснительной теории можно выделить частную теорию и общую теорию. Первая предполагает ограниченные объяснения частных аспектов семейных явлений, большая часть которых получена из эмпирических исследований, имевших целью определение упорядоченных взаимоотношений в выбранных аспектах всего предметного поля исследований семьи. Общая же теория стремится к универсальным, всеобщим объяснениям. Она предполагает широкий охват материала от макроанализа институциональных изменений структуры и функций семьи до микроанализа предположений о коалиционных образованиях в семейных группах различного размера и состава.

В нашем понимании термин «общая теория семьи» в социологии семьи должна описывать диалектику перехода от малых обобщений, описательных и объяснительных, от конкретных аспектов семейных явлений к частным теориям и, наконец, к общим теориям происхождения и эволюционного развития семьи. Это будет способствовать

более полному пониманию, а следовательно, и научному объяснению специфики функционирования семьи.

Компоненты общей теории семьи должны определяться, во-первых, как понятия, концептуальные схемы, являющиеся классификацией и взаимоопределением концепций, и, во-вторых, как предположения о взаимоотношениях концепций внутри схемы. Поэтому для социологического анализа семьи необходима разработка оптимальных концептуальных схем, приведение их в порядок путем уточнения старых или создания новых понятий, построение понятий-связок для объяснения семьи и других систем и взаимоопределение понятий для их более четкой концептуальной интеграции. В свою очередь это позволит уточнить и методологические границы предметной области социологического исследования семьи.

В настоящее время в мировой социологии семьи широко распространены взгляды представителей либерально-прогрессивной и консервативно-кризисной парадигм.

Представители либерально-прогрессивной парадигмы (Э. Берджесс, А. Г. Вишневский, С. И. Голод, У. Джемс и др.) рассматривают изменения, происходящие с семьей, как процесс ее прогрессивного развития (ее модернизации), на фоне которого все кризисные явления считаются временными и незначительными. Теория модернизации семьи продолжает традицию изучения семьи как специфической социально-психологической группы, первоэлементом которой выступает свободный индивид. Согласно этой теории, разрабатываемой в рамках данной парадигмы, однолинейный исторический прогресс предполагает последовательную смену одного типа семьи другим – более развитым. Традиционная (расширенная, многодетная, авторитарная) семья под влиянием социально-экономических и социокультурных трансформаций в обществе заменяется новой формой семьи – нуклеарной, малодетной, конъюгальной и эгалитарной семьей. Следующим этапом «прогрессивного» развития семьи должно стать, по мнению «модернистов», распространение различных «альтернативных форм» семьи и брака. Следствием этих процессов явится утрата семьей своей институциональной сущности. Она перестает существовать как социальный институт.

Противоположной точки зрения придерживаются учёные, относящие себя к консервативно-кризисной парадигме, рассматривающей изменения в семейной сфере как глобальный, системный кризис семьи как социального института (А. Карлсон, Р. Нисбет, А. И. Антонов, К. Циммерман и др.). Основным концептуальным направлением в рамках данной парадигмы является фамилизм. Этот термин, предложенный американским социологом А. Карлсоном, связан с тем, что представители этого направления в социологии семьи подвергли сомнению исходные принципы либеральной традиции социального анализа и предложили рассматривать в качестве первоэлемента общества не

индивида, а семью [7]. Благополучие индивида и благополучие общества, по мнению исследователей, стоящих на этой позиции, невозможны без упрочения семьи как социального института.

Сегодня социологические исследования семьи как социального института в контексте социальных изменений осуществляются не столь интенсивно, как в 50–60-е гг. XX века. Начиная с 80-х гг. на Западе более популярными становятся микроисследования семьи. Анализ семьи как малой группы, межличностных взаимодействий заслуживает эту область социологического изучения семьи, хотя она и является собственно предметом социологии семьи как научной дисциплины. По мнению А. И. Антонова, это связано со стремлением, особенно заметным в феминистской науке, свести социологию семьи к социологии пола. Во всяком случае распространяется тенденция говорить не о «семье», а о «семьях», о «семье» как составной части домохозяйства», склонность сводить семью к супружеству, считать семью «умозрительной конструкцией» из трех различных институтов – супружества, родительства и родства. Поэтому не случайно, что именно символический интеракционизм (и примыкающие к нему подходы, такие, как этнометодология, теория обмена и др.) оказываются теоретико-методологической основой исследования семьи [8].

Если говорить о социологических исследованиях социального института семьи в России, то на протяжении весьма длительного периода социология семьи в нашей стране могла развиваться лишь в рамках идеологии марксизма-ленинизма. Фактически существовала такая ситуация, когда во всех дисциплинах, так или иначе изучающих семью, господствовала эта монотеория, в рамках которой не было места не только для противоречий, но даже для каких-либо расхождений в интересах личности и общества. До середины 80-х гг. XX века в категориальном аппарате советской социологии семьи понятие «социальный институт семьи» формально отсутствовало. Семья рассматривалась как малая группа, как механизм воспроизводства рабочей силы. Рубрикатор М. С. Мацковского показывает, что за период 1968–1983 гг. институциональным изменениям семьи в той или иной степени посвящены лишь 1,4 % (63 из общего числа всех 3018 публикаций) [9]. При этом оказалось, что львиная доля работ выполнена демографами или, в лучшем случае, на стыке демографии и социологии. Основная направленность социологических исследований (акцент на семье как малой социальной группе) в количественном измерении практически не изменилась и в последующие годы. Проведенный нами анализ выборки из всего массива научных публикаций по социологии (более 2789 единиц) за период с 1990 по 2003 гг., выявил только 9,5 % (267) работ по социологии семьи. Из них только 3,7 % (10) работ можно отнести к социологическому исследованию семьи как социального института. [10]. Впрочем, и эти десять работ посвящены, в основном, проблемам формирования современной государственной семейной

политики и проблемам институционализации родительства, супружества и детства.

Сложилась очевидная ситуация несоответствия между назревшей потребностью в социологическом анализе изменений в функционировании социального института семьи в контексте общественных трансформаций и социологическими исследованиями семьи как специфической малой социальной группы, базирующейся на социально-психологических связях индивидов. Смещение исследовательских акцентов с семейного в сторону индивидуального можно объяснить историческим ослаблением посреднической роли семьи между личностью и обществом. Но с методологической точки зрения (и это особенно следует отметить), при фокусировке социологического исследования на индивиде и его семейном окружении появляется риск потерять определенность предмета социологии семьи.

Собственно социологическое исследование семьи, по нашему мнению, реализуется только в том случае, если через посредническую роль семьи как социального института удастся выявить закономерности мотивации индивидов к удовлетворению объективной потребности общества в воспроизводстве новых социальных субъектов. При обоюдной заинтересованности личности и общества в семье, а также заинтересованности государства в укреплении института семьи достигается взаимная респонсивность личности и общества. Ослабление посреднической роли семьи, нереспонсивность индивидов и общества к семье детерминируется деструкцией ценности семьи, детей и родительства.

Такая трактовка предмета социологии семьи может показаться спорной. Однако, на наш взгляд, она достаточно конструктивна, так как позволяет направить внимание социологов на разработку понятийно-концептуальных схем, методологии исследования социального института семьи.

Трудность социологического исследования семьи как объекта социального познания заключается в сложности внутренне расчлененной структурной целостности семьи как социальной системы, диалектически сочетающей в себе противоречивые элементы естественного и социального, групповую и институциональную социальную природу. В современной методологии системность играет важную роль одного из ведущих принципов интеграции научного знания. На его основе создается возможность для осуществления системного подхода к анализу объективных образований действительности. Дело в том, что реальная системность объектов действительности, их целостная многоуровневая взаимосвязь и взаимозависимость далеко не всегда являются очевидным фактом. Как правило, ее надо выявить в познавательном движении, вычленив и обосновать.

Общеметодологический принцип системности способствует интеграции разных познавательных подходов, объединению разных теоретических идей, установлению путей их синтеза, осмыслению их

взимодополнительности. Но «оно может быть эффективным только при условии органического, а не механического их скрещения, то есть такого, которое не разрушает целостное бытие, функционирование и развитие... антропо-социо-культурных систем» [11], к которым относится семья. В этом смысле, весьма продуктивным, на наш взгляд, является следующее замечание А. И. Антонова: «Социология семьи устремлена на соединение трех подходов: социально-структурного, культурологического и социально-психологического...» [12].

Особенность социологического подхода к изучению социального института семьи состоит в его интегративном, систематизирующем и аналитическом характере. Социологический подход к анализу семьи как социальному институту заключается в интеграции, проблемном и концептуальном осмыслении сведений и данных, полученных различными социально-гуманитарными и другими науками. Применяя методологию социологического подхода, социология семьи интерпретирует и обобщает частные данные, которые получены этими науками и прибегает к их системному анализу с целью построения собственной социологической теории на основе интеграции теории социальных структур и «теории семейных изменений». Исходя из этого, проблемное поле, в рамках которого должен использоваться социологический подход, имеет выраженный междисциплинарный характер.

Как нам представляется, подобный ракурс исследования семьи как социального института дает возможность направить усилия на разработку путей синтеза различных познавательных подходов к ее изучению. Это позволит разработать интегральное методологическое основание, необходимое для комплексного исследования семьи с точки зрения ее понимания как объекта и предмета социологической науки.

Библиографический список

1. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М., 1969. – С. 95.
2. Ильин И. А. Путь духовного обновления: сочинения. – М.: Эксмо, 2007. – С. 230.
3. Социология семьи / под ред. А. И. Антонова. – М.: ИНФА-М, 2007. – С. 43.
4. Менегетти А. Женщина третьего тысячелетия. – М.: ННБФ «Онтопсихология» 2003. – С. 47.
5. Nisbet R. The Present Age: Progress and Anarchy in Modern America. – New Brunswick, 2003. – P. 138.
6. Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика. Введение в гендерные исследования / под ред. С. В. Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 221.
7. Карлсон А. Общество. Семья. Личность / под ред. А. И. Антонова. – М., 2003. – С. 12.
8. Социология семьи / под ред. А. И. Антонова. – М.: ИНФА-М, 2007. – С. 13, 90.
9. Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. – М.: Наука, 1989. – С. 111–112.

10. Социологическая литература. Библиографический указатель. 1990 – 2003. – М.: Альфа-М, 2003. – 239 с.
11. Каган М. С. Наследие Л. Фон Берталанфи и проблема применения системного подхода в сфере гуманитарного знания // Системный подход в современной науке / отв. ред. Лисеев И. К., Садовский В. Н. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – С. 61.
12. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М., 1996. – С. 29.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ МОЛОДЕЖИ

З. М. Мидова

**Кабардино-Балкарский государственный университет,
г. Нальчик, Россия**

Summary. In article concepts «religion», «religiousness», «religious consciousness» are specified. Types of religiousness are resulted.

Keywords: religion, religiousness, religious consciousness.

Составной частью социологической теории религии является совокупность операционально интерпретированных понятий. Этим понятиям дается как теоретическое, так и эмпирическое обоснование. Предпосылкой теоретического обоснования является категориально-концептуальный анализ религии. Религия представляет собой социальную подсистему, имеет сложную структуру, занимает то или иное место в обществе, выполняет ряд функций. Эта подсистема находится в постоянном взаимодействии с другими подсистемами, испытывает их влияние, изменяется и развивается. Чтобы не утрачивать признака научности, должно уточняться, совершенствоваться и понятие «религия». Такое уточнение может осуществляться на основе материалов частных наук. Оно проводится также на базе конкретного социологического исследования. Применение социологической теории религии в конкретном социологическом исследовании предполагает операциональную интерпретацию понятий теории. К числу наиболее важных относится операциональное понятие «религиозность».

Представляется целесообразным понимать под религиозностью социальное качество индивида и группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств (признаков) [1, с. 26]. Это понятие фиксирует определенность религиозных индивидов и групп; они таковы именно в силу данного качества, теряя его, они перестают быть тем, чем являются. Это качество отличает религиозных индивидов и религиозные группы от нерелигиозных.

После того как зафиксировано различие и выявлено присутствие данного качества, возникает необходимость конкретизации представ-

ления о религиозности. Религиозность характеризуется не только качественно, но и количественно, как в статике, так и динамике. Под степенью религиозности понимается определенный уровень интенсивности религиозных свойств (признаков) индивида и группы. Распространенность религиозности представляет собой определенную величину экстенсивности разброса религиозных свойств (признаков) среди населения в целом и внутри различных социальных и демографических групп (доля обладающих религиозными свойствами индивидов среди населения или в группе).

Характер религиозности можно определить как качественную и количественную особенность, специфику черт религиозности индивида, группы, населения.

Типы религиозности – это понятия, которые отражают ее характер, общий для некоторого числа людей; на этой основе выделяют соответствующие классификационные группы. Состояние религиозности есть рассматриваемая синхронически, относительно устойчивая система субординированных религиозных свойств (признаков) индивида, группы, населения. Динамикой религиозности правомерно назвать рассматриваемый диахронически переход одного ее состояния в другое [2, с. 16]. Религиозность изучается в ходе конкретно-социологических исследований, с помощью наблюдения, работы над документами, контент – анализа, опроса экспертов, анкетирования, интервьюирования и т. д.

Религиозность фиксируется с помощью критериев (индикаторов); в качестве критериев выступают признаки сознания, поведения, включенности в религиозные отношения. Важно подчеркнуть, что о наличии религиозности можно судить, если обнаруживаются связи этих трех признаков. В разных религиях они различаются.

Общим признаком религиозного сознания является религиозная вера. Она, в частности, включает знание и принятие в качестве истинных определенных религиозных идей, понятий, представлений, догматов, повествований и т.п. и уверенность в объективном существовании гипостазированных существ, атрибутизированных свойств и связей. В развитых религиях набор и содержание религиозных представлений, идеальная модель религиозного сознания задается некоторым вероучительным концептом, который неодинаков в разных религиях. Однако реально существующее религиозное сознание, как правило, отклоняется от этой модели. Поэтому возникает необходимость выделения главных, основных и дополнительных, вспомогательных критериев религиозного сознания. Например, в качестве главных критериев христианского сознания могут быть взяты вера в Бога, Христа, Троицу. В зависимости от задач, целей и объекта исследования вспомогательными признаками религиозного сознания будут служить вера в загробную жизнь, бессмертие души, конец света, воскрешение мертвых, во второе пришествие Христа и т. д.

Исследование религиозного сознания включает изучение религиозных мотивов различных видов деятельности. Под религиозным мотивом понимается внутренний стимул действия, выражением которого может выступать религиозная потребность, вера, идея, чувство и т. п. [3, 5]. Этот мотив предполагает определенную цель, предписываемую вероучительными принципами. В отношении мотива к цели обнаруживается личностный смысл действия. Поэтому о мотиве можно судить по цели и смыслу такого действия. Религиозный мотив может быть побудителем и религиозного и нерелигиозного поведения. В обоих случаях он является важным показателем религиозного сознания. Религиозный мотив, как правило, действует в совокупности с другими стимулами. Отсюда важность определения места религиозных мотивов в системе мотивации поведения.

Однако учитывать лишь признаки религиозного сознания недостаточно. Должны быть отобраны также показатели религиозного поведения. Религиозное поведение – это совокупность взаимосвязанных действий индивида или группы, реализующих религиозные предписания, программу и совершающихся сообразно с религиозными нормами. Религиозное поведение образуют как элементарные акты (например, поклоны), так и более сложные компоненты (например, цепь поведенческих акций на уроке в духовной школе). Оно представляет собой последовательный ряд поступков, совершаемых под влиянием определенных стимулов и мотивов в той или иной социальной ситуации; носит символический характер, выражает религиозные значения и смысл. Выше было проведено различие между культовой и внекультовой религиозной деятельностью. В соответствии с этим можно выделить культовое и внекультовое религиозное поведение. К первому относится: посещение богослужений и участие в них, выполнение религиозных обрядов и празднование религиозных праздников, совершение культовых действий в домашних условиях и т. д. Фактами второго являются: сочинение религиозных произведений, преподавание богословских дисциплин, религиозное воспитание в семье, пропаганда религии среди коллег, знакомых, участие в деятельности церковных советов, соборов и т. д. Перечисленные акты внекультового религиозного поведения служат достаточно надежными признаками религиозности. Их совершение со значительной степенью точности свидетельствует о субъективной религиозности. Что же касается культового поведения, то различные его виды дают информацию разной степени достоверности. Имеется совокупность культовых действий, которые непосредственно связаны с религиозным сознанием и совершаются под влиянием религиозных мотивов: деятельное участие в богослужении (коллективная молитва, коленопреклонение, постановка свечей, причащение), молитва и исповедь в храме, поклонение иконе в домашних условиях и др. Если зафиксированы подобные факты, то можно делать вывод о наличии у индивида религиозных свойств.

Не все культовые действия религиозно мотивированы. Посещать храм или молитвенный дом, участвовать в обрядах крещения, венчания, отпевания, в религиозных праздниках и т. п. могут как религиозные, так и нерелигиозные люди. Эти виды религиозного поведения не всегда свидетельствуют о наличии религиозной веры. Некоторые из них носят привычно традиционный характер. Другие совершаются под влиянием общественного мнения, третьи мотивированы эстетическими потребностями, четвертые связаны с желанием торжественно отметить важные события в личной жизни. В подобных случаях связь религиозных действий с религиозным сознанием носит опосредованный характер. Хотя в системе культовых отношений эти действия несут религиозную смысловую нагрузку, по ним еще нельзя с достаточной степенью точности судить о субъективной религиозности людей. Должны быть выделены главные поведенческие показатели религиозности, т. е. непосредственно связанные с религиозным сознанием. К ним могут быть отнесены: совершение молитвы, исповедь, пропаганда религии, религиозное воспитание в семье и др. Отбирается и ряд вспомогательных критериев: совершение обрядов, посещение богослужений, чтение религиозной литературы и пр. Характер религиозного поведения зависит от религиозной принадлежности индивида или группы (буддизм, христианство, ислам, иудаизм, синтоизм, конфуцианство, а также разные направления этих религий), типа религиозного объединения (церковь, мечеть, секта, деноминация), типа религиозности и нерелигиозности. От религиозного поведения следует отличать поведение религиозных индивидов и групп. Последнее, наряду с религиозным поведением, включает совокупность нерелигиозных действий. Они, хотя и могут религиозно окрашиваться, представляют собой компоненты различных видов внерелигиозной деятельности.

Религиозное поведение включает человека в систему определенных отношений с людьми как внутри религиозной группы, так и вне ее. Поэтому критерии религиозного сознания и поведения должны быть связаны с показателями включенности индивида в религиозные отношения. Последние делятся на культовые и внекультовые. Важным показателем является членство в религиозной общине, в исполнительных религиозных органах. О включенности или невключенности индивида в систему религиозных отношений можно судить по составу той малой неформальной группы, членом которой он является. Должно приниматься во внимание и отношение члена религиозной группы к светским общностям, нерелигиозным коллегам, к соседям.

Когда речь идет о критериях, имеются в виду индикаторы наличия свойств религиозного сознания, поведения, включенности в религиозные отношения. В этом случае достаточно выделить такие показатели, которые свидетельствуют хотя бы о минимуме религиозности, причем можно отвлекаться от измерения интенсивности религиозных свойств. Интенсивность религиозной веры, степень религиозной ин-

формированности, уровень религиозной, мотивации, частота актов религиозного поведения свидетельствуют не о наличии или отсутствии свойства, а о его мере. Мера выясняется тогда, когда наличие свойства уже установлено. Интенсивность, уровень, частота, объем и т. д. не являются критериями религиозности, они характеризуют ее степень. Учет степени интенсивности религиозного свойства важен при построении шкал типов, при разработке типологии. Наряду с религиозными индивидами в различных социальных группах и обществе в целом имеется и часть нерелигиозных. Поэтому самой широкой типологией является та, которая охватывает их всех.

Типы – это понятия, отражающие определенный характер религиозности или нерелигиозности, общий для некоторого числа людей, и служащие основой соответствующих классификационных групп [4, с. 113]. Тип включает как качественные, так и количественные признаки. Типологическая группировка используется для сравнительного изучения существенных в данном отношении свойств, связей, функций. Она дает не формальную, а содержательную классификацию, обращает внимание не только на тождество индивидов данной группы и несходство их с представителями других групп в определенном отношении, но и на взаимопереходы между группами. По своему происхождению тип представляет собой разновидность эмпирического обобщения, имеет опытное содержание и дает описание действительности. Вместе с тем в нем присутствует и теоретический элемент, позволяющий дать объяснение известным явлениям. Уровень абстрагирования таков, что сохраняется непосредственная связь с фактами, которые тип объясняет. Тип служит как бы мостом между фактами и концепцией.

Типология формируется на основе комплекса многочисленных показателей. Первоначально она конструируется при помощи данных несистематизированного наблюдения и теоретического анализа понятий, относящихся к проблеме. Эта конструкция носит лишь гипотетический характер. Конкретно социологические исследования, использующие ее, дают знания, которые позволяют устранить из типов несоответствующие действительности оценки, более или менее адекватно определить существенные, значимые характеристики типа.

При выделении типов религиозности, так же как и при определении ее критериев, требуется комплексный подход: учет объема, содержания и уровня религиозного сознания, интенсивности религиозного поведения, степени включенности индивида в религиозные отношения. Целесообразно принимать во внимание следующие свойства религиозных индивидов: 1) содержание и интенсивность религиозной веры; 2) интенсивность религиозного поведения и его место в общей системе деятельности; 3) роль в религиозной группе; 4) степень активности в распространении религиозных взглядов; 5) место религиозных мотивов в общей системе мотивации поведения. Нерелигиоз-

ность означает отсутствие религиозной веры, неучастие в религиозной деятельности, невключенность в религиозные отношения [5, с. 139].

С учетом вышеизложенного выделяются следующие типы религиозных и нерелигиозных индивидов в зависимости от характера и места религиозной ориентации в ряду их ценностной ориентации или ее отсутствия.

1. Религиозные с доминантной религиозной ориентацией прочно верят и основные положения вероучения, осознают себя членами определенной религиозной общности. Регулярно и часто совершают акты культового действия, главный мотив которых – религиозный. Играют активную роль в религиозной группе, распространяют религиозные взгляды, воспитывают детей в религиозном духе. Религиозное сознание существенно влияет на мотивацию социальной деятельности. Относятся позитивно к религиозным ценностям и нормам и негативно к мирским.

2. Религиозные с подчиненной религиозной ориентацией верят лишь в самые существенные положения вероучения, и, как правило, осознают себя членами определенной религиозной общности. Культовые действия совершают нерегулярно, религиозный мотив участия в них может оказаться не главным. Активной роли в религиозной группе не играют, не принимают деятельного участия в распространении религиозных взглядов. Сильного религиозного влияния на детей не оказывают. Религиозное сознание лишь отчасти воздействует на мотивацию социальной деятельности. Позитивно воспринимают некоторые религиозные ценности и нормы, негативно мирские.

3. Колеблющиеся с неустойчивой религиозной ориентацией испытывают колебания между верой и неверием, обнаруживают сомнения в истинности даже основных и существенных положений вероучения. Могут входить в какую-либо религиозную общность. Культовые действия совершают редко, участвуют лишь в наиболее важных религиозных праздниках и обрядах, чаще всего под влиянием нерелигиозных мотивов. Они не имеют постоянных связей с религиозной группой, религиозные взгляды не распространяют, детей в религиозном духе не воспитывают. Религиозные стимулы, как правило, не влияют на мотивацию социальной деятельности. Не имеют определенных взглядов на религиозные и мирские нормы и ценности.

4. Индифферентные не обнаруживают какой-либо ориентации в отношении к религии и религиозности, не имеют религиозной веры, не верят в истинность положений вероучения, не относят себя к религиозной общности. Культовых действий не совершают, хотя не исключены отдельные подобные акты по нерелигиозным мотивам. Религиозных взглядов не распространяют, безразличны, но терпимы к религии и религиозности, При воспитании детей не формируют у них ни позитивной, ни критической позиции по отношению к религии. Социальная деятельность стимулируется безрелигиозными мотивами.

Равнодушно относятся как к религиозным, так и мирским нормам и ценностям.

5. Атеисты не верят в положения вероучений, не обладают религиозной верой, культовых и внекультовых религиозных действий не совершают. Имеют осознанные атеистические убеждения и ориентацию, обладают тем или иным объемом атеистических знаний. Детей воспитывают в атеистическом духе [6, с. 27]. Атеистические мотивы принимают во внимание при выборе видов социальной деятельности. Негативно относятся к религиозным ценностям и нормам и позитивно к безрелигиозным.

Библиографический список

1. Пчелинцев А., Рагазина Л. Государство, религия, закон: социологический анализ // Религия и право. – 2001. – № 1.
2. Федяева О. Государственно-церковные отношения: переходный период // Религия и право. – 2001. – № 1.
3. Мчедлов М. П. Об особенностях мировоззрения верующих в постсоветской России. Некоторые результаты социологического мониторинга // Религия и право. – 2002. – № 1.
4. Мчедлов М. П. Современный верующий // Свободная мысль. – 1996. – № 8.
5. Писмарк М. Г., Бурко В. А., Жуланов С. С. Современные верующие, их социальный облик и самочувствие // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4.
6. Малиновский Б. Магия и религия // Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 27.

ПОЛИЛИНГВИЗМ КАК АКТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИИ МЕНЕДЖМЕНТА

Е. С. Трунтова

Филиал Поволжской академии государственной службы
им. П. А. Столыпина, г. Балашов, Россия

Summary. Polylinguism plays an important role for managers in the conditions of globalization. The aim of research is a sociological analysis of polylinguistics in management. One of the most important tendencies of international business development is a globalization of national markets, which dictates an actual way of social research in the role of polylingual factories and strategies.

Keywords: polylinguism, manager, globalization, region, profession, management.

Введение категории полилингвизм в научный оборот социологии менеджмента и социологии языка является следствием функциональных изменений в системе менеджмента, носящих адаптивный характер. Трансформация современного российского менеджмента под влиянием полилингвизма представляет собой предсказуемый, направ-

ленный социальный процесс, предполагающий интеграцию и адаптацию в глобальной системе менеджмента.

Социальные, экономические, политические трансформации сопровождаются глобализацией и информатизацией социальных процессов в сфере профессионального менеджмента отдельных государств, в том числе, России. Развитие конкретной организации, региона, страны зависит от способности менеджеров производить, получать, обрабатывать, обмениваться, эффективно использовать информацию, не ограниченную географическими, политическими, социальными границами.

В 2009–2010 г. автором статьи реализовано эмпирическое социологическое исследование, респонденты которого – 261 менеджер-практик из городов Балашова, Саратова, Москвы (Россия) и Мюнхена (Германия). Все менеджеры обучались на курсах повышения квалификации в высших учебных заведениях перечисленных городов. Исследование реализовывалось посредством метода анкетирования.

По результатам исследования, самый низкий процент свободно владеющих иностранным языком менеджеров-практиков в г. Балашове (малый город России ≈ 98000) (1 %). На элементарном уровне говорят 6 % менеджеров-практиков и 93 % могут только переводить со словарем и читать. В г. Саратове и г. Москве ситуация с изучением иностранных языков обстоит иначе. Процент значительно выше (в Саратове на элементарном уровне говорят 32,5 % и 8,5 % свободно владеют иностранным языком, в Москве 67 % менеджеров-практиков могут говорить на элементарном уровне и 25 % свободно владеют иностранным языком).

Сложившееся положение объясняется разными причинами. В регионах России развитие полилингвизма имеет совершенно разное значение. В зависимости от множества факторов регионы отличаются уровнем развития, сложившейся практикой и культурой многоязычия, а также степенью межцивилизационного взаимодействия и языковых контактов.

В Москве отношение к владению иностранными языками более осознанное. Большинство менеджеров-практиков из г. Москвы работают в крупных фирмах. Знание иностранных языков необходимо им для профессиональной карьеры (53 %). В Саратове мнения разделяются: 32 % менеджеров считают, что иностранные языки необходимы в профессиональной деятельности и 37 % – что иностранные языки им не обязательны. При этом 26 % менеджеров выделяют тот факт, что знание иностранных языков необходимо в зависимости от занимаемой должности.

Менеджеры из Мюнхена отличаются от российских менеджеров тем, что 84 % владеют иностранными языками в совершенстве, 16 % менеджеров говорят на элементарном уровне. Владение иностранными языками является одним из основных требований немецких фирм к

потенциальным менеджерам-практикам. При наличии полилингвальной компетенции у потенциальных менеджеров немецкие фирмы предлагают достойную заработную плату. Следовательно, менеджер-практик в Мюнхене видит перспективу своей профессиональной деятельности и мотивирован на изучение иностранных языков.

Данная тенденция постепенно распространяется на крупные города России. Но в малых российских городах, таких как Балашов, менеджеры в достаточно малом количестве видят перспективу иностранных языков. 11 % менеджеров Балашова считают, что иностранные языки необходимы в профессиональной деятельности, 64 % отмечают, что иностранные языки им не потребуются. Соответственно, они не заинтересованы в формировании и развитии полилингвальной компетентности.

Таким образом, можно сделать вывод, что полилингвизм постепенно становится фактором адаптации российского менеджера в интернациональной социально-профессиональной среде. Хотя ориентация на овладение иностранными языками как инструментом профессиональной деятельности в настоящее время больше касается менеджеров высшего и среднего звена, в ближайшем будущем незнание иностранных языков может снизить конкурентоспособность менеджера любого уровня, поскольку полилингвизация проявляется как процесс современного менеджмента.

Проведенное исследование позволяет заключить, что полилингвальные коммуникации менеджеров могут способствовать развитию социального института менеджмента, а вследствие этого – развитию российского общества.

II. ЧЕЛОВЕК – СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ – ОБЩЕСТВО

ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИИ

Я. А. Сурикова

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
г. Петропавловск-Камчатский, Россия

Summary. In the article factors of the reflection of the macro social events in the life line are analyzed. The results of empiric research of the peculiarities of subject scoring of the social-historical determination of the own life and value system

Keywords: life line, social events, reflection, subject scoring, social determination of the life line.

Человеческая жизнь есть не просто следствие переплетения общественно-исторической и индивидуальной истории, а субъективный образ биографии (по С. Л. Рубинштейну), который не является простым отражением индивидуального психического развития личности в конкретную историческую эпоху. Субъективная картина жизненного пути личности представляет собой более сложный психологический феномен, тесно связанный с другими личностными структурами и конструктами, и в первую очередь с особенностями ценностно-смысловой сферы, поскольку включает в себя значимые для личности события и эпизоды, связанные жизненными ценностями личности и ее актуальным состоянием. Это, однако, не означает, что жизненный путь человека не подчинен определенным законам, общим для представителей всего человеческого сообщества. Согласно положениям концепции С. Л. Выготского, существенным моментом в развитии психики человека является культурно-историческая обусловленность этого развития. В этом контексте вариативность жизненного пути имеет свои социально и исторически обусловленные пределы. В частности, это проявляется в том, что многие фазы индивидуального психосоциального развития личности взаимосвязаны с ее трудовыми и семейными переходами, и события социальной жизни часто оказывают кумулятивное воздействие на последующую жизнь человека в форме корректировки и изменения жизненных планов, убеждений, мировоззрения в целом. Существование личности в контексте культуры обуславливает наличие определенного сходства и в субъективной картине жизненного пути представителей данной культуры, что связано с процессом интериоризации социального содержания в личностные смыслы, и наоборот, возвышения субъективного до уровня объективных общественных значений (по А. Н. Леонтьеву).

Согласно Н. А. Логиновой, «социально-историческая обусловленность биографии возникает вследствие того, что для современного человека общество служит макросредой его развития, так как процессы, происходящие в обществе, определяют существенные моменты жизненного пути» [8, с. 157]. Вместе с тем мера отражения в субъективной картине жизненного пути личности истории современности различна для разных людей и зависит от многих факторов. Разнообразие событийной картины жизни обусловлено, во-первых, тем, что люди, живущие в одной и той же макросреде, являются не только членами общества, но и членами многих общностей, условия и обстоятельства которых зависят от характеристик макросреды, но не тождественны им. Во-вторых, по мере становления личности ее роль в собственной судьбе возрастает. С определенного момента человек сам начинает сознательно управлять собственным жизненным путем и становится творцом своей индивидуальной истории. И если подлинно творческое отношение к «реальной жизни» появляется не у всякого человека, то стремление оформить прожитый жизненный путь в некую законченную историю, не исчерпывающуюся объективной биографией, реализуется намного чаще.

Субъективная картина жизненного пути представляет собой экзистенциальную конфигурацию, связанную с глубинными структурами личности, и по своему содержанию и структуре напоминает индивидуальный миф. Личность мифологизирует пространство жизненного пути, что позволяет отразить в субъективном образе биографии, или СКЖП, не только «узловые» события, но и жизненный замысел, комплекс биографических переживаний, размышлений и представлений о жизни, основные аспекты внутреннего духовного развития человека, актуальные для него проблемы. Особенности ценностно-смысловой сферы оказывают прямое влияние на то, какие ситуации, свидетелем или участником которых становится человек, получают для него статус события. В результате осмысления события формируется «личное знание» о событии и своей жизни с его глубинным личностным смыслом (по А. Н. Леонтьеву). При этом событие в процессе «личностного кодирования» (по В. В. Нурковой) получает способность выступать в качестве главной характеристики, обозначения, «смыслового ядра» отдельного периода или эпизода жизни. Следовательно, одни и те же события общественной жизни могут находить разное воплощение в индивидуальной истории индивида.

В 2007–2009 годах нами было проведено исследование субъективной оценки степени влияния социальных трансформаций в России на субъективную картину жизненного пути личности и динамику ценностных ориентаций.

В исследовании приняло участие 260 респондентов в возрасте от 40 до 50 лет.

Методы исследования: «Каузометрический опрос» (Е. И. Головаха, А. А. Кроник), методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, анкетирование.

Анализ полученных данных показал, что значительное число респондентов (43,7 %) не включают социальные изменения в России в список значимых событий, оказавших значительное влияние на их жизненный путь и мировоззрение. Среди тех, кто оценил общественные трансформации в России как оказавшие значительное влияние на ход жизни в целом, способствующие существенному, с точки зрения самих респондентов, изменению ценностных ориентаций (ЦО), жизненного стереотипа, можно выделить три группы.

В первую группу (68 чел. – 22 %) вошли респонденты, отмечавшие, что, хотя социальные трансформации в России и оказали значительное влияние на ход жизни в целом, жизненные планы и цели, способствовали изменению общих взглядов на жизнь, они не привели к существенной, резкой перестройке системы ЦО. Среди опрашиваемых преобладает амбивалентная оценка происшедших в обществе изменений («во всем есть и положительное, и отрицательное»). Ведущими ценностями данной группы являются ценности здоровья, работы, семьи, материально обеспеченной жизни. Произошедшие изменения в мировоззрении преимущественно относились к таким понятиям, как «оптимизм», «вера в людей», «отношение к государству», «неизбежность потерь», «взаимопонимание с детьми» и характеризовались преобладанием аффективного компонента. В частности, это проявлялось в том, что респонденты указывали на чувство разочарования в идеалах, рост скептичности, уменьшение доверия к людям. Также опрашиваемыми отмечалось увеличение самостоятельности, «уменьшение иллюзий относительно жизни», увеличение ценности материально обеспеченной жизни, «становление более «трезвого» взгляда на мир». В ряде случаев респонденты говорили о том, что после «всех этих событий по-другому начинаешь ценить здоровье, признание, особенно со стороны близких, стабильность жизни».

Например – мужчина, 47 лет, образование высшее. Ведущие ценности – интересная работа, познание, творчество. При оценке прожитой жизни даются следующие характеристики: «Моя жизнь», «были в жизни и счастливые дни, были и большие разочарования», «планы, замыслы в большей части реализовались, еще есть возможность реализоваться». Главное событие жизни – «институт», кульминационные – «работа», «профессиональный рост», «вера в людей и человека». На формирование мировоззрения, ход жизни в целом оказали выбор профессии, «ситуации, в которые меня ставила жизнь», «опыт первых лет жизни, работы», «поведение людей в трудных ситуациях». Респондентом отмечается, что «перестройка» частично заставила пересмотреть взгляд на жизнь. «Большое испытание – развал СССР и разруха, которая за этим последовала. Сильно подорвали веру

в лучшее и людей». «Сильно помогла поддержка родных и близких». Данные опроса находят свое выражение и в снижении ценности наличие хороших и верных друзей – с 13 позиции в серии 10 лет назад на 17 в серии настоящий момент и через 5 лет. Параллельно этому увеличивается ценность семейной жизни – с 12 на 8 и 7 позицию соответственно. Однако в целом существенных изменений в системе ценностей респондентом не отмечается. Смысл жизни и жизненное счастье определяются как: «работа, профессиональный и карьерный рост, помощь другим», «творчество», «саморазвитие», «поддержка единомышленников», «верная семья». Среди значимых событий будущей жизни называются: «работа», «профессиональная и исследовательская деятельность».

Во вторую группу вошли респонденты, отмечавшие негативное влияние изменений социальной действительности на ход как собственной жизни, так и жизни близких людей. Численный состав данной группы – 38 человек (14,6 %). Из них 9 человек – до сорока пяти лет, 27 – после сорока пяти лет. Возрастной состав данной группы может быть объяснен с нескольких позиций. С одной стороны, возможное увеличение негативных характеристик, а также количества упоминаний резких «переломов» и «поворотных моментов» в жизненном пути может быть связано с актуальным состоянием респондентов, переживанием кризиса середины жизни, поскольку, по мнению ряда исследователей, из всех воспоминаний человек в определенный момент времени склонен выбирать те, которые наиболее тесно связаны с нынешним состоянием и затрагивают его глубинные характеристики (А. Адлер, Э. Коуэн, П. Симонов, З. Фрейд, Э. Эриксон и др.). С другой стороны, ряд исследователей (М. И. Бобнева, Л. Ф. Бороздина, Дж. Баттерворт, Е. Д. Дорофеев, И. А. Спиридонова, В. А. Хащенко и др.) отмечает, что на количество событий, повлекших за собой значительное (с точки зрения самого субъекта) изменение ценностных ориентаций, помимо прочих других факторов, существенное влияние оказывает степень социальной стабильности в обществе [3, с. 21]. Что касается выделенной нами группы, то интересным представляется тот факт, что события, связанные с изменением политического и экономического строя государства, преимущественно упоминаются людьми 40 и более лет и оцениваются ими как оказавшие существенное влияние на все без исключения сферы жизни, а также на систему ЦО и мировоззрение в целом.

Представителям данной группы свойственна негативная оценка социальной действительности. Ведущая ценность, определяющая ядро данной группы, – здоровье. Значимыми также являются ценности материального положения и счастливой семейной жизни. Отвергаемые ценности данной группы – творчество, красота природы и искусства, развлечения. Интересным представляется тот факт, что наиболее

часто встречающимися событиями стали события, связанные с семьей, детьми и внуками.

Пример – женщина, 46 лет, образование высшее. Ведущие ценности – активная деятельная жизнь, здоровье, семья, творчество. При оценке прожитой жизни даются следующие характеристики: «Гонки по вертикали», «цельная», «планы, замыслы до конца не реализовались, семья, хотелось бы поехать по миру, встретиться с друзьями». На формирование мировоззрения наиболее сильное влияние оказали «школа, советский школьный коллектив: важность работы, важно быть вместе, хорошая подготовка к взрослой жизни». Главное событие жизни поступление в институт, кульминационное – общественная работа. Значительную роль в жизни сыграли изменения политического и экономического строя в стране: «поиски работы, смена работы, распался коллектив, потеря денежных сбережений». «Старалась не опускать руки, не унывать, как бы не было тяжело одной. Главное – люди, которые могут тебя поддержать». «Общество медиумов на некоторое время стало для меня такой поддержкой, сейчас во многое уже не веришь, да и, по сути, не верила, но были дружеские отношения, поддержка, единение, близость взглядов». «Долго была как «в спячке»». Среди значимых событий последних лет – «налаживание жизни», «возвращение меня, какой я была. Активной, радостной, легкой на подъем». Смысл жизни и жизнь в настоящем определяются как: «работа», «семья», «друзья». В понятие жизненного счастья входит «интересная жизнь», «понимание со стороны близких», «хотелось, чтобы когда внуки выросли, разделяли мои интересы», «Жизнь – это, по большому счету, счастье. Но иногда это счастье люди сами себе и портят». Считает, что человек сам хозяин своей жизни, но при этом отметила: «хотя есть и определенная судьба». Оценка социальной действительности в целом негативная, «хотя и есть изменения к лучшему. Страшно за то поколение, которое выросло в конце 90-х и растет сейчас. Им не с чем сравнивать, особенно последним. Вот и хватаются за всякую гадость. Компьютер, Интернет, не видят людей». «Многие из них не интересуются тем, что творится в мире, вокруг них. Живут как иждивенцы». «Хотелось бы, чтобы дети и внуки были ближе к вечным ценностям, значение которых понимаешь только в сравнении и с возрастом».

В третью группу вошли респонденты, отмечавшие, что экономические, политические и социальные изменения в России в последние два десятилетия оказали значительное, и в целом положительное влияние на ход их жизни (43 чел. – 16,5 %). При этом они говорили о том, что «появились новые возможности», «у меня был шанс, и я им воспользовался», «нет худа без добра». Ведущими для представителей данной группы являются ценности работы, материального положения, активной деятельной жизни. Значимыми также являются ценности здоровья и уверенности в себе. В серии 10 лет назад первые места за-

нимают ценности работы, материально обеспеченной жизни, продуктивной жизни, а также наличия хороших и верных друзей. В серии через 5 лет на первые места также выходят ценности работы, материального положения, а также здоровья. Преобладающими событиями для данной группы явились события, относящиеся к работе, учебе, профессиональной деятельности, внутреннему миру личности.

Воздействие, которое оказывали изменения социальной жизни, с точки зрения самих респондентов, сводилось к увеличению самостоятельности, уверенности в себе, «уменьшению иллюзий относительно жизни», увеличение ценности материально обеспеченной жизни, становлению более «трезвого» взгляда на мир, что сближает данную группу с первой. В настоящем большинство представителей данной группы отмечает у себя стремление к более полной реализации раннее задуманного, нежелание останавливаться на достигнутом, предпочтение отдается активной деятельной жизни. Вместе с тем, наряду с самореализацией значимыми становятся «спокойная, налаженная жизнь», «поиск внутренней гармонии», межличностные отношения, «наладить контакт с близкими», переосмысление жизненного опыта.

Пример – женщина, 48 лет, образование высшее. Ведущие ценности – материально обеспеченная жизнь, здоровье, активная деятельная жизнь, счастливая семейная жизнь. Значимыми также являются работа, развлечения, уверенность в себе. При оценке прожитой жизни даются следующие характеристики: «как шторм на море – то подъем, то спады», «все так тесно сплеталось, что иногда не знаешь, где хорошо, где плохо. Но все же больше хорошего». На изменение мировоззрения, взгляда на мир наиболее сильное влияние оказали «перестройка, семья». Первая «вырвала из привычного уклада, приходилось все делать самому, начинать все заново. Хорошо, что был опыт и была достаточно молода – легче справлялась». «Кризисы конца 80-х – 90-х заставил задуматься о своей жизни и о будущем дочери, о том, чтобы устроить ей и работу, и семейную жизнь» (кульминационным событием в настоящем является семья дочери и переезд ее в Австралию, а рождение дочери – оценивается как главное событие в жизни), «вообще теперь лишний раз пытаешься перестраховаться». При ранжировании ценностей отмечается снижение ценности любви со 2 позиции в серии «10 лет назад» на 8 позицию «в настоящий момент», жизненной мудрости с 7 на 13 позицию, рост ценности счастье других – с 17 на 7. Смысл жизни и жизнь в настоящем определяются как: «работа», «семья», «жизнь с мужем». Жизненное счастье понимается как «спокойствие в доме, благополучие, возможность отдыха, и работы», «что не всегда возможно в жизни, рассчитывать здесь на что-то хорошее не приходится», «если только не позаботишься о себе сам». При оценке характера влияния социальных трансформаций на жизненный путь в целом – «был бы выбор, не знаю, хотела бы такого «чуда». Наверное, все-таки нет. Человек стремится к стабильности.

Понимаю одно, если бы жизнь вокруг не поменялась бы кардинальным образом, жила бы, как все, серо, обычно. Сейчас больше шансов и для молодежи, и для таких, как я. Счастлива, что могу обеспечить достойную жизнь детям и внукам, чтобы они сами смогли выбрать, как и где жить. В этом, наверное, и есть плюс происшедшего. Хотя и требования к человеку возросли».

Таким образом, изменения в общественном устройстве, с точки зрения респондентов, прежде всего, характеризуются тем, что несут в себе значительный эмоциональный заряд и провоцируют рост напряженности как реакции на ситуацию неопределенности. Оценка степени влияния событий макросреды на ход жизни человека отличается малой дифференцированностью, в качестве основной мишени изменений чаще всего указывают сферы профессиональной деятельности и межличностных отношений. В наименьшей степени произошедшие изменения, по мнению респондентов, повлияли на динамику ценностных ориентаций. Следует сказать о том, что наибольшей субъективной значимостью для респондентов значительно чаще выступают события, связанные с микро-средой, а именно с обстоятельствами и событиями семейной жизни и событиями, связанными с возможностью самореализации личности, что может быть обусловлено тем, что по сравнению с событиями макро-среды, оказывающими пролонгированное, многостороннее, а потому трудно отслеживаемое влияние на особенности мировоззрения человека, систему его убеждений, кризисные события личной жизни человека значительно чаще воспринимаются им как события, несущие в себе прямую угрозу потери или уничтожения той или иной ценности. Будучи непосредственно включенными в поле жизненного опыта личности, события микро-среды с большей легкостью связываются с конкретным объектом или явлением жизни, находящимся «под угрозой вынужденного изменения». В свою очередь, чем более значительное место в смысловой сфере личности занимает находящийся в опасности объект и чем более интенсивной воспринимается личностью угроза, тем выше мотивационный потенциал совладания с возникшей трудностью и тем более выражена категоричность оценок степени влияния данного события на построение субъективной картины жизненного пути личности и систему ценностных ориентаций. Решающим фактором при этом является не сам по себе факт наличия определенного события в жизни человека, но его (пере)осмысление, оценка, а также способ включения данного события в субъективную картину жизненного пути личности как целостного образования, что, в свою очередь, напрямую связано с ценностно-смысловой сферой личности. Значительное влияние на субъективную оценку социально-исторической обусловленности собственной биографии, изменений в системе ценностных ориентаций и мировоззрении в целом оказывают индивидуальные особенности личности. Одни и те же события, включенные в разный контекст, образуют ин-

дивидуальный, неповторимый рисунок жизненного пути, отличающийся от других по своим структурным и содержательным характеристикам, что в очередной раз подчеркивает уникальность внутреннего мира каждого человека.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия человеческой жизни. – М.: Наука, 1991. – 301 с.
2. Анциферова Л. И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. – 1999. – № 1. – С. 6–19.
3. Аза Л. А., Поддубный В. А., Ручка А. А. Ценностные ориентации работающей молодежи. – Киев, 1978. – 208 с.
4. Ахмеров Р. А. Самооценка продуктивности жизни у представителей религиозной секты // Психология образования: проблемы и перспективы. Материалы первой международной научно-практической конференции (Москва, 16–18 декабря 2004 г.). – М.: Смысл, 2004. – С. 107–108.
5. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. – М.: Смысл, 2003. – 284 с.
6. Леонтьев Д. А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 22–36.
7. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личным: феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 4. – С. 35–44; 1997. – № 1. – С. 20–27.
8. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии / под ред. Л. И. Анциферовой. – М., 1978. – С. 156–166.
9. Нуркова В. В. Психологическое исследование автобиографической памяти // Психологический журнал. – 1996. – № 2. – С. 16–30.
10. Толстых Н. Н. Социально-психологические аспекты развития индивидуального хронотопа // Социальная психология малых групп: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. В. Петровского / отв. ред. М. Ю. Кондратьев. – М.: МГППУ, 2009. – С. 228–231.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Б. А. Мухаммед

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

Summary. Article is devoted to problems of formation of the person of the teenager during the modern period. The review of the scientific literature of the Russian and Azerbaijan authors is resulted.

Keywords: the teenager, the person, national identification.

Проблемы формирования личности подростка являются предметом пристального внимания исследователей, поскольку подростковый период играет важную роль в становлении личности. Современная

цивилизация предоставляет подросткам исключительно трудные условия для личностного созревания, поэтому психологической общест­венности всех стран, в том числе и нашей, приходится усиленно раз­рабатывать все проблемы, связанные с указанным социальным явле­нием с тем, чтобы помочь как родителям, так и общественности в деле подготовки достойного гражданина и человека. Известно, что подро­стки отличаются своеобразием комплекса социально-психологических качеств, на что обращают внимание и ведущие психологи нашей страны. К примеру, К. Р. Алиева отмечает, что «ведущей деятельно­стью в подростковом возрасте становится социальное и личностное экспериментирование, проба себя, ... поэтому подростковый возраст становится наиболее сенситивным периодом в развитии творческой активности» [1, с. 32].

Проблемы формирования личности подростка связаны с таким понятием, как акцентуация, которая означает определенную дисгармо­ничность в развитии характера [2]. В Азербайджане данную проблему расследовал И. М. Мамедов, который специально исследовал типы ак­центуации характера у трудных подростков, а также влияние этих ти­пов на уровень деликвентности их поведения. Акцентуация, как скры­тая норма, или крайний вариант нормы поведения, может вести к де­виациям поведения [3]. Несомненно, что в основе этих процессов мо­жет лежать и стресс, в особенности это касается трудных подростков. Это специально подчеркивает И. М. Мамедов, отмечая необходимость соотнесения акцентуации с социально-средовыми факторами, т. е. не­правильное воспитание, неблагоприятное социальное окружение и т. д., показывает, что наблюдаемые конфликты у испытуемых в проведен­ном им исследовании имели место в семье (в основном с отцом и младшими членами семьи), в школе и во дворе [4, с. 71].

Известна роль системы образования в формировании личности, ее мотиваций и социализации в целом. Как отмечает К. Р. Алиева, на успешность обучения влияет общий интеллект, мотивация, интересы, личностные свойства и т. д. [5, с. 4]. В этом плане успешность служит, с одной стороны, преодолению стрессов, связанных с другими сторо­нами социальной среды, с другой стороны, их формированию, по­скольку полноценной социальной среды для успешного обучения в идеале не может быть никогда.

Подростки, как отмечают исследователи, стремятся активно ус­воить окружающую социальную среду, с одной стороны, и расширить рефлексивность на свой внутренний, интимный мир через самоуглубление, обособление от сверстников и т. д. [6]. Этот период, как отмечает С. А. Мухтарова, «богат новообразованиями, которые характеризуют пе­реход ребенка во взрослость, становление его самосознания, эмоцио­нальные особенности идентификации с собственным «Я», кризис личности отрока, и соответствующее проявление его эмоциональных отношений». Автор как раз и рассматривает основы эмоциональности

взрослеющего ребенка, где формирование эмпатии может иметь хороший эффект в случае, если ребенок активно включен в процесс идентификации с лицом, чье поведение соответствует моральным нормам, в противном случае возникает жестокость, негативное отношение к окружающим, что в свою очередь отражается на подверженности стрессам [7, с. 87].

Имеются исследования толерантности у подростков с нормальным уровнем психического развития, а также с задержкой психического развития, прежде всего коммуникативной толерантности, методом В. В. Бойко. Для 68 % выборки из 1000 человек был свойственен низкий уровень толерантности, причем у мальчиков этот показатель составил 73 %, у девочек – 58 %, что свидетельствует о высокой степени склонности к стрессовым воздействиям прежде всего мальчиков. В целом в отношении стресса в группу риска входят именно мальчики, как более рискованно подходящие к различным жизненным ситуациям [8, с. 229]. Низкий уровень толерантности свидетельствует о категоричности в оценке других, неумении сглаживать негативные чувства, неумение прощать и т. д. [там же, с. 31].

Имеются исследования о формировании силы воли среди атлетов-подростков, отмечается, что на формирование таких качеств, как упорство, целеустремленность, трудолюбие и стремление к победе, влияют мотивация и целеполагание, к которым, как отмечает Ш. М. Велиев, надо стремиться на основе специальной программы работы со спортсменами, а также учитывать при этом их социальную среду и окружение [9, с. 189].

Социально-психологические проблемы молодежи, в том числе подростков, рассматривались также Р. Г. Кадыровой. В частности, исследователь останавливается на вопросах национальной идентичности, которая, являясь исторической категорией, является одной из базовых для формирования эмоционально-волевой сферы ребенка и может, с одной стороны, стабилизировать состояние его, с другой – стать катализатором стрессового состояния. Интересным является вывод о том, что школьники, обучавшиеся на азербайджанском языке, демонстрировали более высокий уровень национальной идентификации. Автор подчеркивает, что субъективная выраженность национальной идентичности увеличивается по мере взросления и что процессы национальной идентичности на уровне когнитивных процессов развития ребенка происходят по-иному, нежели это было в истории [10, с. 185–186].

Библиографический список

1. Алиева К. Р. Некоторые вопросы творческого потенциала личности // Психологический журнал. – Баку. – 2007. – № 4. – С. 31–38.
2. Личко А. Е. Психопатия и акцентуация характера у подростков. – Ленинград, 1977. – 165 с.

3. Ковалев В. В. Психологический дизонтогенез как клиничко-патогенетическая проблема психиатрии детского возраста // Невропатология и психиатрия, 1981. – Вып.10. – С. 1505–1509.
4. Мамедов И. М. Изучение топов акцентуации характера у подростков с деликвентным поведением // Psixologiya jurnalı, 2007. – № 4. – С. 67–73.
5. Алиева К. Р. Некоторые вопросы развития творческого потенциала личности в системе образования // Psixologiya jurnalı, 2007. – № 2. – С. 3–18.
6. Мухина В. С. Возрастная психология. – М., Наука, 326 с.
7. Мухтарова С. А. Психологическая характеристика подростка и некоторые особенности эмоциональной сферы // Dünyaya baxış. – № 1. – 2008. – С. 87–103.
8. Ефимова Д. В. Исследование коммуникативной толерантности подростков с нормальным психическим развитием // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания. – Выпуск № 12. – Пенза.– 2010. – С. 226–236.
9. Велиев М. В. О формировании волевых качеств у подростков-атлетов // Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук: сб. статей. – Баку, 2007. – № 1. – С. 188–189 (на азерб. языке).
10. Кадырова Р. Г. Социально-психологический анализ условий развития национальной идентичности азербайджанской молодежи // Dünyaya baxış. № 2. – 2008. – С. 177–187.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ, СВЯЗАННЫХ С ДЕФОРМАЦИЯМИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Д. В. Ефимова, Ю.А. Макаров

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

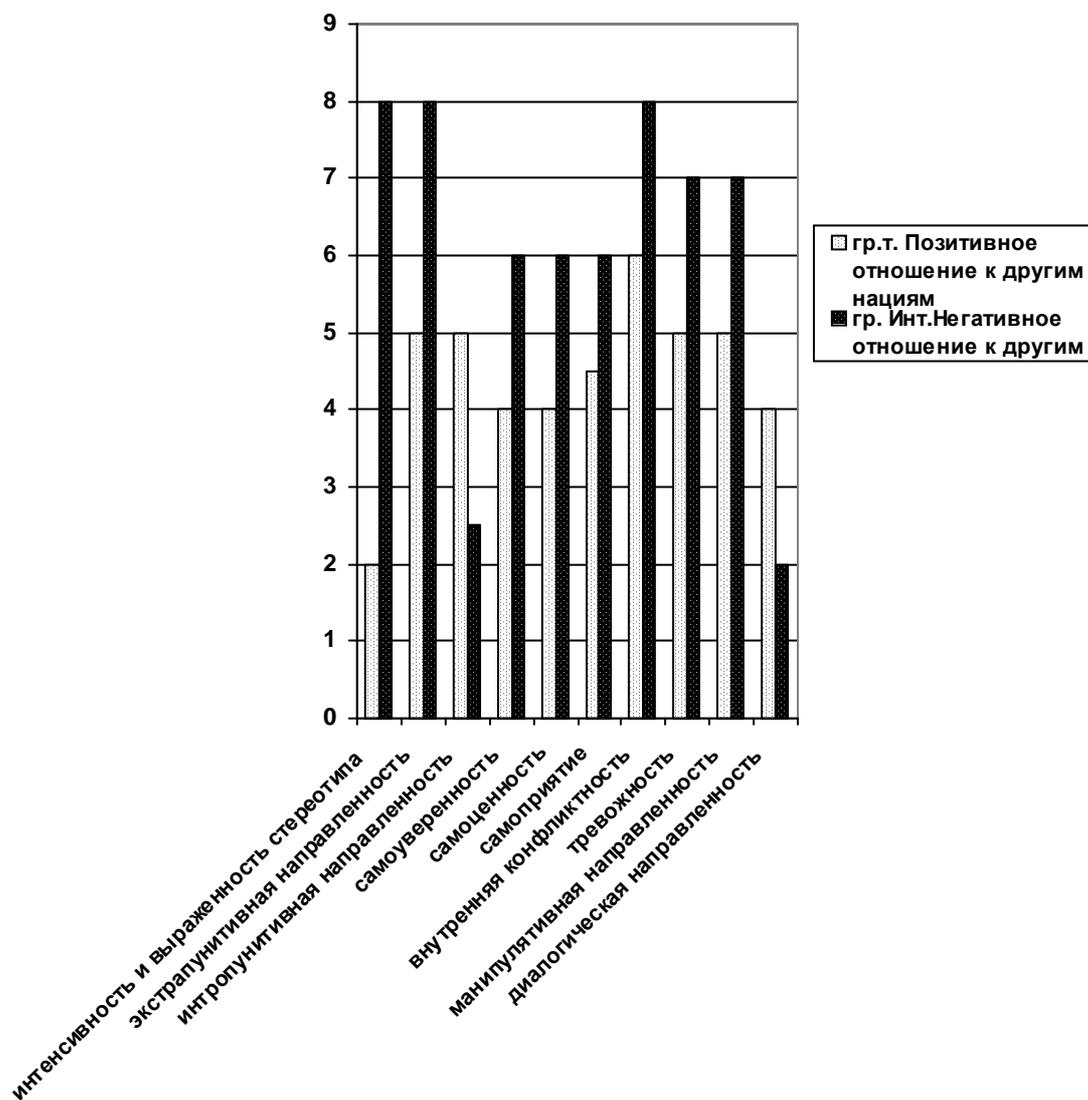
**Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. Within the framework of researches on a subject: «the national consciousness and social-psychological characteristics of the person tolerant and intolerant teenagers», were investigated by us of the feature of personal characteristics of group of teenagers described by negative displays in development of national consciousness. In result it is revealed, that deformations of national consciousness are connected to such properties of the person, as intensity and expressiveness of a stereotype; self-confidence, self-value, the self-acceptance, expressing in acceptance and approval of with all lacks, the internal conflict; uneasiness; aspiration to a manipulation in dialogue.

Keywords: tolerant and intolerant teenagers, national consciousness.

В рамках научных исследований на тему: «национальное самосознание и социально-психологические характеристики личности толерантных и интолерантных подростков» нами были изучены особенности личностных характеристик группы подростков (в исследовании приняли участие более 200 школьников 7–11 классов средних общеобразовательных школ г. Пензы, г. Сердобска, г. Никольска и др.), характеризующейся негативными проявлениями в развитии национального самосознания, как то: «национальное неприятие», низкий уро-

вень по шкале «национальная лояльность», незаинтересованность в национальной культуре и традициях, наличие предубеждений (стереотипов) по отношению к другим нациям. Выявлено наличие следующих особенностей личности (см. рис. 1): высокая определенность стереотипа, что доказывает низкий коэффициент амбивалентности, интенсивность стереотипа, негативная его направленность (высокий коэффициент выраженности); направленность реакций личности на окружающих, высокая требовательность к окружающим, стремление подключить к разрешению ситуации других, зачастую агрессия (экстрапунитивная направленность); низкий уровень интропунитивной направленности поведенческих реакций; высокий уровень личностной тревожности – склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие.

Рис. 1. Соотношение особенностей личности и отношения к другим нациям

Особенности самоотношения: высокий балл по шкалам «самоуверенность», что соответствует высокому самоотношению, самоуверенности, ощущению силы своего «Я»; «самоценность» – отражает ощущение ценности собственной личности для себя и одновременно для других; «самопрятие» – чувство симпатии к себе, согласие со своими внутренними побуждениями, принятие себя таким, какой ты есть, даже с недостатками, снисходительное, дружеское отношение к себе; «внутренняя конфликтность» – чувство конфликтности собственного «Я», поверхностное самодовольство, отрицание проблем.

Низкий балл по шкалам: «самообвинение», интропунитивная направленность поведенческих реакций, то есть непризнание своей вины, низкая требовательность к себе, стремление разрешить ситуацию за счет других.

Для данной группы характерны манипулятивная направленность в общении, то есть рафинированная, утонченная форма эгоцентризма с ориентацией на саморазвитие, хитрость в общении, стремление соблюсти собственную выгоду за счет интересов партнера, понять другого с тем, чтобы использовать его в личных целях, скрытность, неискренность.

Таким образом, нами выявлены деформации национального самосознания, связанные с такими свойствами личности, как интенсивность и выраженность стереотипа; экстрапунитивная направленность поведенческих реакций; самоуверенность, самоценность, самопрятие, выражающиеся в принятии и одобрении себя со всеми недостатками, внутренняя конфликтность; тревожность; манипулятивная направленность в общении.

ИНТЕГРАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ²

А. И. Кириллова

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия

Summary. In this article we differentiate inclusion of migrants in the social structure (integration) and culture (assimilation) of the host society. We have shown the contradictory nature of the integration of migrants from Central Asia.

Keywords: integration, assimilation, acculturation, migrants.

---

² Работа выполнена при поддержке Фонда РГНФ: грант РГНФ № 09-03-00491а по теме «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество».

Массовая миграция в Россию жителей из Средней Азии является одним из мощных цивилизационных влияний, затрагивающих современное российское общество. В виду неоднозначности последствий такой миграции представляет интерес исследование социальных характеристик процесса вхождения мигрантов в российское общество, их интеграции в нем. При массовой миграции типичной является ситуация, когда обе стороны – и мигранты, и коренное население – стремятся скорее сохранять собственные традиции, чем усваивать чужие. Результатом этого является сегментация принимающего общества, нарастание его неустойчивости. Поэтому важна роль процесса ассимиляции – глубокого усвоения культуры принимающего общества мигрантами, который мы рассматриваем в паре с интеграцией, как два проявления одного процесса.

Термины «интеграция» и «ассимиляция» относятся к процессу взаимодействия этносов. Интеграция означает включение в систему социальных связей, объединение, согласование ценностей и интересов. Под ассимиляцией имеют в виду поглощение большим народом малого, смену представителями меньшинства быта, языка и культуры, идентичности. Говорить о полной этнической ассимиляции мигрантов можно лишь при адекватном восприятии их принимающим обществом.

Интеграция и ассимиляция противопоставляются как сохраняющий и разрушающий культурные основы эмигрантского сообщества процессы. Оба процесса (на микро уровне) идут через социальную адаптацию индивида, его приспособление к новой социальной, а также культурной, языковой, этно-конфессиональной среде. Нужно отметить, что анализ данных процессов осложняется отсутствием единообразия трактовок используемых терминов. Порой ассимиляцию отождествляют с аккультурацией, подразумевая частичную либо полную утрату этнической культуры в пользу культуры базового общества. Нередко противопоставляются интеграция и мультикультурализм – как принятие базовым сообществом входящего этноса, но либо с потерей, либо с сохранением своего этнокультурного «лица». Либо говорят о двух концепциях интеграции: ассимиляции и мультикультурализме.

Для более полного понимания данные процессы нужно изучать на уровне общества (социетальный уровень) и на уровне индивида; социетальный уровень в свою очередь нужно анализировать как с позиции принимающего (базового) общества, так и с позиции (представителей) входящего этноса.

Со стороны базового общества по отношению к входящему этносу может возникать либо его приятие, либо неприятие. В первом случае речь идет об инкорпорировании малого этноса в состав базового. Мультикультурализм предполагает равенство «весов», интересов всех сторон; интеграция предполагает примат культуры, интересов базового общества, но терпимость к особенностям входящего этноса; ассимиляция – примат интересов базового общества и стирание этно-

культурных особенностей входящего этноса. Можно рассматривать мультикультурализм, интеграцию и ассимиляцию как три типа инкорпорирования этнического меньшинства в базовое общество. Мы видим, что ассимиляция со стороны базового общества – это поглощение им входящего этноса, а со стороны входящего этноса – это смена этничности. Под ассимиляцией часто имеют в виду двойной процесс ассимиляции-аккультурации (поглощения базовым этносом малого и утраты малым своих культурных отличий). Конечной стадией этого двойного процесса является смена этничности (обретение новых этнических свойств при утрате исконных) или деэтнизация (утрата собственных национально-культурных и языковых черт без адекватной замены новыми). Ассимиляция и интеграция индивида включают фазу его «бикультурности». Бикультурность предполагает наличие двойной идентичности, этнопсихологического сближения индивидов разных этносов.

Анализируя интеграцию и ассимиляцию с позиций входящего этноса, необходимо фиксировать и наблюдать динамику этих процессов на уровне индивида. Здесь интеграция может пониматься как вхождение индивида в круг социальных связей базового общества. Такая интеграция индивида может происходить без смены им своей культуры, веры, и возможна через вхождение индивида в общество в составе обособленной группы (диаспоры). Это будет простое вхождение в формальную социальную структуру общества, заключающееся в успешном функционировании в нем, исполнении юридических законов и основных моральных правил. Ассимиляция индивида подразумевает смену им культурной идентичности, выражающуюся через: изменение порядка быта, перенятие ряда норм, обычаев, смешанные браки, смена веры, смена национальной идентичности. Таким образом, данные процессы подразумевают включение мигрантов в социальную структуру (интеграция) и культуру (ассимиляция) принимающего общества.

Ассимиляция и интеграция – процессы, связанные общим направлением на включение малого этноса в базовое общество. Оба они являются вариантами инкорпорирования мигрантов в принимающее сообщество. В своем исследовании мы дифференцировали их на уровне процессов, происходящих в индивиде. Анализ интегрированности мигрантов из стран Средней Азии показывает наличие противоречивых тенденций в их внутреннем состоянии. С одной стороны – это высокая ориентированность наиболее интегрированных мигрантов на этническую религию (ислам), высокая религиозность, включенность в жизнь религиозной общины и национальной диаспоры, большая острота восприятия своего отличия от россиян и большая межэтническая напряженность. С другой – размывание идентичности, ослабление этнических меток: наиболее интегрированные группы идентифицируют себя с современной Россией и ощущают себя «просто

человеком». Также существует разрыв между демонстрацией положительного отношения к «иным культурам и народам» и более негативным отношением к русским и православным со стороны наиболее интегрированных мигрантов. Наиболее вписавшаяся в российскую социальную структуру группа мигрантов демонстрирует более высокую степень межэтнической напряженности (менее положительно, чем другие группы, относятся к представителям принимающего общества, чувствуют на себе негативное отношение со стороны местного сообщества и хуже оценивают межнациональные отношения в нем).

В данной работе проведен анализ проблемы на уровне представителей входящего этноса. Мы считаем перспективным проведение параллельного исследования процессов ассимиляции и интеграции мигрантов с обеих сторон – как со стороны принимающего общества, так и со стороны входящего этноса, для получения более полного представления по данному вопросу.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

С. В. Колударова

**Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия**

Summary. Abstracts reveal interethnic marriage with foreigners from the perspective of the migration process. The author identifies causes of migration, reveals their content and form factors. And also designated areas of measurement marriage migration.

Keywords: interethnic marriage, migration, marriage migration, migration process, causes of migration, measurement of marriage migration.

Направленность миграционных процессов в современном российском обществе довольно разнообразна. Они связаны с перемещениями людей между районами, городами и странами. При этом каналы миграции различны, одним из них является брак с иностранным партнером как представителем «дальнего зарубежья». Тенденция межнациональных браков в российском обществе складывается так, что к нему, в большей степени, склонно женское население.

Содержание мотивов брачной миграции можно классифицировать в следующие группы: 1) стремление жить за границей; 2) стремление к профессиональному развитию за границей; 3) стремление посмотреть мир; 4) стремление обеспечить будущее своим детям [1]. Вышеперечисленные мотивы опираются на субъективное желание конкретной женщины посредством межнационального брака с иностранным партнером покинуть Россию. Например, «брак с иностранцем рассматривается как перспектива на вполне законных основаниях

покинуть пределы страны» [2]. Значение обозначенных мотивов связано, во-первых, с качественно лучшим и социально гарантированным обеспечением, экологическим состоянием, вероятностью получения которых существует за границей; во-вторых, с определенной степенью трудности применения и внедрения собственных профессиональных знаний в России или нежеланием в целом работать в России; в-третьих, с преследованием цели туристско-познавательного характера; в-четвертых, с ответственностью женщин за жизнь детей. Факторами формирования данной группы мотивов являются:

- 1) Социально-правовые факторы, предоставляющие через брак с иностранцем правомерно мигрировать за пределы России.
- 2) Социально-профессиональные факторы, связанные со стремлением реализовать свой трудовой потенциал за границей.
- 3) Социально-мировоззренческие факторы, раскрывающиеся в побуждении расширить кругозор мира.
- 4) Социально-биологические факторы, основанные на женском, материнском инстинкте о заботе потомства.

Таким образом, миграция через межнациональный брак с иностранным партнером имеет довольно многообразные мотивы. В этой связи существует потребность в статистическом и социологическом измерении брачной миграции. Статистическое измерение обусловлено подсчетом количества перемещающихся за границу через брак, которое может быть осуществлено органами ЗАГС, регистрирующими браки с иностранцами, и посольствами, выдающими визы в связи с браком с гражданином данного государства. Социологическое измерение связано с анализом причин брака, динамикой браков с представителями различных государств, а также различных стадий миграции (собственно миграции, адаптации к новым условиям, идентификации).

Библиографический список

1. Корнеева С. В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М.: Изд-во Спутник +, 2007. – 28 с.
2. Шемет Е. Почему Джону нравится Маруся // Аргументы и факты. – 1995. – № 5 (746). – С. 5–7.

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЬИ В (ПРЕ)МОДЕРНИСТСКИХ ОБЩЕСТВАХ

З. Х. Валитова

Карагандинский государственный
университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

Summary. This article attempts to draw attention to the theoretical study on the modern family. Modern families are a weak social network. Weak networks are characterized by openness and fragile identity.

Keywords: traditional family, modern family, social networks.

Современные социальные изменения затрагивают основы институционального порядка общества. Множество теоретических рассуждений вызывает трансформация института семьи.

Как известно, существуют различные классификации типов семей. Мы нередко апеллируем к таким категориям, как «традиционная/современная» семья, «расширенная/нуклеарная» семья. Во многих исследованиях отмечается, что для традиционных обществ характерны расширенные семьи, а для современных – нуклеарные.

Традиционная семья, как и современная, во многом обобщенная категория. В разных обществах и культурах существовало множество разновидностей семейных и родственных связей. Следует отметить, что нуклеарная семья не недавнее явление, такой тип существовал во многих культурах всюду в человеческой истории. «Нуклеарная семья служит универсальным видом человеческих групп... существует в качестве особой функциональной группы во всех известных науке обществах» [1, с. 20].

Что представляла собой семья в прошлом, и что представляет собой сегодня? В пре-модернистских обществах нуклеарная семья часто встроена в большую социальную единицу типа фермы, деревни, населенной родственниками и т. д. То есть связи родства, несмотря на видимую, на первый взгляд изолированность, достаточно сильные. И даже очень маленькие по размеру семьи оставались открытыми для сообщества. Семейные посещения могли быть частыми и расширенными, дети свободно циркулировали и чувствовали себя как дома в нескольких домохозяйствах. Но об этом можно говорить не только в прошедшем времени. И сейчас существуют такие формы отношений.

Традиционная семья представляет собой социальную сеть, в которой есть стремление законсервировать культурные традиции, существующие отношения. Особо следует подчеркнуть, что не всякая расширенная семья является традиционной, как и не любая нуклеарная семья является современной. Как отмечает А. Б. Синельников «Если в семье из трех поколений сохраняются все отношения взаимопомощи, несмотря на то, что представители среднего и младшего поколения

проживают отдельно от представителей старшего поколения, то само их разделение можно назвать полной нуклеаризацией семей только в демографическом, но не в социологическом смысле, поскольку территориальная нуклеаризация не сопровождается функциональной» [2]. Расширенная семья, также как и нуклеарная может быть как традиционной, так и современной, и наоборот. Главный вопрос должен касаться не сути предложенных категорий как неких констант, а условий, при которых эти формы могут трансформироваться как переменные. Как расширенную, так и нуклеарную семью следует рассматривать как переменную, которая в зависимости от определенных условий функционально изменяется, внешне сохраняя определенную форму.

В современных условиях возникают молодые социальные сети, более хаотичные, неопределенные и слабые. У них хрупкие идентичности, и они не уверены абсолютно в крепости внутренних связей. Современные семьи представляют собой молодые сети, которые находятся в состоянии постоянного изменения и характеризуются частой сменой конфигурации гендерных ролей и внутрисемейных отношений. Непостоянство и центробежные тенденции очень характерны для молодых сетей. «Центральным пунктом противоречий в постсовременной семье, в отличие от других разновидностей нетрадиционной модели, является наличие сильнейших центробежных тенденций. Они связаны со стремлением каждого удовлетворять свои индивидуальные стремления и одновременным отсутствием скрепляющих отношения норм» [3, с. 76].

Во многом изменения, происходящие с семьей, зависят от поведения ее социальной сети. От установок, норм и правил жизни этой сети. Ослабление сети современной семьи обуславливает и в свою очередь обуславливается институциональными изменениями. Как известно, индикатором устойчивости института является институциональная сплоченность, или влияние, которое он имеет на своих членов; влияние в обществе на другие институты; эффективность выполнения специфических функций. Если применить данный индикатор, то мы увидим, что семья как институт ослаблена во всех ипостасях, и главное, в своих специфических функциях – репродуктивной и социализирующей.

Современная рыночная система отношений требует предельной автономизации личности. «Увеличение количества относительно самостоятельных институтов социализации, не связанных между собой в единую иерархическую систему, также способствует усилению автономности социализирующейся личности» [4, с. 158].

У. Бек определяет современность как эру индивидуализации, когда требуется не следование «готовым заданным нормам», а формирование собственного «я» в качестве «деятельностного и ориентирующего центра» [5, с. 239]. Расширение индивидуалистических идей, вызывают кризис ожиданий во взаимоотношениях родителей и

детей. Молодые люди проводят различие и параллели между тем, что дает им школа, средства массовой информации, друзья и тем, чему учат их родители. Интерпретация мира осуществляется преимущественно несемейными образованиями. Трансляция информации происходит извне, то есть не из семьи в общество, а из общества в семью. Несмотря на то, что семья является важнейшим агентом первичной социализации, она лишена прежней «тотальности». Отношение «человек для семьи» трансформируется в формулу «семья для человека». Более того, также можно фиксировать автономизацию семейных сфер. По мнению С. И. Голода, «одно из событий, радикально повлиявшее на изменение качества семейных отношений, – это автономизация брачности, сексуальности и прокреации. Становится все более очевидным, что явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах, вскрытые в середине XX столетия, уже не могут интерпретироваться однозначно как отклонения от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи» [6, с. 50–51]. Современная семья уже не является институтом, всецело контролирующим последовательность таких событий, как брачность, сексуальность и прокреация. Необязательно заключать брак, чтобы вступить в сексуальные отношения, или вступать в брак, чтобы родить ребенка. Во многом такому положению также способствует ослабление социальных сетей. Индивид включается во все более широкие сети взаимоотношений, в результате чего возникает большая вероятность разрушения паттернов, способствующих укреплению семейных ценностей. «Через слабые связи интегрируются социальные системы и обеспечивается распространение информации. Более того, множество слабых связей в этом смысле действеннее, чем несколько сильных связей. Сильные связи соединяют людей, вращающихся в своих социальных кругах и, следовательно, обладающих одной и той же информацией. Слабые связи соединяют людей, которые вращаются в разных кругах общества и узнающих новое для себя» [7, с. 79]. Как видно, слабые сети, благодаря своей открытости позволяют своим членам быстро включаться в новые системы взаимоотношений.

Следует отметить, что современные дискуссии в социологии и демографии семьи разворачиваются преимущественно вокруг оценки трансформации семьи. Это привело к возникновению полярных концепций в анализе семьи – кризисной и модернистской. Однако есть много вопросов, которые для современной социологии семьи являются не менее, если не более важными, которые теряются на фоне неудержимого желания оценить ситуацию в положительном или негативном свете. Это вопросы эпистемологического характера. Каким образом исследовать семью? Необходимо найти лучший способ (абстрагируясь от оценивания ситуации) анализа современной семьи, создать условия для превращения семьи из «молчаливого объекта» в «го-

ворящего субъекта». Несмотря на то, что нуклеарные семьи рассматриваются как доминирующие типы в современном обществе, в настоящее время актуальна проблема исследования многообразия семейных форм.

Библиографический список

1. Мердок Дж.П. Социальная структура. – М.: ОГИ, 2003. – 608 с.
2. Синельников А. Б. Социально-экономические последствия трансформации семьи // Интернет-журнал «Демографические исследования». – № 6. – 2007 http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=791
3. Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М.: Удиторил УРСС, 2003. – 152 с. – С.76
4. Шманкевич Т. Ю. «Затмение семьи»: дискуссия во французской социологии / Журнал социологии и антропологии. – 2005. – Том VIII. – № 3. – С. 157–173.
5. Бек У. Что такое глобализация. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 304 с.
6. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 272 с.
7. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 78–87.

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА О ТЕНДЕНЦИЯХ В СФЕРЕ РОЖДАЕМОСТИ

А. Б. Есимова

Международный Казахско-Турецкий университет
им. Х.А. Ясави, г. Шымкент, Республика Казахстан

Summary. One of the theories to explain the trends in fertility is the theory of Demographic Transit. This article reveals the theory of Demographic Transit, its main provisions. According to theorists of Demographic Transit, one of the important reasons of the transformation fertility of the population are changes in the value system.

Keywords: theory of demographic transit, fertility.

В условиях демографического кризиса, наблюдаемого во многих странах, изучение проблемы рождаемости должно быть направлено не только на фиксирование современных тенденций, но и на теоретическое объяснение сложившейся демографической ситуации, что позволяет прогнозировать развитие рождаемости.

Одной из теорий, объясняющих тенденции рождаемости, является теория демографического транзита. Теория демографического транзита объясняет смену типов воспроизводства населения и формулирует причины снижения рождаемости. Согласно основателю теории Ф. Нутстайну, в традиционных аграрных обществах рождаемость возмещала высокую смертность, и таким образом страховалось выживание населения. Модернизационные процессы привели к снижению смертно-

сти, а впоследствии – к понижению уровня рождаемости. Увеличение затрат на содержание детей, снижение их экономической ценности, а также повышение детской выживаемости привели к сокращению уровня рождаемости и к распространению контроля над ней [1].

Австралийский демограф Дж. Колдуэлл сформулировал содержание демографического транзита, основываясь на следующих тезисах: тип рождаемости экономически рационален во всех обществах и определяется типом семьи и природой экономических отношений в семье; аграрная экономика основана на большой семье, представляющей собой группу близких родственников, объединенную совместной экономической деятельностью и общими обязанностями; индустриальная экономика лишает семью функции основной экономической ячейки общества, семья становится нуклеарной; вместе с тем традиционная большая семья со свойственным ей типом рождаемости в принципе может адаптироваться к условиям индустриальной организации общественного производства [2]. Взяв за основу понятие «чистые потоки богатств», Дж. Колдуэлл различает общества с высоким и низким уровнем рождаемости. В первом случае «чистые потоки богатств» направлены от молодого поколения к старшему, во втором – в противоположном направлении. По его мнению, в обществах с высоким уровнем рождаемости произошло снижение рождаемости из-за роста затрат на содержание детей и сокращения их использования в семейном труде, что привело к тому, что нетто-потоки богатств в начале сократились, а затем изменили направление.

Дж. Колдуэлл отмечает, что в развивающихся странах снижение рождаемости происходит быстрее благодаря импорту идей «прозападной» идеологии и образовательной системе [3]. По мнению Дж. Колдуэлла, любая теория снижения рождаемости должна принять во внимание социально-экономические изменения в обществе. Необходимо также учитывать идеологию, отношения и механизмы контроля, которые влияют не только на рождаемость, но и на стратегию поведения, а также на характер межличностных отношений [4].

Демографические сдвиги в развитых странах в конце XX века получили название второго демографического перехода (Д. Ван де Каа, Р. Лестеге). Второй демографический переход – это новейший этап демографической модернизации, связанный с трансформационными процессами в жизненном цикле современного человека. Центральными признаками второго демографического перехода являются поздний возраст при вступлении в брак и позднее родительство. Задаваясь вопросом, насколько концепция постмодернизма применительна к анализу населения в демографическом аспекте, Ван де Каа отмечает, что используемый в контексте постмодернизма общемировой процесс изменения ценностей от современного до постсовременного может быть важным инструментом в объяснении демографических измене-

ний, наблюдаемых почти во всех европейских обществах с середины 60-х годов XX в.

Исследователи Р. Лестеге и Д. Серкин, считая важным элементом второго демографического транзита разнообразие ценностных ориентаций и выбор жизненного курса, на основе эмпирического материала (European Values Surveys. 1981, 1990, 1999) пришли к выводу, что новые типы формирования семей через длительное отдельное проживание, добрачное сожителство и распространение статуса родителя в пределах сожителствующим союзам имеют устойчивую основу в Европе. Они отмечают, что перечисленные особенности второго демографического перехода первоначально появились в скандинавских странах в 60-х годах прошлого века, далее получили распространение в Западной Европе в 70-х и в 90-х годах – в Центральной Европе [5].

Демографические изменения динамичны. В 2006 году английский исследователь Д. Колеман (D. A. Coleman) выдвинул идею, что предпосылками для третьего демографического перехода являются постоянная низкая рождаемость и высокая иммиграция. Согласно его мнению, нехватка трудовых ресурсов привела к привлечению иностранной рабочей силы, что на фоне низкой рождаемости в европейских странах повлекло за собой замещение в населении [6]. Мигранты, имея более высокие репродуктивные установки и более молодую возрастную структуру, оказывают влияние на демографическую ситуацию в странах иммиграции.

Теория демографического транзита является одной из теорий, которая объясняет происходящие демографические изменения. У данной теории есть как сторонники, так и критики. Однако, несмотря на замечания к некоторым пунктам данной теории, нельзя отрицать ее значение в развитии теоретического обоснования рождаемости. В заключение следует подчеркнуть, что формирование новых теоретических обоснований развития рождаемости будет зависеть от эмпирической базы социолого-демографических исследований.

Библиографический список

1. Bongaarts J., Watkins S.C. Social interactions and contemporary fertility transitions // *Population and Development Review*. – Vol. 22. – N 4. – 1996. – Pp. 639–682.
2. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 110.
3. Caldwell J. C. A theory of fertility: from high plateau to destabilization / перевод с англ. к.э.н. Н. В. Зверевой // *Population and Development Review*. – Vol. 4. – 1978. – Pp. 553–577 // www.demographia.ru
4. Caldwell J.C. The Globalization of Fertility Behavior // *Population and Development Review*. – Vol. 27. – 2001. – Pp. 93–115.
5. Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // *Special collection 3, Article 3*. – 2004.

6. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition. *Population and Development Review*, 32(3): 401–446 (September, 2006).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ - СИРОТ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (В 20–30-Е ГГ. XX В.)

И. В. Антонович

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Summary. The given article shows the path of Social Care development during the Soviet Union time period. The experience of Social Care governmental institutes of as they functioned is being studied and analyzed.

Keywords: social work, social provision, social care.

С насущной проблемой массового сиротства и беспризорничества, острой необходимостью государственного устройства, содержания и воспитания детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, послереволюционная Россия столкнулась уже в первые годы советской власти. Для нас сегодня интересен поиск путей и форм воспитания детей-сирот, который осуществлялся педагогами 20-30-х годов.

Декретом СП К РСФСР от 9 января 1918 г. «О комитете по делам несовершеннолетних» детские и сиротские приюты преобразовывались в государственные детские дома и перевелись в ведение специально созданных комиссий, организованных при Наркомате государственного призрения. Этим же декретом было принято решение об отмене судов и тюремного заключения для малолетних и несовершеннолетних. С 1917 по 1920 г. для детей младшего (до 3 лет) возраста создаются дома для младенцев. Для устройства несовершеннолетних сирот малолетнего возраста организуются разные детские учреждения – дома и учреждения интернатного типа. В этих учреждениях виделся новый тип общественного государственного воспитания детей, которому предстояло воплотить в жизнь новую идею коммунистического воспитания всех детей за счет государства. Считалось, что ни семья, ни отдельные лица не могут успешно выполнить колоссальную задачу перевоспитания всего молодого поколения так рационально, как все общество, все государство. В учреждениях нового типа ребенок находился под постоянным надзором, поэтому из него было легче «лепить» то, что требовалось [2, с. 70].

Наряду с детскими домами в 20-е годы существовали и другие государственные интернатные учреждения: детские коммуны и городки, трудовые колонии, пионердома, приёмно-распределительные пункты. Многие педагоги 20-х г. отдавали предпочтение детским до-

мам смешанного типа (школьного и дошкольного возрастов). «Детский дом должен являться частицей жизни, – говорили они, – в жизни же все возрасты связаны и смешаны». В школьных детдомах открывались дошкольные отделения, а в дошкольных детдомах – школьные. В таких учреждениях (семейного типа) появляется высокая ответственность старших воспитанников по отношению к младшим (забота, уход, шефство), да и смягчается сам психологический климат таких заведений в сторону домашнего воспитания.

Созданные в первые годы советской власти детдома размещались в хороших особняках, с большими наделами земли, с садами и огородами. В них существовали швейные, столярные, сапожные и переплётные мастерские. В детских домах обязательно были хор и духовой оркестр, клуб и библиотека [1, с. 45].

Нестандартным типом детских учреждений 20-х г. были пионердома. От обычных детских домов школьного типа они отличались стопроцентным пионерским составом – в то время это встречалось не часто. В пионердома принимали детей с 12 лет, а их количество не превышало в этих заведениях 80 человек. Работа пионердомов строилась по принципу деятельности пионерской организации (создание пионерских звеньев) и носила ярко выраженный политический характер первых революционных лет [3, с.19].

В эти же годы в зависимости от местных условий создавались и детские трудовые (промышленные и сельскохозяйственные) коммуны или колонии для несовершеннолетних правонарушителей 12–17 лет. Эти учреждения отличались специфичностью контингента, отдельным воспитанием (девочки и мальчики отдельно) и некоторыми организационными принципами. К ним относились: полное самообслуживание, производственный труд, оплата труда подростков в мастерских, частичная, хотя и минимальная, самоокупаемость учреждения.

Это время стало и моментом ломки ставших традиционными представлений об опеке. Теперь она была свободна от прежней сословной зависимости. Вместо сословного, опека приобрела так называемый государственный характер, что выразилось главным образом в укреплении её административно-правовых основ, в тщательной регламентации деятельности органов, занимающихся опекой над детьми-сиротами. Учреждениями, ведающими всякой опекой, являлись в те времена отделы социального обеспечения при губернских совдепах. Они ведали всеми вопросами опеки и на местах.

Ещё одна особенность опеки того времени заключалась в обязанности гражданина быть опекуном. Хотел он того или нет, но если выбор общественности пал на него, его назначали опекуном. Мало того, имело место стремление назначить опекуна и при жизни родителей, если они по классовым, идеологическим соображениям не могли обеспечить ребёнку надлежащего воспитания, если сквозь призму

господствовавшей идеологии их качество как воспитателей не соответствовали установленным государственным стандартам.

Однако при всей специфике опеки первых лет становления новой государственности она продолжала оставаться способом устройства осиротевшего ребёнка в семью. А потому её справедливо считали одним из реальных, действенных средств предупреждения беспризорности, которая с каждым днём превращалась в настоящее социальное бедствие.

В середине 30-х г. детский дом как одна из форм государственного попечения о детях, был признан лучшим типом воспитательно-образовательного учреждения, наиболее отвечающим целям коммунистического воспитания детей того времени, нуждающихся в помощи государства. Ради спасения детей осенью 1918 г. во многих городах стали создаваться общественные организации – Лиги сиротских детей. Организаторами были общественные деятели и корректоры. Эти организации сначала направляли детей в «санатории на излечение, потом пересылали в колонию, где их учили наукам. Лига занималась детьми и «белых», и «красных». Всего через нее прошло 3500 детей-сирот [4, с.14].

Положение воспитанников детских домов было крайне тяжелым. Скучным было питание, одежда, не хватало постельного белья, учебников, книг, тетрадей. Поэтому комиссариат по улучшению жизни детей прикреплял в порядке шефства детским учреждениям профсоюзные организации, предвоенские части, крестьянские комитеты общественной помощи.

Ранний период существования Советской власти является образцом политического опыта общественного движения сиротам. Коренные изменения в работе детских домов произошли в годы первой пятилетки, когда под руководством Коммунистической партии советский народ строил новую социалистическую экономику, новую жизнь.

Библиографический список

1. Беляков В. В. Сиротские детские учреждения России: исторический очерк. – М.: Дом, 1993.
2. Исторический опыт социальной работы в России. – М., 1994.
3. Ксенофонов И. Н. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. – М. 1925.
4. Лыткин В. А. История социальной работы в России. – Калуга, 1997.
5. Социальное обеспечение в СССР. – М, 1986.
6. Фирсов М. В. История социальной работы в России: учебное пособие для высшей школы. – М., 2009.

НАГРАДНАЯ ПОЛИТИКА КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИИ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

С. В. Кольчугина

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. The given article is devoted to a problem of the social status of the Russian business during from second half of XIX on beginning of XX centuries. It based on regional sources – materials of Simbirsk and Penza provinces as in a province there were some features. Nevertheless, and the Average Volga region has tested to the full the basic tendencies of a state policy in the given question – aspiration to keep dominating positions of nobility and to encourage successful merchant class with awards.

Keywords: social mobility, nobility, merchant class, business.

Предпринимательская деятельность в России не сразу получила общественное признание (многие исследователи убеждены, что это не произошло и до сих пор). Впервые этот вопрос обозначился в России особенно остро в период интенсивного развития буржуазных отношений (вторая половина XIX – начало XX вв.). Поскольку в Российской империи главные рычаги государственного управления находились в руках первого «благородного» сословия, в правящих кругах господствовала чиновно-бюрократическая психология и дворянская спесь, мешавшие власти имущим признать капиталиста равным себе по социальному статусу. При этом отношения «аристократии капитала» и «аристократии крови» отличалось взаимной неприязнью. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары представителя известной пензенской купеческой семьи А. П. Кузнецова: «... на купечество власти смотрели чуть снисходительнее, чем на крепостное сословие; начальство презирало и смотрело слишком вниз на купцов...» [9, с. 158]. Такие настроения и взгляды приводили к неоднократным попыткам законодательно закрыть дворянский мир от проникновения в него новых элементов.

С другой стороны, правящие круги сознавали необходимость стимулирования дельцов, добившихся успехов в области торгово-промышленной деятельности. За весомый вклад в развитие отечественного предпринимательства купцы могли быть награждаемы орденами, чинами и титулами. Они не только повышали общественную значимость и респектабельность отдельного предпринимателя, но и позволяли выйти за пределы сословно-социальной обособленности.

К концу XIX в. в России существовало 27 жалуемых наград: 15 – орденами и 12 – чинами. Особый интерес для дельцов имели не награды вообще, а именно высшие: чиновные не ниже 4-го класса (чин, давав-

ший право на общий гражданский титул «превосходительство») и орденские. Все ордена 1-й степени и Владимира 4-й (с 1900 г. – 3-й) также предоставляли возможность получить потомственное дворянство.

В результате к середине 1880-х гг. многие купцы имели уже не по одному, а по 3–6 орденов, полученных за заслуги в деле развития промышленности и торговли. Среди награжденных появились даже купцы второй гильдии. Этот процесс особенно усилился в 80-е гг. XIX в., и правительство попыталось ослабить данную тенденцию. В 1892 г. был принят закон, запрещающий награждать купцов, мещан и других лиц, не состоящих на государственной службе, чинами [12, с. 292]. Таким образом, как отмечал Л. Е. Шепелев, «существовала поразительная ситуация, когда дворянство можно было выслужить рутинной канцелярской службой в государственных учреждениях, но нельзя было приобрести его, руководя сложным промышленным производством или владея им» [15, с. 5].

К счастью, само понятие «государственная служба» законодательно трактовалось очень широко. «Табель о рангах» открывала здесь широкие возможности. Например, исполнение обязанностей почетных мировых судей считалось службой по Министерству юстиции, попечителей и устроителей училищ – по Министерству народного просвещения либо по Министерству торговли и промышленности, деятельность на поприще городских управ – по Министерству внутренних дел. Многие предприниматели участвовали в работе различных сословно-представительных, государственных и благотворительных организаций (в их числе купеческие общества, комитеты торговли и мануфактур, биржевые комитеты и пр.) [2, с. 65–66].

Некоторые предприниматели не преминули воспользоваться подобной возможностью. Так, купец А. С. Казеев, владелец суконной фабрики в селе Большая Лука Керенского уезда Пензенской губернии, несколько трехлетий состоял земским гласным и имел награды как почетный мировой судья и попечитель церковно-приходской школы, которая содержалась за его счет [10, с. 389–390].

Симбирский купец Н. Я. Шатров, добившись значительного коммерческого успеха, также отличался честолюбием и социальной амбициозностью: «...завидую я дворянам и чиновникам – сколько у них орденов и медалей, а нас, купцов, здесь обходят...». Его интересы не ограничивались только коммерцией, он занимался и общественной деятельностью: постоянно избирался гласным городской думы, директором губернского тюремного комитета, был попечителем симбирской чувашской школы, церковным старостой кафедрального собора [11, с. 83, 84, 97, 102, 108, 213, 216]. Наконец, Н. Я. Шатров получил известность как меценат и благотворитель. Так, он пожертвовал симбирской чувашской школе трехэтажный каменный дом и более 100 тыс. руб., коммерческому училищу – двухэтажный дом с подвалом и надворными постройками, торговой школе – 30 тыс. руб.; учре-

дил фонд в поддержку обедневших купцов и мещан [1, с. 65–69; 5, с. 111; 7, л. 3–3 об.].

Общественно-полезная и профессиональная деятельность Н. Я. Шатрова не осталась без внимания правительства. Его заслуги были отмечены золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте, орденом Святого Станислава 2-й степени, орденом Святой Анны 2-й степени, орденом Святого Владимира 4-й степени, а в 1912 г. предприниматель получил чин действительного статского советника. Таким образом, «происходя из небогатой мещанской семьи, Н. Я. Шатров достиг высшего положения, какое возможно достигнуть лицу непривилегированного сословия» [7, л. 8–8 об.; 13, с. 11].

Подобные акции не были единичными. Золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте за усердие по «фабрично-промышленному предприятию» в 1900 г. была отмечена деятельность владельца спичечных фабрик в Нижне-Ломовском уезде Пензенской губернии Ф. С. Камендровского [6, с. 11].

Однако здесь уместно привести и другой пример. Так, в марте 1908 г. пензенский купец Х. А. Пинес, занимавшийся подрядом по развозке казенного вина, писал в пензенское купеческое общество: «...я признаюсь членом купеческого общества в тех случаях, когда дело касается денежного обложения, но, по-видимому, не признаюсь таковым по вопросам о решении наших корпоративных нужд, ибо ни на одно из заседаний Пензенского купеческого общества пригласительных повесток не получал». Ответ губернского правления свидетельствовал о наличии в государственной политике по отношению к еврейскому купечеству определенной дискриминации: «на основании 805 статьи Закона изд. 1899 г. евреи к участию в городских обществах не допускаются ..., еврей-купцы участвовать в купеческих собраниях не имеют права» [14, с. 61]. Таким образом, для части купечества указанный способ изменить свой социальный статус был недоступен.

И все же к началу XX в. уже не было редкостью, что старинные семьи торговцев и промышленников покидали ряды купечества и переходили в дворянство. Но, как отмечал А. Н. Боханов, «крупному финансовому дельцу, не имевшему хорошей генеалогии, легче было заработать очередной миллион или учредить компанию, чем получить приглашение в аристократический особняк с родовым гербом на фасаде» [2, с. 64]. Представитель известной купеческой фамилии Н. П. Вишняков писал: «Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такую же редкостью, как купца или купчиху в дворянской» [3, с. 19].

Данная ситуация, несомненно, была весьма распространенным явлением, но наиболее резко подобные настроения обнаруживались в крупных, развитых городах. В провинции отношения между купечеством и дворянством складывались ровнее и мягче. Из воспоминаний представителя пензенской купеческой династии В. Быстренина: «По-

мещица Данилова – гордая, славившаяся на всю округу властным своенравным характером старуха, достаивала нередко коробейника особой чести – приглашала его с собой пить чай», а впоследствии устроила его брак с любимой воспитанницей [4, с. 33–34]. Существуют и другие свидетельства подобных настроений [8]. Данное отношение можно объяснить ограниченностью круга общения местной знати, а также незначительным количеством по-настоящему родовитых дворянских фамилий.

Библиографический список

1. Аржанцев Б. Дворец мецената // Памятники Отечества. – 1998. – № 7–8. – С. 65–69.
2. Боханов А. Н. Дореволюционная буржуазия: парадоксы российского предпринимательства // Российская провинция. – 1995. – №2. – 61–70.
3. Бурьшкин П. А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – 350 с.
4. Быстренин В. «Уходящее» // Голос минувшего. – 1922. – №1. – С. 31–50.
5. Глаголев А. Экономическая философия великих русских меценатов конца XIX – начала XX вв. // Вопросы экономики. – 1994. – №7. – С. 109–122.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 206.
7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 354.
8. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1971. – 446 с.
9. Кузнецов А. П. Моя родословная. Неоконченные воспоминания // Земство. – 1995. – № 3. – С. 67–164.
10. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. – М.: Современник, 1995. – 479 с.
11. Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1904 г. – Симбирск: Губернская типография, 1903. – 394 с.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. третье. – Т. XII. – № 8845. Устав о службе гражданской // Свод законов Российской империи. Т. III. – СПб., 1896.
13. Точеный Д., Точеная Н. Симбирский благодетель // Былое. – 1998. – № 4–6. – С. 11.
14. Тюстин А. В. Пензенское купечество как социальный слой: вопросы истории формирования // Земство. – 1994. – № 3. – С. 52–62.
15. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена // Былое. – 1993. – № 2. – С. 5.

НЕРАВЕНСТВО МОЛОДЁЖИ: РЕСУРСЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

И. Н. Старик

Саратовский государственный технический университет,
г. Саратов, Россия

Summary. The problem of youth social inequality is still a topical issue nowadays. This work concerns town and rural youth: unequal access to resources which help to achieve social welfare. Significant resources are distinguished that are provided with urban environment: institutions of state education, public health service, culture.

Keywords: social inequality, town and rural youth, education, social status.

Исследования социального неравенства молодёжи показывают, что в его конструировании значимая роль принадлежит внешним факторам, которые влияют на социальное поведение молодых людей, определяют социальный статус. Анализ социального неравенства молодёжи позволяет говорить о неравном доступе к системе образования, социальной защиты, системе здравоохранения, профессиональной подготовке. В данном случае очевидна взаимосвязь возможностей молодых людей с социальной средой. Усиление неравенства молодежи характерно как для разных типов поселений, так и для различных регионов.

Городская среда включает в себя определённый набор ресурсов, которые помогают молодым людям получить определённые блага материального и не материального характера и либо сохранить, либо повысить свой социальный статус. Каждая социальная группа имеет и использует свои социальные ресурсы, следовательно, сельская молодёжь не всегда имеет возможность воспользоваться внешними ресурсами – ресурсами города. В данной работе мы выделяем важные с нашей точки зрения ресурсы, которые представляет городская среда.

Наличие образовательных учреждений

Совершенно очевидно, что образование является важным ресурсом, способствующим повышению социального статуса молодых людей. Формирование социальных ориентаций, системы ценностей и идеалов молодых людей находится под влиянием таких важных институтов, как семья и образование. Если мы говорим о школьном образовании, то можем выделить такие отличительные черты образовательного пространства городских и сельских школ, как более низкий уровень материально-технического обеспечения школ в сельской местности, недостаточное количество высококвалифицированных педагогов.

Таким образом, шансы получения профессионального образования выпускников сельских школ ниже, чем выпускников городских школ. Естественно, что важным моментом в процессе профессиональной ориентации и выбора профессии является наличие образовательных учреждений профессионального образования.

Большинство образовательных учреждений профессионального образования сосредоточено в городах, поэтому городская молодёжь проблему выбора профессионального образования решает значительно проще, нежели сельские ребята. Выпускники сельских школ, а также жители малых городов вынуждены ехать учиться в областные центры, либо в другие регионы. В районных центрах чаще всего есть образовательные учреждения начального или среднего профессионального образования, однако они не всегда могут соответствовать потребностям выпускников школ. Здесь появляется вопрос о достижении желаемого уровня образования и о его качественных характеристиках. На сегодняшний день значительная часть выпускников школ стремится получить высшее профессиональное образование. Данные, полученные в результате общероссийского опроса молодёжи, посвящённого высшему образованию, говорят о выраженном стремлении молодых людей к хорошей работе, карьере, образованию. 70 % респондентов стремятся сделать карьеру [1]. Здесь же выделяются три основных фактора неравенства: семья, образовательный уровень, место жительства. Таким образом, более высокий образовательный уровень является дополнительным ресурсом, и чем выше уровень урбанизации, тем большие возможности выбора профессионального образования имеют выпускники городских школ.

Учреждения здравоохранения

Согласно ВОЗ, здоровье определяется как состояние полного физического, психического и социального благополучия. Проблемы со здоровьем являются серьёзным препятствием для молодых людей, определённые заболевания могут стать барьером на пути поступления в вуз или трудоустройства. Укрепление здоровья является важным направлением поддержки молодого поколения. Данное направление социальной политики не может быть в полной мере реализовано в сельской местности, так как для этого необходимо достаточное количество лечебных учреждений и соответственно квалифицированный персонал. Во многих поселениях содержится лишь одно медицинское учреждение – фельдшерско-акушерский пункт. Ситуация в городе выглядит по-другому: даже малые города имеют лечебные учреждения различных типов, кроме государственной развита система частных медицинских центров.

Конечно же, мы не утверждаем, что уровень здоровья городских жителей достаточно высок. Но несомненным остаётся то, что городская среда предоставляет большие возможности связанные с лечением и укреплением здоровья.

Другие элементы социальной инфраструктуры

Кроме учреждений профессионального образования важным является наличие развитой в целом социальной инфраструктуры. Городские жители могут эффективно использовать потенциал социальной инфраструктуры города с целью изменения своего положения.

Социальная инфраструктура представляет собой «совокупность материально-вещественных элементов, создающих и обеспечивающих условия для пространственной и временной организации жизнедеятельности населения в контексте его потребностей, ценностных ориентаций, социальных, демографических и других особенностей» [2, с. 122]. Улучшение социального положения молодых людей практически невозможно при отсутствии условий, поддерживающих нормальную жизнедеятельность. Жизнь современных людей невозможна без материальных благ, которые обеспечивают их деятельность. Городская среда включает в себя достаточное количество спортивных, оздоровительных торговых комплексов, транспортные линии, средства коммуникации.

Таким образом, для жителей сельской местности очевидным барьером на пути улучшения своего социального положения является отсутствие достаточной материально-технической основы. Даже относительно развитая инфраструктура поселений сельского типа не обеспечивает условия социального развития, равные условиям городской жизни.

Библиографический список

1. Паутова Л. Поколение Y: цели, мечты, практика // База данных Фонда общественного мнения // <http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/prezpz2306>.
2. Федулов С. П. Социальная инфраструктура современного российского города // Социологические исследования. – № 4 . – 2000. – С. 122–125.

РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОХРАНЕНИИ МИРА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Д. В. Ефимова

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. Rescue mankind realization of tolerance as practical principle in ethnic-national attitudes can only. Tolerance assumes an establishment of reasonable balance between singularity and universality. Viability of any political community is reached due to a minimum of the standard values, images, a lexicon, political culture etc. This minimum (as general) should be provided first of all, despite of available ethnic and cultural distinctions (singularity). Tolerance in national-ethnic attitudes means necessity of recognition a society of double ethnic consciousness.

Keywords: national-ethnic attitudes, tolerance, political culture.

Культура выживания – это культура уважения и терпимости. Теперь, когда народы смешались, когда ни один народ не может быть искусственно изолирован от соседнего, единственной основой, способной объединить разные расы, классы, интересы и позволить людям

заняться трудами по переустройству мира, может быть толерантность, которая в будущем должна стать категорическим императивом.

Терпимость нужна везде: в семье, на улице, в офисе, на фабрике, но, прежде всего, в отношениях между расами и нациями, между этносами и народами. И думается, для утверждения принципа толерантности в культурно-этнических отношениях уже сложились определенные объективные предпосылки. Рассмотрим их. Во-первых, очень сильно представление о том, что, несмотря на все наши различия, касающиеся цвета кожи, языка, места жительства и т. п., у нас общий праотец и общее будущее.

Во-вторых, современный культурно-исторический процесс характеризуют две противоречивые тенденции: тенденция унификации, универсализации, базирующаяся на идее прогресса и содержащая в себе опасность расизма, так как данная идея может стать теоретической основой для выделения какого-то одного или нескольких народов как самых прогрессивных, на которые остальные народы и этносы будут насильственно ориентированы. При такой постановке вопроса нет места толерантности. Вторая тенденция – это тенденция к локализации, замкнутости культурных форм, возникающая из-за боязни этноса утратить свою самобытность и неповторимость, попав в иерархическое подчинение более сильных культурных феноменов. Однако в условиях формирующегося единого поля человечества изолированное существование локальных культур невозможно при всем желании этноса, а механизм, обеспечивающий взаимодействие при условии сохранения самобытности, пока отсутствует; но вырабатываются принципы гуманистической психологии, призванные обеспечить, в том числе, толерантные отношения между самодостаточными локальными культурами. Средствами реализации этих принципов являются:

- снятие противоречий между наукой и религией, так как религия призвана ограничить самонадеянность науки и политики;
- введение этики в политику (решение вопроса о соотношении целей и средств);
- признание в человеке наряду с природной и культурной основой духовной сущности как самостоятельной субстанции.

В третьих, уже сегодня реализуются полиэтнические связи, которые есть нечто большее, чем культурный обмен. Не считая древнейшего периода, на протяжении всей человеческой истории полиэтничное сообщество есть закономерность мирового развития, хотя всегда имело место противоречие между стремлением каждого этноса к независимому этническому самоопределению и тягой к государственной общности. В стабильные периоды развития полиэтничного сообщества стремление этноса к самобытности заглушается выгодами межэтнической кооперации, но в тот момент, когда действие интегративных сил ослабевает, а это, как правило, совпадает с кризисными периодами, желание этнического самоопределения проявляется с осо-

бенной силой. Примеры: Римская империя, Астро-Венгерская империя, Царская Россия, СССР после перестройки. Этнические конгломерации оказываются временными. Они разрушаются, но затем вновь возникают в новой конфигурации. Так, на смену империям пришли многонациональные государства, во многом обязанные им своими территориальными границами, а также внешними и внутренними проблемами, острейшая из которых – проблема этнических и национальных взаимоотношений.

Долгое время считалось, что такие конфликты разрешимы с помощью признания универсальных ценностей. Да, факт их признания есть условие необходимое, но недостаточное, так как основополагающие ценностные ориентации различных культурных миров не совпадают.

В национально-этнических конфликтах интересы и ценности настолько тесно переплетены, что вычленив эти составляющие очень и очень трудно. Однако необходимо, иначе невозможно выработать механизм разрешения конфликта. Суть проблемы в том, что конфликт интересов решается иным способом, нежели конфликт ценностей. Конфликт интересов поддается регулированию легче. Есть наработанные эффективные механизмы его разрешения. Образно выражаясь, это метод «взвешивания», то есть достаточно определить приоритеты интересов и сделать выбор в пользу главного за счет уступок в остальных. А вот ценности на весы не положишь. Именно поэтому конфликт по поводу ценностей относится к числу наиболее сложно разрешимых. Здесь включается в дело то, что называется принципами, которыми очень трудно, а подчас и невозможно поступиться. Отступая от принципов, от традиций, конфликтующая сторона теряет своё лицо, свой престиж, свой собственный образ, сложившийся в самосознании. Поэтому единственно эффективным механизмом разрешения конфликтов подобного рода, выработанным на сегодняшний день, можно считать толерантность. Она фактически означает в этой ситуации следующее: я уважительно отношусь к вашей системе ценностей и принципов, допускаю её самостоятельное существование, так как осознаю необходимость существования иного, чем моё, в качестве условия для развития моего; но при этом я понимаю и то, что это иное не может быть принято мною в качестве жизненного ориентира.

Подобный механизм регулирования взаимоотношений различных систем имеет место в христианстве ранней Византии, когда речь идет о соотношении Трех Лиц Троицы: «единосущности, равночестности (признание полного равенства), неслиянности (признание полноценного существования каждого из Лиц как неповторимого, несводимого к другим) и нераздельности (наличие общей глубинной основы, единства, цементирующего многообразие)» [4, с. 54–60]. Данный механизм есть осуществление подлинной полноценной толерантности, поскольку предполагается не только уважение в отно-

шении к иному, но и понимание необходимости его существования для собственного развития. Первые два принципа в общем плане реализованы в различных культурах и называются терпимостью. Её суть заключается в признании самодостаточного существования другой системы, но при этом не осознается необходимость её существования для моей системы, то есть не осознается глубинная связь различных систем. В этом нам видится принципиальное различие между терпимостью и толерантностью.

Следует также отметить, что определенные трудности при реализации толерантности как практического принципа в национально-этнических отношениях связаны с разным пониманием терпимости, являющейся как бы базой для толерантности, в различных цивилизациях.

Причинами неодинакового понимания терпимости народами, принадлежащими к различным субэкуменам, следует считать не только культурно-исторические особенности цивилизационных ареалов, но и существенные различия в типах и формах сознания людей, принадлежащих к разным культурам. Эти различия объясняют разную степень эмоционального неприятия «чужаков». Речь идет о так называемых «инстинктах психики», которые, по мнению К. Юнга, не подчиняются никакой морали и обладают жуткой разрушительной силой [1, с. 211–216]. По данным некоторых физиологов человеческий организм вырабатывает некую субстанцию, которая накапливается в нем в виде энергии разрушения [2]. Данная субстанция – наследство от наших предков, для которых она сыграла положительную роль в процессе внутривидовой борьбы, сформировав так называемый «инстинкт этнологической изоляции». Однако она срабатывает не только в ситуации опасности или конкуренции. Нейрофизиологи установили, что при отсутствии врагов или соперников нейроны физиологических систем агрессивно-оборонительного поведения, не получая адекватных раздражителей, оказываются в состоянии сенсорного голодания, что приводит к спонтанному усилению их возбудимости, то есть возникает эмоция враждебности. У человека она реализуется в системе смысловых знаков культуры, осваиваемой сознанием, путем неприятия различных мифологических, религиозных и философских систем. Зародившись в конкретной ситуации, она в «поисках смысла» обретает свою основу в тех системах представлений, той ментальности, к которой принадлежит человек данной культуры [3].

Следовательно, причины разного понимания терпимости народами, принадлежащими к различным культурно-цивилизационным мирам, можно объяснить как культурно-историческими особенностями этих миров, так и различиями в типах и формах сознания людей.

Следует отметить, что современный человек, с одной стороны, испытывает на себе мощное воздействие фактора взаимопроникновения различных культур, а с другой – он всё ещё опутан остатками архаических форм освоения мира, центром которых является дихотомия

«МЫ – ОНИ». Причем, в различных социокультурных сообществах эта дихотомия работает по-разному. Так, в этносе, который является формированием догосударственной культуры, социально-психологический комплекс «МЫ– ОНИ», где «МЫ» отождествляется с членами своей общности, а «ОНИ» – со всей враждебной средой, приводит к социопсихологической изоляции, которая предоставляет минимальные возможности для диалога. Поэтому в основе этноса лежат отношения не столько форм сотрудничества, сколько конфронтации. В нации же, которая есть результат формирования новой культуры государственного типа, оппозиция «свой – чужой» теряет основополагающее значение не только для государства, но и для культуры общества, то есть этнические ценности утрачивают непосредственно определяющий характер. На первом плане теперь – ценность личности, её права и способности реализовать свои таланты, возможность выбора своей национальной идентификации. В социокультурном формировании по типу нации происходит определенный выход за пределы этничности, который правомерно рассматривать как необходимую культурную предпосылку для реализации толерантности как практического принципа в национально-этнических отношениях.

Объективно каждому народу для развития культуры необходимо творческое, равноправное включение в межнациональное культурное сообщество. Это – суть процесса интернационализации. Но субъективно подобная взаимосвязь может восприниматься как угроза этническому существованию самого народа. И для такого восприятия интернационализации есть определенные основания. Переход в новое качество всегда связан с преобразованиями или отмиранием старого. В человеческом обществе смена одних форм жизнедеятельности другими влечет за собой ущемление чьих-либо интересов. В процессе интернационализации национальная культура традиционного типа (по типу «деревенской») трансформируется в «индустриально-городской тип» вследствие изменения образа жизни и экономического уклада народа. Функционирование прежних форм быта, нравственных норм регулирования межличностных отношений возможно теперь лишь в качестве этнографических особенностей. Особенно болезненно переживают это малые народы: чем шире межнациональные контакты, тем сложнее народу сохранить свою самобытность на основе традиционной культуры. Острое эмоциональное неприятие вызывает, в первую очередь, интернационализм в его сталинской интерпретации и те, кто проводит в жизнь эту политику. Такой «интернационалист» в любом окружении ведет себя как представитель метрополии в колонии. Он не признает национально обусловленных правил поведения и общения. Он лишен национальной определенности. Его цель – уничтожение всех и всяческих различий между социальными группами (в том числе, между этносами и нациями). Неприятие такого интернационализма консолидирует каждую нацию в целостность, смысл существования которой – борьба с

«интернационалистами». Причем при формировании «образа врага» в сторону отбрасываются собственные характеристики «интернационалистов» и взамен вводятся «образы врагов» – русских, армян, азербайджанцев, евреев, сербов, хорватов и т. д.

«Образ врага» – наиболее гениальное идеологическое изобретение из всех, сделанных за тысячи лет. Он освобождает нас сразу от двух крайне дискомфортных чувств – чувства вины и мучительного ощущения сложности мира. Всё сразу становится ясно и понятно. Поэтому «образ врага» опасен не только для стабильности и безопасности международных отношений. Он влечет крайне негативные и опасные последствия для внутривнутриполитической жизни страны.

Спасти человечество может только реализация толерантности как практического принципа в этно-национальных отношениях. Подразумеваемая, прежде всего, признание в «другом» «человеческого», толерантность вовсе не означает, что все специфические этнические черты должны игнорироваться. Она предполагает установление разумного баланса между единичностью и всеобщностью. Жизнеспособность любого политического сообщества достигается за счет минимума общепринятых значений, образов, лексикона, политической культуры и т. д. Этот минимум (как всеобщее) должен обеспечиваться в первую очередь, несмотря на имеющиеся этнические и культурные различия (единичность). Неограниченный этницизм приводит к анархии так же, как неограниченный интернационализм приводит к усилению интолерантности в национально-этнических отношениях. Следовательно, чтобы избежать нетерпимости в сфере национально-этнических отношений, которая может проявляться в форме анархизма, мелкого национализма, характерного для постсоветского общества, фундаментализма, репрессивной многонациональной империи и т. п., необходимо отказаться в решении этнических и национальных вопросов от любого давления, равно как и от национальных претензий (по крайней мере публично), чтобы защитить и сохранить основные права человека, соблюдение которых возможно только в рамках плюралистической демократии.

Толерантность в национально-этнических отношениях подразумевает необходимость признания обществом не только существующих национально-культурных различий, но и признание ещё одного современного феномена, на который многие сетуют, но никто не может его отрицать – это двойное этническое самосознание. Толерантность требует, чтобы эта двойственность, присущая человеку полиэтнического общества, была признана как законное человеческое состояние. Тогда имеющимся национально-культурным отличиям не будет придаваться самодавлеющего и институционального значения, а мы перестанем быть помехой друг другу. Терпимость к другому человеку, нации или культуре, различающимся по своим ценностям и стилю жизни, является одной из предпосылок мира и гармонии в совре-

менном мире. Прогресс терпимости в мировом сообществе становится индикатором зрелости политической, юридической, психологической и экологической культуры, показателем нравственной высоты нации, ее общественного сознания.

Толерантность не решит всех национально-этнических проблем, но она поможет нам научиться жить врозь, чтобы прийти – через это – к новому вместе. И наоборот, и одновременно – от нового вместе к неумолимому врозь, но тогда уже без оружия.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984 – 1985. – М., 1986. – С. 211 – 216.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: ИМА – Пресс, 1990. – 288 с.
4. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». – М.: НПО «МОДЕК», 1994. – 240 с.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ГОРОДСКОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО»

М. В. Кутепов

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Summary. This article describes the contemporary sociological approaches to the concept of «urban households». Clarified the basic concepts of category «urban households».

Keywords: household, urban households.

В современных научных публикациях отмечается возрождение интереса к домохозяйству как самостоятельному экономическому агенту, обусловленное в том числе – «открытием» неформальной экономики, этической экономики, хозяйственных механизмов локальных сообществ, малых экономических структур и подструктур (таких, как малотехнологичное мелкое производство, самозанятость, теневые предприятия и т. п.).

Ученые отмечают тот факт, что не только в развивающихся странах, странах «третьего мира», но и в развитых, несмотря на процессы глобализации, урбанизации, технологической экспансии, домохозяйства не только выживают, но и продолжают развиваться как самостоятельные экономические агенты [3]. Кроме того, в типологических характеристиках домохозяйства можно обнаружить свойства едва формирующегося в России, но уже укоренившегося в развитых экономических системах «общества, основанного на знаниях». Это связано, прежде всего, со следующими обстоятельствами: во-первых, среди экономических целей «новой экономики» отсутствуют высокие темпы экономического роста, вместо достижения этой цели новая экономика должна решать комплекс задач «устойчивого развития» (sustainable development). Таковую же задачу – выживание и развитие, воспроизводство собственного человеческого капитала при любых условиях призвано решать домохозяйство. Во-вторых, как следствие первой причины, фокус внимания современной экономики смещается с процессов производства на сферу потребления. Соответственно, значимость времени, затрачиваемого на производство, приближается к значимости времени, расходуемого на потребление. В-третьих, приобретая свойства «информационного», новое общество теснее взаимодействует как с материальным, так и с духовным мирами каждого отдельного человека. Это происходит потому, что

информация не только формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных протоколов и т. п., но также служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессах перехода от одного человека к другому. В-четвертых, экономический субъект новой экономики не может освоить весь объем информации, с которой взаимодействует, и вынужден опираться на распространенные в обществе нормы и правила. В домохозяйстве, хотя и по иным причинам, поведение человека также чаще обусловлено традициями и привычками (привязанностями), чем утилитаризмом и рациональностью.

Итак, домашнее хозяйство (домохозяйство) является важным субъектом экономических отношений, и поэтому изучение института домохозяйства в России последние десятилетия становится все более актуальным. Устойчивость внимания исследователей к изучению домохозяйства предсказуемо и понятно. Маркетинговый подход к сбыту продукции предполагает, прежде всего, «производить то, что продается, но также иметь возможность формировать заранее потребности потребителя в товаре» [6]. Средний потребитель, несмотря на угрожающие для семьи современные тенденции, это все-таки потребитель семейный, включенный в домохозяйство, где выстраиваются определенные модели поведения, использование которых целесообразно при построении маркетинговых стратегий.

На законодательном уровне понятие «домохозяйство» стали впервые использовать с 2009 года путем внесения поправок в Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения». Закон определяет основную единицу наблюдения переписи – домохозяйство.

Современное понятие «домохозяйство» в широком смысле весьма сложно и многогранно. Оно рассматривается как социально-экономическая микросистема, включающая в себя понятия «индивид» и «семья», но, в то же время, не является тождественной им, так как может состоять как из одного индивида, так и из нескольких семей [4]. Исходя из своих экономических возможностей в принятии стратегических решений, домохозяйство является необходимой, но недостаточной единицей анализа, ведь индивиды чаще всего обладают относительной независимостью от домохозяйства в принятии своих решений. Именно поэтому в социологии и экономике, как правило, рассматривается поведение индивидов или потребителей, под которыми достаточно часто подразумевается домохозяйство.

В настоящее время появились исследования домохозяйства в рыночной России, в которых этот анализ строится с учетом появления и развития новейших концепций как в социологии, так и в экономической теории. В современных исследованиях существует два совершенно разных уровня анализа, касающегося изучения домашних хо-

зяйств. Первый уровень – макроэкономический анализ – сводит во-едино более 50 млн домашних хозяйств России и рассматривает их как одну гигантскую единицу и стремится начертить общую схему структуры домохозяйств и связей между ними [2]. При этом макроэкономические исследования охватывают такие величины, как общий объем продукции, общий уровень занятости, общий объем дохода, общий объем расходов, общий уровень цен и т. д. Второй уровень – микроэкономический анализ – имеет дело с конкретными экономическими единицами, с детальным изучением их поведения. Здесь оперируют термином «отдельное домохозяйство» и сосредоточивают внимание на таких величинах, как производство или цена конкретного продукта, доходы или расходы данной семьи и т. д. Микроэкономический анализ необходим для того, чтобы увидеть с самого близкого расстояния некоторые очень специфические компоненты исследуемой экономической системы.

В микроэкономической теории имеется два различия домохозяйства:

- когда проживает один человек в своем отдельном помещении, а также считается отдельное жилое помещение. Также данное лицо обеспечивает себя всем необходимым для жизни и главным условием является то, что он не объединяет свои средства с другими лицами, которые также проживают в данном помещении;
- когда проживают два (и более) лица совместно в одном помещении, обеспечивающие себя всем необходимым при помощи объединения средств. Данные лица могут быть связаны отношениями родства, а также объединены браком.

Также в составе домохозяйства могут быть лица, которые ни как не связаны между собой, но ведут совместное хозяйство.

В соответствии с принятыми в статистике ООН рекомендациями понятие домохозяйства основано на бытовом укладе, в рамках которого отдельные лица или группы лиц обеспечивают себя продуктами жизнедеятельности. Таким образом, домашнее хозяйство рассматривается преимущественно как потребительская ячейка, а элементы производственной деятельности учитываются лишь в той мере, в какой они необходимы для удовлетворения собственных нужд. Отметим, что существуют известные различия в подходах к понятию домашнее хозяйство в статистике отдельных стран [4]. Так, в некоторых странах понятие домохозяйство не придерживается определения ООН, и на первый план выводится совместное питание, у других, например США, Швеции или Швейцарии, более важным считается совместное проживание.

Проанализировав основные подходы к изучению домохозяйств, в нашем исследовании в качестве определения домохозяйствами принимаем следующее: домохозяйство – это группа людей, имеющих общий бюджет, собственность в совместном ведении, между которы-

ми преобладают персонифицированные отношения, структурирующие их экономическую деятельность.

Библиографический список

1. Кучуков Р. А. Экономическая теория. – М., 2007. – С. 273
2. Матвеева Т. Ю. Макроэкономика: курс лекций для экономистов. – М., 2001.
3. Пястолов С. М. Институциональная модель поведения домохозяйств: диссертация... д-ра экон. наук: 08.00.01. – Москва, 2006. – 347 с.
4. Римашевская Н. М. Человек и реформы. Секреты выживания. – М.: ИСЭПН РАН, 2003.
5. Статистика семьи и пути ее совершенствования / отв. ред. А. Ю. Шевяков. – М.: Студио, 2008. С. 7.
6. Стуканова И. П. Управление региональным рынком продовольственных товаров: маркетинговый подход. – М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2009 – 236 с.

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ДЕМОНСТРАЦИИ СТАТУСА К СОЗДАНИЮ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

А. О. Малахов

Московский государственный университет, г. Москва, Россия

Summary. Contemporary consumer tries to satisfy not only unlimited needs but also expresses himself by means of consumed goods and communicates information about his way of living. Modern consumption is becoming unique practice of performance communication in conditions of universal theatricalization and role growth of consumption sphere. In such situation new trend of Russian consumer society is emerging: the theatre of glamour.

Keywords: consumption, consumer society, performance society, performance communication, sociology of consumption, communication, performance consumption, glamour.

«Всё что раньше переживалось непосредственно, отныне отнесено в представление» [5, с. 3]. Так Ги Дебор определяет суть современного состояния общества, характеризующегося утратой непосредственных форм и всеобщей театрализацией. Спектакль проникает во все сферы социальной жизни, переносится со сцены театра в повседневное существование человека.

Можно предположить, что театрализация социальной жизни была характерна для многих исторических эпох. Прежде всего, этот образ жизни отличал высшие слои общества с его праздным существованием, достигшим своего апогея в придворной жизни во времена расцвета европейских монархий. Сегодня же театр становится реальностью уже всего общества. Жажда впечатлений и представлений

движет сознанием и действиями индивида. По мнению Дж. Пайна и Дж. Гилмора, впечатления в современном обществе становятся «отдельным экономическим предложением», сопутствующим тем или иным товарам и услугам и дающим «незабываемые минуты» в жизни человека [4].

Итак, современным человеком движет страсть к театрализации, представлениям и впечатлениям. Наверное, неслучайно, что подобные стремления усилились в эпоху «общества потребления». «Существует сегодня вокруг нас своего рода фантастическая очевидность потребления и изобилия, основанная на умножении богатств, услуг, материальных благ и составляющая род глубокой мутации в экологии человеческого рода» [2, с. 5]. Так знаменует Ж. Бодрийар новую эпоху – эпоху общества потребления. Потребление становится всеобъемлющей сущностью человеческого бытия, выступая при этом одним из орудий театрализации повседневной жизни. В условиях кажущегося символического изобилия товаров и услуг индивид не может не использовать их в представлении себя на сцене общественного театра. Важным при этом в анализе современных тенденций развития общества театра и потребления является определение понятия потребления как такого.

Что же такое потребление? Этим вопросом задавались и задаются многие исследователи различных областей научного знания. Наиболее простой ответ на этот вопрос, сводящий потребление к удовлетворению безграничных потребностей индивидов, выступающих независимыми потребителями на рынке товаров и услуг, вряд ли приблизит нас к истине. В последние десятилетия потребление стало нечто большим, чем просто удовлетворение потребностей. Из физиологической сферы оно переместилось в сферу символическую. Потребление становится новой социальной реальностью, способной выразить различные проявления человеческой индивидуальности.

Важным моментом в изучении потребительских практик стало рассмотрение потребления как особого типа коммуникации, посредством которой человек сообщает свой социальный статус, принадлежность к той или иной социальной группе, отношение к миру и окружающей действительности. «Потребление – это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс» [1, с. 165], – пишет Ж. Бодрийар. В своей концепции общества потребления Ж. Бодрийар указывает на огромное разнообразие потребительских благ, существующих в современном обществе. Они сами становятся особой формой социальной реальности. Кроме того, потребление приобретает новый всеобъемлющий статус, перемещаясь из плоскости коммуникации в сферу идентификаций и ценностей индивида. Так в концепции М. Дугласа, потребление товаров рассматривается как «символический посредник», играющий главную роль в утверждении личностной и групповой иден-

тичности [9]. Другой исследователь К. Кэмпбэлл, особое значение придает «социально-информационной» функции потребления. Оно выступает как «деятельность, которая передает информацию об идентичности потребителя всем тем, кто является ее свидетелем», или как деятельность, которая отражает «реальную озабоченность индивида передачей специфических значений или сообщений о своей идентичности (или «жизненном стиле») другим, тем, кто в настоящее время доминирует в определенной сфере» [8, с. 111].

Важным в анализе потребления является факт тотального усложнения социальной реальности, предоставление индивидам всё больших средств для выражения посредством не только каких-либо способностей, но и с помощью окружающих вещей. Современное общество изобилует различными символами (пусть большинство из них является лишь сериями ограниченного числа оригиналов, по мнению Ж. Бодрийара [1]). Большое число этих символов составляют основу потребительских практик в виде различных товаров и услуг.

Одним из самых первых символический характер потребления анализирует Т. Веблен [3]. Он вводит понятие демонстративного потребления. С помощью предметов потребления индивид может демонстрировать свой социальный статус, при этом «демонстративность», прежде всего, характерна для высших слоев населения. Однако образцы демонстративного потребления в силу своей высокой визуализации становятся своего рода стандартами потребления и для более низкодходных групп. Они проникаются в различные классы и сословия, принимая ту или иную серийную форму. Современные средства коммуникации и подвижность населения упрощают процесс демонстрации символов потребления.

Коммуникация потребления по Т. Веблену прежде всего имеет стратификационную функцию. Это показатель принадлежности человека к тому или иному социальному слою. Индивид демонстрирует «престижность» своего положения через «престижность» потребляемых им вещей. Однако потребление может быть рассмотрено и в контексте общей «демонстративности», не носящей классовый характер. Так, Дж. Дьюсенберри рассматривает потребительское поведение не как функцию абсолютного дохода, а как результат «копирования соседей». С точки зрения автора, доход играет лишь относительную роль в детерминации потребительского выбора. Потребительские предпочтения, прежде всего, ориентируются на социальное окружение, создаются своего рода «группы по потреблению», выполняющие функцию референтных групп.

Таким образом, мы можем наблюдать смещение детерминаций в формировании потребительских практик: от удовлетворения потребностей к коммуникации, от демонстрации статусных различий к представлению себя на общественной сцене как сформированного индивида или представителя той или иной социальной группы. Эти осно-

вания становятся движимыми факторами развития сферы потребления в «обществе театра». Человек начинает не исполнять, а, прежде всего, «играть» различные роли. Предметы потребления при этом выступают вспомогательным, а подчас и основным элементом в демонстрации индивидуальности. При этом сама демонстрация становится не простым показательным выступлением, а своего рода спектаклем, в котором сам человек выступает не только как потребитель, но и как актер. В современном российском обществе потребления (если признавать в целом факт существования или хотя бы зарождения его) одним из таких представлений становится театр гламура.

В книге Д. И. Иванова «Глэм-капитализм» гламур выступает не просто потребительской практикой, а ложится в основу существования современного общества, порождая новую социальную структуру в форме «глэм-капитализма» [6]. В анализе гламура исследователь ссылается на работу Ф. Джемисона «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма». Ф. Джемисон анализирует социальное явление постмодернизма, рассматривая его как «культурную логику позднего капитализма». По мнению Д. И. Иванова, теоретические обобщения Ф. Джемисона могут лечь в основу анализа гламура. «Капитализм видится как рациональная система, функционирующая где-то «внутри» и порождающая «на поверхности» благополучного и отлаженного общества потребления экстравагантный интеллектуальный и эстетический эффект: ироничные, отрицающие рациональность парадоксы и пародии постмодернистской философии и постмодернистского искусства» [6, с. 8]. Так одной из характерных черт гламура является его поверхностность. Это внешняя форма проявления. Именно внешняя форма доминирует в представлениях себя индивидом. Сам гламур всегда направлен во вне. Он требует постоянного одобрения, подтверждения и следования.

По мнению Д. И. Иванова гламур возникает в результате тотальной виртуализации общества [6, с. 9]. Мы живём не только в эпоху театральной, но и виртуальной реальности. При этом виртуальность может выступать одним из важных оснований театрализации. Она формирует сферу нереальных образов и символов. Предметы потребления наделяются особым социальным статусом, коммуницирующим свойством. Индивид, играя в театр гламура, создаёт вокруг себя за счёт тех или иных потребительских практик своего рода виртуальный мир самовыражения. Виртуальная реальность потребления вытесняет истинную реальность путём симуляции. Так гламур предстаёт перед нами своего рода симулякр в терминологии Ж. Бодрийара. Симулякр – это некая мнимая копия, не имеющая оригинала, создаваемая индивидом виртуальная реальность его образа. Что же копирует человек? Д. И. Иванов характеризует гламур как единство пяти симулированных реальностей:

- роскошь («смысл которой не в дорогостоящих предметах самих по себе, а в потреблении, выходящем за пределы функциональности»);
- экзотика («представляет собой быт за пределами обыденности»);
- эротика (связана, прежде всего, с использованием тех или иных сексуальных образов в товарах и услугах);
- розовое (это больше, чем просто розовый цвет, это «радикальное цветовое решение проблемы», особая философия эйфории);
- блондинистое («означает не просто цвет волос, а управляемую внешность») [6, с. 14–15].

Таким образом, в основе гламура лежат внешние символические формы, наполненные, прежде всего, эстетическим театрализованным содержанием. Гламур – это театр одного героя, использующего яркие образы в виде предметов потребления, при этом они дополняются общим стилем поведения и театральной манерой репрезентации.

По нашему мнению, театр гламура суть порождение эпохи общества потребления. Как было сказано выше, современное потребление из плоскости удовлетворения безграничных потребностей индивидов переместилось в плоскость коммуникации и идентичности. Гламурный стиль потребления строится, прежде всего, на коммуникации. Это новый особый тип перформансной коммуникации. «Перформанс располагает своё сообщение в пространстве» [7]. Он предполагает театральность презентации коммуникативных сообщений и наличие определенных ритуалов действий. Ритуалы в нашем случае могут замещаться конкретными предметами потребления.

Что же сообщает нам человек, играющий в театр гламура? В концепции Т. Веблена демонстративное потребление оперирует статусными символами, это коммуникация достатка, хорошего вкуса, высокого социального положения. Гламур отчасти призван продемонстрировать позицию человека в социальной структуре. Но в современном обществе он выполняет не только функцию демонстрации статуса. Потребительская сфера наполняется разнообразными символами, она, как было сказано выше, проникает во все сферы жизни человека, становясь особым родом реальности, реальности виртуальной, наполненной симулякрами и сериями оригиналов. Гламур создаёт виртуальную реальность вокруг индивида, стремящегося в свою очередь создать особое впечатление в обществе. Основная функция гламура – это создание впечатления, правильного образа в соответствующей группе по потреблению. Представление или перформанс становятся неотъемлемой практикой в демонстрации впечатляющих предметов потребления.

Важной в следовании гламурного стиля потребления выступает референтная группа. «Группой соседей» (термин из концепции Дж. Дьюсенберри) выступают представители гламурной молодежи. Они создают образ особого стильного потребления, раскрывающего все прекрасные блага современного общества потребления. Это апогей

потребительства, выраженный в эстетической форме. Важным при этом является простота донесения формы, по мнению Д. И. Иванова [6, с. 13]. Таким образом, сам гламур становится транслятором высокого стиля, пользования всеми благами общества потребления, подобно демонстративному потреблению, демонстрирующему принадлежность индивида к высокостатусным группам. Важной составляющей гламура по сравнению с демонстративностью является наличие эстетического элемента. Гламур в первую очередь должен нравиться, вызывать эмоции и создавать общее впечатление.

Социо-культурные основания гламура лежат, как было сказано выше, в сути современных тенденций развития общества. Первое главное основание – это развитие потребительской сферы, многообразия представленных символов, возможности индивида выразить себя через набор потребляемых вещей. Второе основание заключается в возрастающей театрализации современных социальных практик, необходимости создания перформансов, коммуницирующих культурные коды посредством не только вербальной, но и символической информации. «Покупая новый товар, человек на короткое время впадает в иллюзию счастья» [5, с. 70], – пишет Ги Дебор. Гламур усиливает эту иллюзию через усиление эстетического и эмоционального элементов.

Таким образом, театральность и потребительство порождают новую социальную реальность потребления – «театр гламура». Гламур призван создать впечатление об индивиде в эстетической и эмоциональной форме. Оперирова теми или иными предметами потребления в простых и стильных воплощениях, человек заявляет о себе, причем не только в терминах принадлежности к высокостатусным группам. Мы определяем гламур как форму потребления внешне красивых вещей, не только с точки зрения индивида, но и с точки зрения окружающих его людей, с созданием некоей театральности и антуража, доведением самого процесса пользования вещей до культа. Оценивать гламур можно по-разному. Общественные стереотипы связывают его с господством безыдейности, пустоты и отсутствием ценностного содержания, что скорее придаёт этому термину отрицательную коннотацию. Мы придерживаемся той точки зрения, что в умеренных масштабах стремление к гламуру может содержать в себе эстетические элементы и возможности человека к самоидентификации и выражению.

Библиографический список

1. Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.
2. Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 296с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
4. Гилмор Дж.Х., Пайн Б. Дж. Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / пер. с англ. – М.: Вильямс, 2005. – 304 с.
5. Дебор Ги. Общество спектакля / пер. с фр.. – М.: Логос, 2000. – 184 с.

6. Иванов Д. В. Глэм-капитализм. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 176с.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации // http://polbu.ru/pochepcov_communications
8. Campbell C. The Sociology of Consumption // Acknowledging Consumption. A Review of New Studies / Ed. by D. Miller. – London, N.Y.: Routledge, 1995. – P. 96–126.
9. Douglas M. Food and Social Order: Communities. – N.-Y.: Russell Sage Foundation, 1984.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ТУРИЗМА В РОССИИ

Т. П. Иванова

**Саратовский государственный технический университет,
г. Саратов, Россия**

Summary. In article the author analyzes process of an institutionalizing of tourism in Russia. The author considers three stages in evolution of development of tourism. At each stage defines the author institutionalising basic elements.

Keywords: social institute, tourism, an institutionalizing, values, norms.

Институциональный анализ в рамках символического интеракционизма получил широкое распространение в 20–50-е годы XX в., особенно в англо-американской социологии, когда появились специально посвященные анализу социальных институтов монографии Д. Хертзлера, Ф. Чэпина, Л. Балларда, Г. Барнза, К. Панунзио, Д. Фейблмана, в которых социальный институт туризма можно интерпретировать как: установившиеся формы мышления; вербальные символы, при помощи которых описывается группа социальных обычаев, широко распространенных и неизменяемых; не материальные предметы, а идеи; организационные модели установок поведения членов группы; образцы стандартизированных ожиданий, которые управляют поведением индивидов и социальными отношениями; формы организованных человеческих отношений с целью установления общей воли; набор правил и норм, определяющих, как личность должна или не должна вести себя при определенных обстоятельствах в сложившейся ситуации; комплекс установленных и санкционированных правил и установок поведения индивида в обществе; систему идей, обычаев, ассоциаций и инструментов, которые, возникнув из практики человечества, направляют и регулируют деятельность людей. [1, с. 177] Так, в интерпретации англо-американских социологов с социально-психологических и этических позиций социальные институты предстают механизмами внедрения в сознание человека

рационалистических установок и норм поведения личности в обществе.

Ретроспективный взгляд на институциализацию туризма в России позволит выявить ее причины и социальную значимость, приобретенную в результате удовлетворения потребностей большинства членов общества.

Российский туризм имеет свои особенности развития. В ней выделяют несколько стадий, каждая из которых имеет свои особенности [2, с.15].

- Доинституциональный этап: с древних времен до конца XIX века;
- Период становления и развития социального института туризма XX век: характеризуется зарождением и распространением массового туризма, удовлетворением потребностей социума;
- Современный этап развития туризма: с 1991 по н. вр.: становление туризма как социального института.

Доинституциональный этап.

Особенностью данного периода является зарождение институциональных элементов путешествий (а впоследствии и туризма) – первые путешествия, носящие характер периодичности, совершаемые в основном с познавательными, торговыми и религиозными целями, сформировали навыки территориальных перемещений, способствовали распространению географических знаний о странах, знакомству с достижениями культуры разных народов.

Медленно развиваясь, социальная практика путешествий в России, начиная с XVIII в., постепенно трансформируется, принимая форму многообразия по целям путешествий. Так, постепенно в структуре социального пространства предпринимаются поездки с деловыми, образовательными, познавательными, рекреационными (20 марта 1719 г. Петром I был издан указ об открытии в Карелии курорта «Марциальные воды»), что послужило началом изучения лечебных свойств минеральных источников и распространения путешествий с целью лечения и оздоровления) целями, доступные только для элиты общества в силу дороговизны организации путешествий и занятости большинства населения.

Основными сдерживающими факторами развития путешествий в XVIII – начала XIX вв. являются: отсутствие дорог, инфраструктуры (гостиниц, трактиров), крепостное право.

С развитием общества среда путешествия, новые условия бытия, строго подчиненные закону детерминизма, активизируя познавательные способности человека, принимают форму неминуемого изменения общества под давлением прогресса разума человека, что послужило толчком к развитию инфраструктуры городов, приобретая все большую социальную значимость в общей структуре путешествий. Причем, анализируя историю развития

России, зарождение и укрепление в традиционном понимании социального явления «путешествие» можно отнести только лишь к XVIII в., связав с именем Петра I, причем участниками путешествий могли быть люди из «высшего слоя общества». Тем не менее, путешествия носят устойчивый характер социальных связей, выполняя различные общественные функции, постепенно трансформируются и приобретают новый характер.

Основными видами путешествий являются: паломнические путешествия, поездки с целью лечения и оздоровления, индивидуальные путешествия познавательного характера, путешествия экскурсионного характера с просветительно-познавательной целью для учащихся начальной, среднеспециальной и высшей школ.

Период становления и развития социального института туризма конец XX века по н. вр.

Зарождение организованных путешествий в России относится к началу 1890-х гг. В природе человека заложены определенные психические особенности в виде потребностей, интересов, желаний, различного рода эмоций и идей, реализация которых неизбежно связана с общением людей друг с другом, в результате которого возникает и развивается социальный феномен путешествий (О. Конт, и Дж. С. Милль, Г. Спенсер, А. Смолл, У. Сэмнер). Вследствие этого устоявшаяся социальная практика путешествий в ходе исторического развития страны, являющаяся важным составляющим элементом социального пространства, трансформируется в организованные учреждения, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти, дисциплиной, правилами поведения (ОЛЕ, ОВТ, РОТ, ГАО «Совтур», ОПТЭ, ВАО «Интурист», ТЭУ ВЦСПС, «Спутник») – институционализируясь, принимает форму туризма. Причем развиваясь, социальное явление путешествий затрагивает все сферы социальной жизни, активно включая в процесс взаимодействия и трансформации другие социальные институты. Возможности реализации потребностей в индивидуальном, культурном развитии, просвещении, проведении досуга, рекреации постепенно превращаются из элитарных в массовые в результате сокращения рабочего дня и рабочей недели, НТП, который способствовал созданию более дешевых способов организации путешествий. Важным и необходимым элементом для экзистенции туризма и его развития является наличие свободного времени.

Современный этап развития туризма: с 1991 по н. вр.

В результате особенностей политической системы в России, распадом СССР, реформации в процессе всемирного экономического, политического и культурного взаимопроникновения, унификации одновременно с процессами распада предприятий старого типа (экскурсионных бюро, бюро путешествий) и создания новых предприятий,

которые впоследствии (1997 г.) получили название «туроператор» и «турагент», разработки социальноориентированного, клиентоориентированного туристского продукта, происходит переход от административного (государственного) регулирования туризма к экономическому стимулированию (коммерческому), основанному на новых российских законах, касающихся как предпринимательства и рынка в целом, так и связанных с туристской деятельностью в частности. Как следствие, «открытость» страны, с одной стороны, приводит к использованию новых возможностей для развития, которые связаны с использованием преимуществ международного разделения труда, производственной кооперации, передачи технологий, управленческого и организационного опыта, более эффективной мобилизации ресурсов, в том числе человеческих, с другой, – к возросшей проницаемости границ для нелегальной иммиграции, организованной преступности, международного терроризма, информационной агрессии. Наряду с расширением торгово-экономических, финансовых, межгосударственных и иных институциональных взаимосвязей формируется глобальное социальное пространство путешествий. Универсализация научных знаний, интернационализация высшего образования, всемирное распространение западной массовой культуры (со всеми ее издержками), небывалый размах транснациональных форм туризма и спортивных состязаний, международные фестивали, интернациональные общественные движения – все это активно воздействует на сознание российского человека, открывая многообразие новых возможностей.

С начала XXI века (начиная с 2000 года) наблюдается тенденция постоянного увеличения спроса на туристские услуги. Анализируя статистику выездов российских граждан за границу с туристскими целями в период с 2000 г. до 2007 г. Мы установили, что количество поездок возросло в 2 раза: если в 2000 г. с целью туризма выезд российских граждан составил 4485 тысяч поездок, то в 2007 г. этот показатель возрос до 9368 тысяч поездок.

Таким образом, представленная характеристика эволюции туризма, анализ теоретико-методологических аспектов понимания его как социального института, особенностей и специфики функционирования в социуме, позволили выявить роль и место института туризма в социальной системе общества, установить соответствие выполняемых им функций потребностям и целям различных социальных слоев.

Понимая туризм как относительно устойчивый тип и форму социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества, можно выделить предпосылки институционализации: возникновение потребностей в туризме как социально-ориентированном виде деятельности; объединение туристских организаций в упорядоченную единую функциональную систему; усвоение индивидами преобладающих в обществе ценностей и норм по-

ведения и формирование на их основе системы туристских потребностей, ценностных ориентаций и ожиданий личности; включение туристской деятельности в существующую систему социально-экономических отношений.

Библиографический список

1. Иванова Т. П. Социологический анализ функционирования общественного питания в туристской инфраструктуре // Глобализация и туризм: проблемы взаимодействия: материалы Первой международной научно-практической конференции. – Саратов: Изд-во сарат. ун-та, 2010.
2. История туризма: Сборник / Макаренко С. Э., Сааак А. Э. – Таганрог: ТРТУ, 2003.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АУТСОРСИНГ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Т. Н. Овчинникова

**Российский государственный социальный университет,
г. Ивантеевка, Россия**

Summary. In Russia the next administrative reform on reducing of the device of government employees begins. But these measures are ineffective. After a while the quantity of officials again increases. For process of successful modernization in Russia it is necessary to use outsourcing of personnel processes.

Keywords: outsourcing, personnel processes, government employees.

За рубежом широко применяются технологии аутсорсинга в секторе государственного управления, в социально-трудовой сфере. В России с её просторами, удалённостью от центра многих регионов, разработкой новых проектов можно успешно использовать этот метод. Пока что пример Хлопонина единичен. Для достижения целей инновационного развития нашей страны, ускорения процессов её модернизации необходимо развивать аутсорсинг кадровых процессов /менеджмент трудовых ресурсов/. На международном рынке труда появились специальные компании-держатели персонала в разных сферах профессиональной деятельности. Положительный опыт такого характера появляется и в России /аутсорсинговые контракты Минздравсоцразвития/. Работа с человеческими ресурсами требует высокой квалификации. Однако решению стратегических задач часто мешает обязательная рутинная работа, которая отнимает большую часть времени HR-менеджера. Здесь на помощь современным кадровикам могут придти аутсорсинговые компании.

За рубежом аутсорсинг административных HR-функций является привычной практикой современных компаний. Ему подвергаются наиболее трудоемкие с точки зрения человеческих и временных ре-

сурсов обязанности HR-специалистов, не затрагивающие напрямую стратегию управления персоналом. Некоторые предприятия предпочитают полностью освободить HR-менеджеров от административной рутины, оставляя им лишь составление стратегии и осуществление контроля.

Наиболее востребованная услуга в отечественной практике – расчет и начисление заработной платы. Она является наиболее трудоемкой и нетворческой частью работы отдела кадров. Для ведения кадрового учета, делопроизводства, документооборота необходим грамотный сотрудник, разбирающийся в законодательстве и оформлении документов. С другой стороны, далеко не каждый HR-специалист готов охотно заниматься подобной работой, и зачастую нагрузка возлагается на отдел бухгалтерии. Эти функции также можно передать аутсорсинговой компании. Особенно охотно прибегают к такой услуге небольшие компании, предпочитающие не держать в штате менеджера по работе с персоналом. Крупные компании также стараются избавить своих специалистов от рутины, правда, из-за большого потока документооборота сотрудник аутсорсинговой фирмы порой вынужден постоянно находиться в офисе заказчика.

Все большее распространение получает еще одна услуга в области аутсорсинга – лизинг персонала. Он подразумевает, что сотрудники, работающие в компании заказчика, числятся в штате лизинговой фирмы. Эта организация их подбирает, обучает, определяет размер их заработной платы, то есть выполняет все функции работодателя.

Лизинговая фирма берет на себя ответственность за качество предоставляемых услуг, следит, чтобы ее сотрудники имели необходимую квалификацию, соблюдали распорядок и корпоративную культуру компании-клиента, заменялись в случае болезни и т. п.

Иногда по какой-либо причине (наиболее часто ей является ограничение на штатную численность персонала) компании передают своих сотрудников сторонней организации, которая официально оформляет с ними трудовые отношения, но не несет ответственности за качество выполняемой ими работы и их профессиональный уровень.

Такую схему отношений также ошибочно называют лизингом персонала. Одним из серьезных преимуществ данного подхода является освобождение от администрирования трудовых отношений с сотрудниками, работающими в компании и на компанию. При большой численности людей, переданных в штат провайдеру, экономия на кадровом администрировании может быть очень существенной.

В последнее время многие международные рекрутинговые компании модифицируют свои услуги также в сторону аутсорсинга внутренней функции подбора персонала. Этот подход приобретает все большее распространение в США и Европе. В России он представлен в начальной стадии и всего несколькими компаниями.

Следует отметить, что способ, о котором мы говорим, во многом отличается от традиционного рекрутинга, к которому мы привыкли в России за последние годы.

Новая модель предполагает «внедрение» фирмы-исполнителя или ее представителя в клиентскую компанию, создание особого «штаба» на территории заказчика, осуществление всей функции от подбора и проведения отбора до зачисления кандидата в штат. Примером здесь может служить рекрутинговая фирма Adecco, которая подбирает персонал для крупных промышленных компаний, начиная с рядовых позиций и заканчивая инженерами. Действует фирма на территории заказчика, где разворачивает некий «рекрутинговый штаб», что способствует лучшему узнаванию компании и учету ее корпоративных особенностей. Набранный персонал находится в штате рекрутинговой фирмы. Интересно, что в последние годы не крупные международные компании, а именно аутсорсинговая фирма Adecco является самым крупным работодателем в мире: ежедневно ее услугами пользуется огромное количество заказчиков.

Аутсорсинг некоторых HR-функций, к которому охотно обращаются компании за рубежом, пока не получил распространения в России. Например, иностранные аутсорсинговые фирмы часто берут на себя обязанности по организации взаимодействия с персоналом. Они занимаются разработкой, внедрением и оформлением рабочих контрактов, описанием должностных обязанностей, решением вопросов медицинского страхования и материального стимулирования, созданием бонусных систем и т. п. При этом компания-заказчик сохраняет за собой все функции управления. Специалисты остаются кадровыми сотрудниками компании-заказчика, поэтому данная услуга отличается от лизинга.

Слияния, поглощения, образование новых компаний, ежедневная трансформация рынка – все это способствует спросу аутсорсинг HR-функций. В современных условиях компаниям необходимо быстро реагировать на изменения рынка, своевременно расширять производство, открывать новые направления – все это возможно только с помощью умелого управления человеческими ресурсами. Передавая часть HR-функций аутсорсинговым организациям, компания становится более гибкой в условиях меняющейся экономики.

Давайте рассмотрим риски предприятия при заключении договора на «комплексный» или «пакетный» HR аутсорсинг.

Риск непонимания основ HR аутсорсинга. Компания не «передаёт» часть своих сотрудников в стороннюю фирму, которая нанимает их на работу и впоследствии решает все кадровые вопросы. При HR аутсорсинге компания подрядчик осуществляет все работы, обусловленные договором, силами своего штатного персонала и в случае возникновения претензий по качеству и срокам исполнения HR функционала претензии необходимо предъявлять ей, а не исполнителю.

Снизить риск в данном случае возможно, только если в договоре со стороны подрядчика закреплен менеджер проекта, который отвечает лично, в том числе и перед заказчиком за качество и сроки предоставления услуги.

Риск непонимания индивидуальности заказчика. Каждая компания имеет свое «лицо», которое складывается как мозаика из многих составляющих: здесь и отраслевая специфика, и особенности корпоративной культуры, и история развития фирмы, и много еще чего. Компания поставщик HR услуги обязана для качественного исполнения всех пунктов договора досконально разбираться в специфике своего заказчика, при этом, правда, возникает другой – информационный риск.

Риск информационный. Здесь надо упомянуть и о риске подрядчика, зачастую возникает невозможность выполнения некоторых задач из-за ограничения в предоставлении информации. Именно информационный риск сдерживает развитие комплексного HR аутсорсинга. При этом подрядчики ссылаются на то, что одно дело реализовать проект в условиях ограниченного доступа к информации, а другое дело – отвечать за результаты процесса, если тебе не предоставлены необходимые, прежде всего информационные, ресурсы. Снизить эти риски для каждой из сторон, можно путем закрепления в договоре пунктов о порядке и объеме обмена информацией.

Риск развития. Что бы там ни говорили о своих продуктах HR поставщики, совокупная стоимость HR инфраструктуры, вместе с развитием компании-заказчика, будет расти вверх. Следовательно, будут требоваться новые HR решения и HR услуги, и тогда стоимость договора для компании-заказчика теряет свою привлекательность, наличие собственной HR службы становится более выгодным решением. При создании собственного HR подразделения заказчик иногда делает предложение возглавить направление менеджеру проекта от подрядчика и такой сценарий развития событий необходимо обговорить заранее.

Риск отсутствия опыта или неопытность в процедурах соответствия. В ситуации кризиса компании, предоставляющие ранее одну из HR услуг на условиях разового, эпизодического или случайного характера пытаются освоить новую для себя нишу. Так, специалисты в области бухгалтерского учета или аудита, кадровые и тренинговые агентства, стали предлагать комплексный HR – аутсорсинг, но наличие квалифицированных специалистов в одной из областей управления персоналом не гарантирует предоставление качественной услуги в других областях HR-менеджмента. Для снижения этого риска достаточно узнать историю договоров компании, и менеджер проекта обязательно должен иметь в прошлом опыт работы на предприятии вашей отрасли.

Риск нестабильности подрядчика или менеджера проекта. Никакой прошлый опыт подрядчика не поможет уберечься от риска, свя-

занного с не оперативностью его работы, зачастую он возникает, если менеджеру проекта со стороны подрядчика не предоставляют рабочее место, и он работает удаленно, выезжая на место по мере необходимости. Можно констатировать как факт, что низкая доступность и необходимость «вызывать» подрядчика ведет к сложности постановки перед ним срочных задач.

Риск отсутствия стандартов и методологии. Этот риск возникает при работе с вновь созданными организациями, у большинства компаний работающих 2–3 года на этом рынке, уже давно имеются формализованные стандарты качества и инструкции. Для снижения последствий этого риска необходимо еще на момент отбора компании-подрядчика запросить у них для ознакомления стандарты качества и типовую инструкцию по работе с заказчиком.

Риск отсутствия организационной вовлеченности как со стороны заказчика, так и со стороны подрядчика. Это большая проблема, с которой стороны сталкиваются во взаимоотношениях при комплексном HR аутсорсинге. К сожалению, сам процесс заключения договора чаще всего сопряжен с такими трудностями, что после его заключения компания заказчик забывает, что часть работы она делегировала подрядчику, а менеджер проекта не умеет выявить потребности заказчика в той или иной оперативной работе. Снижение риска на данном этапе возможно не только активной работой со стороны подрядчика, но и ознакомлением всех работников заказчика услуги по каким вопросам договора они могут обратиться к менеджеру проекта подрядчика.

Риск отсутствия надлежащего контроля/мониторинга как со стороны заказчика, так и со стороны руководства фирмы подрядчика. Тоже очень часто возникающая проблема во взаимоотношениях заказчик-подрядчик. Возникает он тогда, когда нет четко отраженной схемы работы, руководство фирмы-заказчика не требует ежемесячного отчета-анализа о проделанной работе от менеджера проекта, а довольствуется лишь актами о выполненных работах. Чтобы свести подобный риск к минимуму, стоит следовать двум основным принципам: постоянный контроль за аутсорсером и обеспечение его «прозрачности» перед потребителем услуги. Данный риск не возникает, если ежемесячно руководитель фирмы заказчика утверждает план работы менеджера проекта на следующий месяц и по истечении которого оперативно заслушивает его отчет о проделанной работе, а также дает обратную связь руководству фирмы подрядчика.

Риск потери критических знаний для бизнеса внутри компании. Персонал одна из основ развития бизнеса и отсутствие информации, куда и как он развивается, чревато большими проблемами в будущем. У компаний, давно работающих на рынке комплексного HR аутсорсинга, механизм коммуникаций в организации всегда является «личным ноу-хау». Для того чтобы снизить последствия данного риска, компания заказчик еще до подписания договора должна быть озна-

комлена с «технологией информационного менеджмента компании-подрядчика», которая будет применяться внутри компании и при необходимости внести свои поправки и дополнения в нее.

Риск ожидания невероятного результата. Компания-заказчик, заключив договор на комплексный HR аутсорсинг, считает, что теперь:

- Рекрутинг будет обеспечен в минимальный срок, т. е. завтра, но даже наличие в составе фирмы подрядчика своего собственного кадрового агентства не гарантирует быстрого закрытия вакансии, если не соблюдено условие: цена (заработная плата) = качество (требования к квалификации)
- Обучение персонала даст немедленный эффект. Но обучение ни – когда не будет эффективным, если менеджер проекта не обеспечил комплексность решения вопроса, т. е. не решил с заказчиком: зачем нужно обучение, какая выгода компании-заказчика и обучаемого от проведения обучения, что и как изменится после обучения и т. д.
- Конструктивное увольнение работника позволит расстаться с ним на следующий день без существенных моральных и финансовых затрат. Технология конструктивного расставания с персоналом чаще всего требует большой подготовительной работы, но в условиях финансового кризиса приходится учитывать и выплаты высвобождаемому работнику.
- Внедрение изменений в системе оплаты труда произойдет «с понедельника», т. е. в один день будут разработаны KRI и KPI. KRI – ключевые показатели результативности работника, KPI – ключевые показатели эффективности работника, которые будут приняты к исполнению всеми членами коллектива. Но внедрение изменений – это большая работа, в т. ч. PR менеджера от фирмы-подрядчика, и она должна вестись совместно с руководством компании-заказчика (это отдельный проект в рамках действующего договора на HR аутсорсинг).
- Мотивация персонала на труд возрастет в арифметической прогрессии. Но для повышения производительности труда персонала, компания, предоставляющая HR аутсорсинг, может только провести оценку, выработать рекомендации. А вот если фирма-заказчик примет их помощь, создать проект и участвовать наравне с руководством в его реализации.
- При оценке персонала руководству компании ничего делать не придется, т. е. придут, оценят и выдадут готовый результат. Но результат в этом случае будет «не совсем достоверный». Наиболее достоверные данные по оценке сотрудника возможно получить только при совместном участии в процессе и руководителя, и смежников.
- Расчет заработной платы не будет вызывать нареканий. Но чтобы у работника не возникали вопросы по начисленной сумме,

их необходимо объяснять, и для этого менеджер проекта должен потратить время на работу с каждым работником, имеющим вопрос (что необходимо отразить в договоре). Кроме того, для снижения риска по возможным претензиям налоговой службы лучше всего фирме заказчику оставить за собой вопрос начисления налогов или заранее обговорить вопрос контроля за данным параметром.

- Юридическое и PR сопровождение возможно по всему спектру вопросов, возникающих у руководства компании-заказчика, но то, что не прописано в договоре как предмет договора, не подлежит исполнению.
- HR делопроизводство не требует особых знаний и поэтому его может вести любой секретарь, и поэтому нам не надо контролировать этот процесс. Но в случае проверки государственными органами, претензии будут предъявлять не фирме подрядчику – следовательно, контроль представителя компании-заказчика обязателен.
- HR аудит не только выявит слабое звено в HR инфраструктуре, но обеспечит наличие инноваций, без особых усилий со стороны заказчика для решения выявленной проблемы.

Риск провала реализации проекта HR аутсорсинг. При заключении договора услуг компании в первую очередь обращают внимание на финансовую сторону договора (чаще всего она финансово более привлекательна, чем содержание своей службы), но при этом забывают о проработке вопросов о том, каких результатов они хотели бы достичь, отдав этот функционал на аутсорсинг. Снизить этот риск возможно, если заранее подрядчик и заказчик договорятся о предмете договора и результатах оценки успешности проекта.

Риск предъявления подрядчиком требований, которые для заказчика неудобны. Гораздо проще собственного сотрудника заставить делать что-то определенным образом, чем заставить подрядчика поменять принятую стандартную технологию. В этом случае необходимо не просто сесть за стол переговоров, но и понять, что стоит за тем или иным требованием.

Поскольку всегда будут существовать известные и неизвестные риски (даже без привлечения подрядчиков на аутсорсинг) в области HR инфраструктуры организация должна их знать, чтобы спланировать управление ими:

- Кадры. Всех HR специалистов можно поделить на «стратегов» и «тактиков». Первых в основном интересуют показатели качества и эффективности работы HR-подразделения и вопросы развития HR-системы. Такие люди, как правило, тесно общаются со всеми бизнес-подразделениями, пытаются понять, что требуется бизнесу и какие в связи с этим вопросы возникнут в будущем. Вторых в основном интересует, как выполняется текущая рабо-

та, и их обязанности в основном сводятся к решению различных вопросов сотрудников. Риск организации заключается в том, что «стратеги» не имея возможности внедрять постоянно инновации, теряют интерес к месту работы (они даже в условиях кризиса рынка труда быстро находят новое место работы), а «тактики» не могут решить все задачи, возникающие в сфере HR решений. А этих задач с каждым месяцем будет накапливаться всё больше и больше. Тогда возникает задача перед топ менеджментом аудита HR инфраструктуры, и при необходимости помощь в реинжиниринге ее. После проведенной специалистом работы система начинает функционировать самостоятельно, пока в ней не произойдет сбой и опять возникнет задача аудита HR. Риски организации при этом из-за скачкообразности развития HR системы велики и могут привести к существенным финансовым потерям. Снижение данного риска происходит за счет периодического аудита HR-системы независимым HR-аудитором (консультантом).

- Сроки. Сотрудник может всегда аргументировано объяснить, почему он не выполнил в установленный срок задание. При аутсорсинге заказчик получает результат, а не подготовительные работы, так как компания – поставщик услуги уже владеет технологией выполнения задач. Если заказчик ощущает, что этой технологии нет и идут разговоры о погружении в проблему, то от услуг такого поставщика нужно немедленно отказаться.
- Четкость позиции. Подрядчик точно знает, что он должен сделать. В отличие от него сотрудники внутри организации имеют свои интересы, не соответствующие декларируемой руководством цели, что приводит к ее реализации.
- Простота маневра. Как правило, заменить поставщика при четко построенных взаимоотношениях с ним (т. е. при его полной отчетности) несложно, с сотрудниками расстаться сложнее.

Конечно, теоретические построения из социологии управления не так просто применить к реальной действительности управления персоналом в России. Но многие студенты заочного обучения работают в филиалах зарубежных компаний на территории нашей страны и осваивают этот опыт на практике.

Итак, преимущества аутсорсинга очевидны – это мгновенный доступ к квалифицированным кадрам и упрощение вспомогательных процессов.

Именно поэтому комплексный HR аутсорсинг сейчас набирает популярность у малых и средних организаций. Но по мере того, как перед большими компаниями встает задача оптимизации производительности труда, аутсорсинг и им начинает казаться все более привлекательным вариантом организации дел. Конечно, это возможно лишь

при зрелости рынка данной услуги, и тут возникает последний риск, который связан с незрелостью российского рынка услуг аутсорсинга.

Не стоит питать иллюзий: компаний, готовых предоставить комплексный HR аутсорсинг пока действительно немного. Есть выбор на рынках IT, PR, рекрутинга, тренингов, транспорта, юриспруденции, телекоммуникаций, создаётся рынок аренды специалистов. Этого требует время.

Библиографический список

1. <http://www.ubo.ru/>
2. <http://www.hrm.ru/>
3. Анихин А. Аутсорсинг в социальной сфере: за и против // Социальная политика и социальное партнёрство. – 2010. – № 4. – С. 22–27.
3. Журнал «Управление персоналом». – № 12(214). – 2009.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

В. В. Кривошеев

**Российский государственный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Россия**

Summary. In article the situation in Russia in the end of 2000th years is analyzed. In article the accent becomes on concept «social safety». The author pays attention to a concept polysemy «social safety».

Keywords: social safety, an anomaly, a social pathology.

Проблемы социальной безопасности, понимаемой чаще всего в широком смысле слова как защищенность жизненно важных интересов личности, семьи и общества от внутренних и внешних угроз [15], приобрели особое значение в российском социуме на рубеже XX–XXI веков. Это связано со многими обстоятельствами. Во-первых, масштабная трансформация социума, проводимая вне сопряжения именно с жизненными интересами значительных масс людей, привела к крайней поляризации общества, нарушила привычный, складывавшийся десятилетиями уклад жизни миллионов людей. В основе такой ситуации был беспрецедентный для мирного времени развал производства. За 1990-е годы объем внутреннего валового продукта (ВВП) России сократился почти в 2 раза [18]. Экономисты и социологи оценивают такое падение как критическое. Если, например, доля России в мировом ВВП в 1985 году составляла 4 %, что соответствовало 6 месту в иерархии стран, то в 1995 году уже лишь около 2 процентов (11 место). К концу 1990-х годов по этому показателю наша страна вошла лишь в третий десяток государств [21, с. 26].

Рассмотрим еще один важный, на наш взгляд, аспект проблемы внутренних сторон социальной безопасности. Речь идет о возможности общества самостоятельно воспроизводить условия своего существования. Академик Е. Примаков привел любопытное, на наш взгляд, сопоставление: если за 1992–98 гг. ВВП сократился в стране на 40 %, то объем розничной торговли всего на 12. Делается вывод, что удовлетворение значительной части конечного спроса осуществляется во многом за счет импорта [17, с. 425–426]. Многие исследователи, анализируя эти и подобные им данные и зависимости, обычно отмечают опасность, связанную с утратой экономической самостоятельности, нарастанием угроз для социальной безопасности в целом. Речь идет и об элементах такой системной безопасности, т. е. безопасности продовольственной, информационной и т. д. Не отвергая подобных оценок и подходов, мы хотели бы обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Утвердившаяся давно, но наиболее полно проявляющаяся в последние два десятилетия ориентация российской экономики на преимущественный экспорт сырьевых ресурсов, полуфабрикатов вольно или невольно формируют весьма своеобразные стереотипы массового сознания, которые можно определить как пассивно-паразитические. В свою очередь это не только определяет отношение к деловой активности, но вектор всех усилий экономически и социально наиболее подвижных и активных групп в российском обществе. Получается, что и на этом направлении нельзя не отметить угроз безопасности, поскольку общество теряет потенциал позитивной социализации, утрачивает позитивные, производительные ориентации деятельности активности у целых поколений.

Сложившееся в 1990-е годы экономическое положение, естественно, негативно отразилось на уровне, качестве жизни людей, что крайне ограничило возможность значительного числа индивидов прибегать к ресурсам здорового досуга, полноценного восстановления сил, здоровья. Социальная практика экономически стабильных стран показывает, что на пороге бедности, удовлетворения лишь первичных, элементарных потребностей может проживать без угрозы стабильности общественному порядку не более 10 % населения [14, с. 179]. В нашей стране, по разным оценкам, с 1992 года не менее одной трети населения живут, используя бюджет деградации [19, с. 59]. Основные ресурсы, по различным расчетам являются достоянием не более одного процента населения [12, с. 16]. После известного дефолта и резкого изменения курса рубля по отношению к доллару в августе 1998 года около 80 % опрошенных в ходе представительного российского исследования оценивают свою нынешнюю жизнь как катастрофически ухудшившуюся [2, с. 24–25]. В свою очередь это сказывается, причем самым негативным образом, на социализирующих возможностях основных социальных институтов – семьи, системы образования, а так-

же приводит к другим крайне отрицательным с точки зрения и состояния, и перспектив российского общества последствиям.

Собственно социальная сфера оказалась в таком положении, что на протяжении всех 1990-х годов можно было говорить о ее обвальном разрушении. По информации, которой располагает Всемирная организация здравоохранения, около трети населения России имеют умственные дефекты, 13 % детей отстают в интеллектуальном развитии, еще примерно 25 % испытывают различные затруднения, не могут полностью овладеть программой общеобразовательной средней школы [1, с. 101].

По данным министерства здравоохранения России, с 1990 по 1997 год в стране в 31 раз увеличилась заболеваемость подростков сифилисом, на 37 % – туберкулезом. 75 % девочек – будущих матерей страдает хроническими заболеваниями, снижающими возможность полноценного вынашивания ребенка, рождения его без патологий [6]. Наряду с этим нарастает тенденция старения общества, его депопуляции, все более частого отказа молодых людей от вступления в брак, желая иметь детей. За десять лет (с 1987 по 1996 год) в России родилось почти на 6 млн детей меньше, чем за предыдущие 10 лет [20, с. 92]. На одну женщину, способную рожать, приходится в нашей стране 1,7 деторождения, тогда как в мире в среднем 3,4; а для поддержания даже наличной численности населения необходимо не менее 2,1 [10, с. 24–25]. По данным официальной статистики, фиксируется беспрецедентная смертность мужчин трудоспособного возраста от несчастных случаев, травм, в том числе производственных, отравлений. В странах Европы, в США, Японии этот показатель от общего числа смертей составляет 5,51 %, в России в середине 90-х годов он равнялся 22–25 %. Последнее место в Европе занимает наша страна и по продолжительности жизни мужчин – 57–58 лет. Женщина в России живет в среднем на 14 лет дольше. Столь существенной разницы нет ни в одной стране мира [8]. С такими неутешительными результатами общество подошло к началу нового тысячелетия.

Казалось бы, усилия, предпринятые в годы достаточно благоприятной конъюнктуры цен на энергоносители, а значит, насыщение бюджета необходимыми ресурсами должны были переломить опасные с точки зрения социальной безопасности тенденции, обеспечить выход общества на устойчивое развитие по постиндустриальному сценарию. Однако, как показывают не только официальные данные, но и многочисленные социологические исследования, ситуация остается сложной. Опрос аналитического центра Ю. А. Левады, проведенный в мае 2010 года, показывает, что более трети (34 %) опрошенных полагают, что страна движется по неверному пути. Характерно, что каждый пятый (19 %) не имеет выраженной точки зрения по данному вопросу [25]. Таким образом, значительная часть общества либо сомневается в выбранном векторе развития социума, либо, вы-

жидая, не имеет четкого мнения относительно этой проблемы. Трудно в этой связи не согласится с Т. И. Заславской, которая полагает, что в 1990-х годах Россия пережила долгую череду недостаточно подготовленных, противоречивых, можно сказать, судорожных реформ и прямых политических мер, вызвавших цепь политических и социально-экономических кризисов. Такой порядок реформирования Заславская назвала кризисной трансформацией [4, с. 391–392]. Сама по себе непрерывная череда кризисов и потрясений свидетельствует о крайне опасном состоянии общества. Причем это состояние опасно еще и потому, что достаточно велика степень непредсказуемости, случайности нарастания угроз и рисков.

В значительной мере эти угрозы связаны с масштабными проявлениями преступности и разных негативных форм девиации. Если, например, в 1990 году в России фиксировалось около 1,9 млн преступлений, то ныне их регистрируется более 3,2 млн. Нераскрытыми остается до половины преступных деяний. Материальный ущерб только от преступлений экономической направленности составляет в годовом исчислении не менее 140 млрд рублей. Ежегодно выявляется около 1,2 млн. человек, совершивших преступления [24]. Даже с учетом высокой степени рецидивности преступности, цифры сами по себе свидетельствуют о высокой степени криминальной пораженности российского общества. Отметим к тому, что речь идет лишь о зарегистрированных фактах, об официальной статистике. В то же время эксперты МВД полагают, что свыше 40 % пострадавших не сообщают о совершенных в отношении них криминальных деяниях [16, с. 6]. По данным социологического исследования, проведенного фондом «Общественное мнение», картина складывается еще более удручающая. 58 % пострадавших не сообщает о случившемся в органы правопорядка [7]. По оценкам криминологов, в нашей стране регистрируется не более одного из 4–5 преступлений (по экономическим преступлениям одно из 25) [11, с. 55]. Таким образом, с учетом всей совокупности факторов представляется вполне обоснованным утверждение, что реальный уровень преступности в России составляет ныне 12–15 млн преступных деяний в год [3, с. 21]. Масштаб преступных проявлений меняет общество, умонастроения в нем, меняет сознание людей, в том числе осознание различных опасностей и угроз. Нельзя не зафиксировать, что в такой ситуации исчезают грани между нормой и анормой. Само нарушение неких еще недавно, казалось бы, нерушимых принципов, социальных установлений становится нормальным, закрепленным. В качестве иллюстрации можно сослаться на отношение в обществе к коррупции, которая не только стала проблемой национального масштаба, даже по признанию высших представителей власти, но, что парадоксально, как явление давно воспринимается как если и неодобряемое, то, во всяком случае, такое, с которым можно смириться. По данным центра Ю. А. Левады, каждому третьему взрослому россия-

нину приходилось когда-либо где-либо давать взятку, почти все они (28–33 %) давали взятку в последние пять лет, а около половины из них или больше (15–20 %) – в последние 12 месяцев [25]. Исследование Фонда «Общественное мнение», проведенное в феврале 2010 показывает, что 79 % россиян считают, что коррупция достигла высокого уровня, 38 и 39 % соответственно считают, что уровень коррупции не меняется или растет, а 58 % считают, что картина не изменится через год [5].

Что касается разных форм девиации, то, прежде всего, следует выделить алкоголизм, который также стал проблемой, угрожающей будущему страны. Достаточно сказать, что в России в настоящее время зафиксировано около 2,5 млн алкоголиков, в том числе около 65 тыс. тех, чей возраст не превышает 15 лет [23]. Сейчас каждый третий подросток в возрасте 12 лет «балуется» пивом, уже среди 13-летних таких две трети, а потребление водки резко возрастает с 15-летнего возраста [13, с. 93–94]. Широкое распространение получила в России наркомания. По оценкам экспертов, по сравнению с 1990 г. в 2002 г. число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и достигло более 2 млн человек [22, с. 70].

Эти и многие другие факты, свидетельствующие о широком распространении негативных форм девиантного поведения, также являются зримым свидетельством угрозы социальной безопасности, перерождения общества.

Второй момент, который особо хотелось бы выделить, относится к внешним угрозам социальной безопасности. При этом речь идет не только о России, но и о других странах, целых регионах планеты. Эти угрозы в действительности не являются национальными, они все более и более показывают противоречивость процесса глобализации. Среди этих угроз особое место занимает такое явление, которое получило наименование не очень ясно интерпретируемого понятия «международный терроризм». Отказ богатых стран действительно содействовать развитию бедных, с одной стороны, подготовил социальную и политическую почву для зловещего явления современного терроризма, а с другой – еще раз со всей остротой поставил вопрос о стабилизации и устойчивости общественного бытия как такового. Выйдя из периода «холодной войны», мировая цивилизация без промедления вошла в период катастроф, продуцируемых, прежде всего социальной и политической неустроенностью нарождающегося глобального общества [9, с. 24].

Таким образом, подводя некоторые итоги изложенному, можно отметить, что социальная безопасность выступает ключевым, сущностным явлением, отражающим основные слагаемые, главные потребности жизни любого общества. Что касается России, то сама эта проблема, что называется, отягощена аномичным состоянием социума, т. е. рассогласованием всей регулятивной подсистемы общества, высо-

ким уровнем девиации, множественными нарушениями элементарных норм и принципов жизнедеятельности общества. Из этого следует необходимость принятия не только безотлагательных мер, направленных на возвращение обществу состояния, которое условно можно охарактеризовать как нормальное, но и мер, органично присущих именно нашему социуму, учитывая специфику процессов, которые в нем фиксируются. Все это требует дальнейшего анализа, разработки социальных технологий, возвращающих обществу должную меру управляемости всеми социальными процессами.

Библиографический список

1. Высшее образование в России. – 1994. – № 4.
2. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. – 1999. – № 9.
3. Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. – М., 1994
4. Заславская Т. И. О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Россия: пятнадцать лет масштабной трансформации. – М., 2003.
5. Индикатор «Коррупция в России» // ФОМ // URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d02korrupt.pdf>
6. Калининградская правда. –1997. – 2 июля.
7. Калининградская правда. –1997. – 26 августа.
8. Комсомольская правда. – 1997. – 1 марта.
9. Левашов В. К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. – 2002. – № 3.
10. Литературная газета. – 1999. – № 4.
11. Лунеев В. В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. – 1998. – № 5.
12. Наумова Т. В. Становление среднего класса в реформируемой России // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 4.
13. Никифоров А. С. Что нам делать с организованной преступностью // Организованная преступность: российско-американский диалог. – М., 1997.
14. Осипов Г. В., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Перестройка и радикальные реформы: десять лет спустя // Социально-политический журнал. – 1996. – № 1.
15. Очирова А. Социальная безопасность – основа социальной политики // <http://www.inpgo.ru/508/586/>
16. Преступность и правонарушения: Ежегодный статистический сборник. – М., 1999.
17. Примаков Е. М. Годы в большой политике. – М., 1999.
18. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Калининградская правда. – 2000. – 12 января.
19. Ракитская Г. Состояние и перспективы рабочего движения в России // Вопросы экономики. – 1995. – № 6.
20. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. – 1998. – № 5.

21. Салмин А. М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Политические исследования. – 1999. – № 2.
22. Фурсов А. И. Мифы перестройки и мифы о перестройке // Социологические исследования. – 2006. – № 1.
23. Цена, которую мы платим, непомерно высока // Комсомольская правда. – 2007. – 20 ноября.
24. <http://www.mvd.rustats/10000148/10000230/6166/6166/>
25. www.levada.ru

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ, КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

С. А. Юшкова

**Московский государственный университет пищевых производств,
г. Москва, Россия**

Summary. This article exposes institutional character of the system of social protection of population. Analyzed the structure, the basic functions of social protection system of population and its impact on socio-economic development of society.

Keywords: social institution, system of social protection, system of social maintenance.

Институциональный характер системы социальной защиты населения проявляется, прежде всего, в том, что ее осуществляют различные специализированные социальные институты, деятельность которых, по существу, и определяет рамки системы социальной защиты. Такими институтами являются, прежде всего, государство, различные фонды, агентства, службы, кассы и т. д., в зависимости от национальной специфики системы социальной защиты.

Отношение индивида и института, не смотря на то, что институт, в конечном счете, должен удовлетворять его потребности, часто является противоречивым. С одной стороны, наличие института является предпосылкой стабильности социальной системы, с другой стороны, он выступает как процесс, ограничивающий потребности человека и, в определенных случаях, тормозящий развитие личности.

Система социальной защиты любой страны является интегральным социальным институтом, состоящим из совокупности институтов, учреждений, организаций, выполняющими как специфические функции, так и ряд системообразующих функций.

Основными компонентами института социальной защиты является, во-первых, наличие определенных материальных средств, которые, с одной стороны, представлены в виде денег, материальных и нематериальных активов, с другой стороны, в виде специальных устройств, сооружений, транспорта, средств связи, компьютеров и т. д., которые необходимы для нормального их функционирования. Оба ви-

да устройств являются системообразующими, т. е. такими, без которых система не может работать.

Второй компонент системы социальной защиты как социального института – это способы действия и поведения индивидов, образующих избранные (специальные) группы, призванные осуществлять специфические институциональные функции. Следует отметить, что осуществление этих функций определяется полномочиями или полномочиями как на государственном обще социальном, так и региональном или территориальном уровнях. Важным моментом в этом случае является то, что полномочия или полномочия не присваиваются произвольно тем или иным социальным институтом, а определяются в форме закона или подзаконных актов. Полномочия или полномочия, закрепленные законом, определяют, по сути, не только легитимность самого социального института, но и формы его легитимной деятельности.

Третий компонент в структуре социального института – это индивиды или лица, на плечи которых судьба и разделение общественного труда возложила заботу о неимущих или малоимущих, больных и престарелых согражданах, и которые реализуют социальные цели конкретного института, в данном случае, социальной защиты.

Выделим основные функции системы социальной защиты как социального института. Первая функция любого социального института состоит в удовлетворении определенных социальных потребностей. Представляется, что система социальной защиты удовлетворяет ряд потребностей общества – это:

1. Предотвращение дестабилизации общества путем поддержки определенного уровня благосостояния граждан, которое определяется соотношением между денежной суммой в виде доходов и трансфертов, и суммой благ, приобретаемых на нее, с учетом инфляции и налоговой политики. Именно степень неравенства в распределении доходов иллюстрированная кривой Лоренца является индикатором уровня благосостояния, в частности бедности, для удержания которой в определенных рамках и существует система социальной защиты.

2. Аккумуляция средств для целей социальной защиты из различных источников и легитимно определенными способами.

3. Распределение средств по критериям, определенным законодательно. Распределительная функция состоит в разделе средств, поступающих в фонды или имеющихся там, между различными категориями населения, охваченных системой социальной защиты и обеспечения. Благодаря системе выплат из фондов социального обеспечения часть средств, заработанных профессионально активными гражданами, перемещаются к группе граждан менее профессионально активных или пассивных. С другой стороны, через эту же систему выплаты средства перемещаются от поколения до пенсионного возраста к поколению, достигшему пенсионного возраста. От мужчин к женщинам,

от граждан одиноких к гражданам, имеющих семьи и детей и т. д., т. е. то, что сейчас называют социальным государством.

Современная система социальной защиты и социального обеспечения, в большинстве стран, во все большей и большей степени выполняет функцию обеспечения занятости, влияет на формирование ее структуры и используется в качестве инструмента, обеспечивающего занятость населения. Во всех национальных экономических организациях, совершенно отчетливо, заметно влияние экономических изменений структурного и конъюнктурного характера на функционирование и деятельность системы социального обеспечения, и наоборот. В период кризиса одной из основных задач политики занятости является выработка, в наиболее оптимальной форме, равновесия между занятостью и безработицей, отчего зависит не только благосостояние работающих, но и безработных, а также других лиц, пользующихся выплатами из фондов социального обеспечения. Так же политика занятости формирует структуру занятости населения относительно потребностей и демографического профиля населения страны. Определяет мотивацию к труду, приспособливает квалификацию трудовых ресурсов к труду и к потребностям рынка, организует, при помощи различных институтов, этот рынок. Очевидно, что основным принципом социальной защиты, гарантирующим достаточный жизненный уровень населению, является полная занятость всего трудоспособного населения.

4. Поддержание достойного уровня жизни населения исходя из конкретных социально-экономических условий общества.

Экономическая функция системы социальной защиты и обеспечения является как бы вторичной по отношению к уже проанализированным функциям. В этом случае фонды социального обеспечения или, по крайней мере, их часть используются как капиталовложения в высокоэффективные отрасли общественного производства, в финансовые и другие институты. Цель этих капиталовложений – защита средств фондов социального обеспечения от инфляционных процессов, происходящих в обществе. В этом случае средства фондов не только не обесцениваются, но и участвуют в развитии экономики и социальной сферы применительно к занятости и социальной защите, в формировании рабочих мест, развитии научно-технического прогресса, рынка услуг.

5. Принципы работы: создание системы эффективной занятости населения; подготовка и переквалификация кадров; создание эффективной системы формирования доходов населения; макро регулирование процесса дифференциации доходов и потребления, обеспечивающих профессиональную и социальную мобильность населения; официальное (правовое) определение и поддержание жизненного уровня в соответствии с международными нормами.

Система социальной защиты в целом и социального обеспечения, в частности, являются определенными факторами экономическо-

го развития и сами как социальные процессы и институты теснейшим образом связаны с экономикой. Эта связь не является случайной, система социальной защиты и обеспечения являются социально-экономическими факторами и существенно влияют на функционирование и развитие общества. Попробуем это доказать. Во-первых, система социальной защиты и обеспечения аккумулирует финансовые средства; во-вторых, выплачивает их; в-третьих, она перераспределяет средства и доходы. Кроме того, выплаты по линии социального обеспечения как основного элемента социальной защиты, направлены на обеспечение потребностей граждан, находящихся в той или иной предусмотренной законом ситуации. Средства в системе социального обеспечения перераспределяются от одних субъектов к другим, причем меняется само их предназначение. Само перераспределение как взаимодействие между различными социальными субъектами является важной социальной проблемой, суть которой состоит в эффективности финансирования социального обеспечения. Решение этой проблемы вызывает, причем незамедлительно, социально-экономические последствия. Так, лица, получающие выплаты по линии социального обеспечения, тратят их на удовлетворение своих потребностей, т. е. оплачивают товары и услуги, создавая тем самым спрос на эти товары на рынке. По-видимому, они могут составлять и составляют особый сегмент рынка, хотя бы потому, что определенный размер выплат по социальному обеспечению определяет границы потребительского платежеспособного спроса тех, кто такие выплаты получает. Естественно, можно возразить, что это не главная цель системы социальной защиты и социального обеспечения, но это неотъемлемое социально-экономическое последствие этих выплат.

Таким образом, система социальной защиты и социального обеспечения, формируя потребительский платежеспособный спрос, вызывает в экономике следствия, которые влияют на образование конъюнктурных циклов, на состояние занятости и на ход инфляционных процессов. В общем, система социальной защиты и обеспечения является важным социально-экономическим институтом. Проявляется это, прежде всего, в перераспределении доходов, в формировании платежеспособного спроса, в увеличении или уменьшении налогового бремени. В свою очередь эти особенности влияют на процессы занятости и безработицы, определяют такое экономическое положение, как бедность, которое является не только показателем неравенства в распределении доходов, но и важным индикатором социального и экономического положения людей в конкретном обществе. Особенно это важно в период мирового экономического кризиса.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОЗИТИВНЫМ ИМИДЖЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

А. А. Семёнова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. Image is the emotional attitude of audience towards to object. Also image can be considered as well-established notions of mass awareness. Positive Image of St. Petersburg's General Court can be managed by strategy of approaching to reputation.

Keywords: image, St. Petersburg's General Court.

Имидж выступает единицей символического мира и существует ряд ситуаций, где мы реагируем не на реальность, а на имидж. Например, имидж товара (при наличии одинаковой продукции покупатель уже реагирует на символические различия), имидж фирмы (при ее продаже имидж рассматривается как часть нематериальных активов фирмы), имидж политика (часто избиратель не имеет с политиком личных контактов, поэтому реагирует на его символическое представление – имидж) и др. [1]. В данной статье под имиджем мы будем понимать эмоциональное отношение целевых аудиторий к определенному объекту (в качестве объекта мы будем рассматривать Законодательное Собрание Санкт-Петербурга). Под имиджем также мы понимаем представления, сложившиеся в индивидуальном и массовом сознании об объекте [2]. Уточним, что имидж живет именно в сознании целевых аудиторий, где он располагается во всей совокупности релевантных связей относительно объекта имиджа [3].

Для того, чтобы решить, на какой совокупности свойств объекта строить имидж, необходимо понять структуру отношения к объекту. Отношение – это ментальное состояние, определяющее восприятие человеком факторов внешней среды и его реакцию на них. Отношение складывается из трех взаимосвязанных компонент: когнитивного (знания), аффективного (симпатии – антипатии) и поведенческого (намерения). Когнитивная компонента предполагает информацию об объекте, которой располагает человек. Подобное знание включает информацию о существовании объекта, мнение человека относительно его характеристик и др. Аффективная компонента выражает чувства, которые человек испытывает в целом относительно объекта. Поведенческая компонента относится к ожиданиям человека относительно будущего поведения по отношению к объекту [4]. Если рассматривать данные компоненты отношения к представительному органу власти, то когнитивная компонента будет демонстрировать степень информированности населения о статусе, компетенции, деятельности Законо-

дательного Собрания, об истории Мариинского дворца. Аффективная компонента выразит чувства людей относительно городского парламента, покажет, кому из депутатов жители выражают симпатию и др. Поведенческая компонента отразит взаимодействие граждан с представителями городского парламента и виды подобного взаимодействия (например, прием граждан, письменные обращения) или отсутствие взаимодействия. Исследование отношений позволит оценить степень отклонения существующего имиджа Законодательного Собрания от «идеального».

Как мы отметили ранее, имидж – это и представления аудитории. Определим представления как конструируемую субъектом модель действительности, которая предполагает наличие плана собственных действий по усовершенствованию общества. Подобный план действий зависит от воссоздаваемого контекста ситуаций, включающий различные образы, поэтому субъект может рефлексировать собственные взгляды. Выделим наиболее эффективные методы воздействия на аудиторию, которые предполагают изменение контекста (позиционирование, формат). Под термином формат понимают «процессы создания выгодных для коммуникатора контекстов» [1]. Наиболее важным контекстом является создание доверия к органу власти, так как «легитимность власти формально стала определяться доверием общества, зависящего от степени расположения общественного мнения» [5]. Доверие можно разбить на такие составляющие, как компетентность и надежность [1]. Тогда управлять позитивным имиджем следует не на основе данности, а на основе доверия. Если доверие рассматривать как цель, то для ее достижения необходимо использование стратегии приближения имиджа Законодательного Собрания к репутации. Репутация – это сведения, касающиеся качественного аспекта деятельности государственного органа, которыми владеет население. Поэтому необходимо управлять позитивностью репутации и ее значимостью для целевой аудитории. Кроме того, для позитивности репутации важна и предсказуемость в действиях объекта репутации и проявление его ценностных, моральных характеристик.

Имидж на основе доверия предполагает, что население принимает предлагаемую ему информацию благодаря установившемуся доверию к сообщениям органа власти. Для этого необходимо наличие двух важных факторов в отношении к органу власти: 1) население должно четко осознавать причинно-следственную связь между деятельностью государственного органа и качеством своей жизни (например, если принимаемые Законодательным Собранием законы приносят реальную пользу жителям города, то можно говорить о высоком уровне доверия к данному органу власти); 2) население должно разделять сообщения о государственном органе в общем информационном потоке так, чтобы подобные сообщения для жителей города считались достаточно значимыми. Таким образом, критериями для долгосрочно-

го восприятия сообщений представительного органа власти могут выступать следующие факторы: польза, правильность и общепринятый характер определенного восприятия при конкретных условиях [3].

Следует уделять внимание и определению рисков для позитивного имиджа Законодательного Собрания. Планирование управления рисками позволит защитить и укрепить имидж объекта. Риск – это «мера неблагоприятного эффекта проблемы» [6]. Эффективный коммуникационный охват рисков предполагает учет многих аспектов: динамика развития общественных эмоций; распознавание и мониторинг информации, непосредственно относящейся к рискам; установка и укрепление доверия общественности к объекту. Необходимо четко определить и группы общественности для того, чтобы выявить самую важную аудиторию в каждой конкретной ситуации [6].

Таким образом, имидж Законодательного Собрания формирует его репутационный капитал, отражает прошлое (например, сложившееся отношение к предыдущим созывам городского парламента), при этом устремляется в будущее. Управление имиджем Законодательного Собрания возможно на основе доверия и на позитивности его репутации.

Библиографический список

1. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. С. 17–25.
2. Максимов А. А. Война по правилам и без...Технологии изготовления предвыборных миражей. – М.: Дело, 2003. – С. 154.
3. Ульяновский А. В. Корпоративный имидж: технологии формирования для максимального роста бизнеса. – М.: Эксмо, 2008. – С. 15.
4. Бухарин С. Н. Методы и технологии информационных войн. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 132–134.
5. Плющ А. Н. Об информационном влиянии политических субъектов на электорат // Социологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 77–86.
6. Китчен Ф. Паблик рилейшнз: принципы и практика / пер. с англ. под ред. Б. Л. Ерёмкина. – М.: Юнити-дана, 2004. – С. 310–324.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТОТАЛИТАРИЗМА

С. А. Сверчкова

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. This article discusses the social conditions of a totalitarian ideology and a totalitarian political regime in the past and present. These include a variety of human needs and the division of labor, clericalism, the rise of rationalism and organization in society, new opportunities to manipulate the public consciousness, and others.

Keywords: totalitarianism, modernization crisis, intellectuals.

Тоталитаризм как специфический политический режим обусловлен целым рядом социальных предпосылок. В древности идея тотального подчинения индивидов государству стала реакцией на развившееся многообразие человеческих потребностей и форм разделения труда. Её сторонникам представлялось возможным примирить различные интересы и достичь социальной справедливости только с помощью сильного государства, управляющего всеми социальными процессами. В клерикализованных обществах, в частности, средневековья, тоталитарная тенденция проявлялась в требованиях на протяжении всей жизни придерживаться одних и тех же верований и обычаев.

В новейшее время тоталитаризм стал одной из альтернатив для обществ, оказавшихся в условиях модернизационного кризиса. Общие черты таких кризисов: экономический упадок, резкое социальное расслоение, депрессия и утрата населением социальных ориентиров, распространение нищеты, преступности и т. п. Важнейшими же социальными предпосылками и причинами тоталитаризма в этих условиях стали: 1) само индустриальное общество, усложнение общественных связей и взаимозависимости; 2) нарастание рационализма и организованности в жизни общества, новые возможности для манипулирования общественным сознанием; 3) появление монополий и их сращивание с государством; 4) этатизация общества, усиление в общественном сознании культа государства, распространение коллективистских взглядов; 5) массовая эмоциональная уверенность в возможности быстрого улучшения жизни с помощью планирования и рациональных преобразований; 6) массовая психологическая неудовлетворенность, отчуждением личности ее незащищенностью и одиночеством. Тоталитарные движения дают иллюзию приобщения к «вечным ценностям»: классу, нации, государству.

Другими предпосылками были размывание традиционной социальной стратификации, достижение культурной, нравственной, социальной и даже этнонациональной однородности путем уничтожения всех объединений, организаций, классов, сословий, союзов, которые могли служить для человека прибежищем и опорой, в сочетании с наличием мощных пластов патриархальной психологии и распространением остро конфронтационных идеологических доктрин.

В качестве основных социальных источников формирования тоталитарной системы власти выступали широкие слои маргиналов, численность которых в кризисное время становится крайне высокой, а зависимость от политики властей исключительно сильной; а также чиновничество, служащее «приводным ремнем» политики правящих кругов. Маргинальные и люмпенизированные слои были главным источником массового распространения уравнилельно-распределительных отношений, настроений пренебрежения к богатству, разжигания социальной ненависти к зажиточным, более удачли-

вым слоям населения. В распространении подобных социальных идей участвовали и определенные слои интеллектуалов (интеллигенции), систематизировавших эти народные чаяния.

ИРАН И РОССИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Т. В. Белолипецкая, В. В. Белолипецкий
Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. In article geopolitic position of Iran and Russia, prospect and a possibility of strategic cooperation of two states in the Near East are considered.

Keywords: geopolitics, strategic cooperation, the Near East, Iran, Russia.

В настоящее время стратегическое сотрудничество держав, таких крупных и столь близких друг к другу географически, каковыми являются Иран и Россия, играет значительную роль в сфере обеспечения национальной безопасности. Такое сотрудничество имеет целью ограничить влияние других крупных держав в регионе. Сближению двух государств и установлению между ними стратегического партнерства способствует и внешнеполитическая обстановка.

Исламская республика Иран в настоящий момент находится в окружение враждебных арабских государств. Причин этому несколько, рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, это религиозный фактор. Иран представляет собой теократическое государство, большая часть населения которого исповедует шиизм, в то же время арабы, в большинстве своем, сунниты. Между суннитами и шиитами в сфере религиозных догматов и религиозной идеологии существуют непреодолимые противоречия, которые иногда проявляются в быту, часто в форме презрительного отношения, вооруженных столкновениях, примером чему служит вооруженная борьба в Ираке и в большой политике.

Во-вторых, Иран вызывает у лидеров арабских государств серьезные опасения по ряду факторов. И здесь необходимо отметить основополагающие:

- Иран претендует на региональное лидерство и звание региональной сверхдержавы, и эти претензии будут усиливаться по мере усиления экономической и военной мощи Ирана.
- Иран вызывает страх у арабских монархий, связанный с реальной или мнимой угрозой экспорта исламской революции.
- Иран стремится использовать шиитское меньшинство в арабских странах Персидского залива для усиления влияния в регионе.

- Иран не только претендует, но и реально является лидером в борьбе народов Ближнего Востока и ислама с враждебным ему западным миром, возглавляемым США, в то время как большинство монархий региона настроены лояльно или являются стратегическими союзниками США. Вследствие этого возрастает популярность Ирана в глазах населения арабских стран как борца против США и Израиля. На фоне усиливающейся популярности Ирана находящиеся у власти компрадорски ориентированные монархические режимы испытывают не только угрозу потерять доверие своих подданных, но и легитимность, как когда-то это произошло в самом Иране.

Помимо враждебного окружения Иран, с момента победы исламской революции, находится под постоянным прессингом так называемого «мирового сообщества», представленного западным миром и возглавляемого США, что выражается:

Во-первых, в экономических санкциях и экономической блокаде, постоянной угрозе военного вторжения, попытках проведения «бархатных», «оранжевых революций» и т. д.

Во-вторых, Ирак и Афганистан, подвергшиеся агрессии со стороны США, оккупированы армиями союзников и представляют собой удобный плацдарм для нанесения ударов по Ирану, или, по крайней мере, возможность их использования для проведения спецопераций против ИРИ.

В-третьих, США проводят политику по принципу «разделяй и властвуй». С этой целью разыгрывается курдская, суннитская и шиитская карты. На севере Ирака создана курдская автономия, а фактически – прообраз курдского государства.

Необходимо отметить, что у Ирана есть и союзники в регионе – это Турция, Сирия и Россия. Рассмотрим наиболее влиятельных – Россию и Турцию.

Турция, несмотря на то, что является членом НАТО, не заинтересована в создании курдского государства. И в случае падения Ирана мечта курдов о Великом Курдистане станет реальностью, а это означает не только потерю части территории – турецкого Курдистана, но дестабилизацию в целом положения в Турции.

Российская федерация также находится под прессингом все тех же сил и ставятся те же задачи. Рассмотрим кратко геополитическую ситуацию вокруг России.

Во-первых, ставится задача десоверенизации РФ и её дальнейшего расчленения, как это произошло некогда с СССР. С этой целью разыгрывается исламская карта, и прежде всего, на Северном Кавказе, поддерживается религиозный экстремизм, сепаратизм, возвращается «национальное самосознание», а по-простому, зашкаливающий национализм.

Во-вторых, создается «санитарный кордон» вокруг России:

- На западной границе Российской Федерации он уже создан из числа стран Восточной Европы, входящих в состав НАТО и ряда бывших республик СССР.
- На южных границах России он почти создан. Так, Турция является членом НАТО. Ирак и Афганистан – фактически потеряли свою независимость и являются оккупированными войсками США и их союзников. Пакистан, хотя и имеет свои интересы в регионе, но играет на стороне США против России.
- Таким образом, «кольцо анаконды» вокруг России сжимается и только Иран не входит в сферу влияния США и являет собой преграду на её пути.
- Все вышеперечисленные обстоятельства сближают Иран и Россию и создают условия для более тесного сотрудничества между двумя государствами, в том числе, и в военно-политической области.
- Необходимо отметить и более чем дружеские шаги Ирана в отношении России:
- Иран не поддерживал и не поддерживает сепаратистские и исламистские настроения и движения на Кавказе, хотя попытки выйти на Иран и заручиться его помощью и поддержкой у сепаратистов были. И здесь Иран играл как бы против себя. Отказ от помощи единоверцам – это очень не популярный шаг в исламском мире.
- Россия формально придерживается нейтралитета в отношении конфликта Армении и Азербайджана, но фактически на стороне Армении. Иран в этом конфликте формально также нейтрален, но фактически поддерживает позицию России. А это тоже не популярный шаг в исламском мире, кроме того, в самом Иране проживает много этнических азербайджанцев, это уже не популярный шаг внутри страны.

Однако позиция России, а вернее её руководства, вызывает, мягко говоря, недоумение. Шаги российского руководства часто не последовательны и противоречивы. Россия то выступает за выгодное, и в первую очередь для неё самой, экономическое сотрудничество, то присоединяется к навязываемым ей санкциям, отказывается от взятых на себя обязательств по поставке Ирану военной техники и вооружения. Данная более чем странная и непонятная, наносящая вред отношениям России и Ирана, позиция российского руководства становится реальной преградой на пути установления стратегического сотрудничества. А это означает, что Россия теряет, причем по своей собственной инициативе, надежного и достаточно сильного в военно-политическом плане союзника в регионе Ближнего Востока и на южных границах.

IV. КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕСТВА

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

М. Р. Юлдашева

Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Россия

Summary. The article is dealt with problems of cultural anomie in Tajikistan in the context of developing social cultural situation of «Muslim rebirth».

Key words: culture, anomie, Islam, tradition, social cultural situation.

Независимость, неожиданно свалившаяся на страны Центральной (Средней) Азии, в частности Таджикистана, застала светскую культуру в состоянии кризиса. Ислам же, согласно доминирующей точке зрения, в это время переживал возрождение. Так, по данным Опроса по социальному отчуждению (в дальнейшем ОСО), представленного Программой Развития ООН «По ту сторону переходного периода: от отчуждения к всеохватывающему развитию человеческого потенциала СНГ» – 97,6 населения Таджикистана относят себя к исламской религиозной группе, то есть исповедуют ислам и являются приверженцами мусульманской культуры.

На первом этапе общая культурная ситуация в Таджикистане характеризовалась усилением нигилистического отношения к предшествующему культурному опыту, попытками его дискредитации как бесполезного и чуждого национальной культуре явления, провозглашением идеи возвращения к собственным культурным традициям. В Таджикистане зазвучали требования упразднить европейские формы культуры и художественного творчества (симфонический оркестр, оперу, классический балет и прочее) как противоречащие традиционным национальным и исламским ценностям.

За сбалансированное развитие культуры и искусства с учетом как национальных традиций, так и достижений мировой культуры, выступило правительство. Этот момент – особенно важный в условиях современной государственности – и определил дальнейшее направление развития культуры и искусства в Таджикистане. Начались поиски сбалансированного сочетания традиционного и современного, восточного и европейского в тенденциях развития культуры и искусства, но с явным упором на национальные традиции.

На сегодня в Таджикистане и других независимых центральноазиатских государствах можно выделить следующие трактовки ислама и его культурных ценностей: ислам как основа национальной куль-

турной идентичности, прежде всего в Таджикистане и в Узбекистане, подразумевающая возрождение исламских культурных традиций и наследия, которые должны возродиться и прийти на смену европейской культуре; «просвещенный ислам», который противостоит невежественному и экстремистскому исламу.

Возрождение и расширение влияния ислама в период независимости почти не сопровождалось развитием его теологической базы, во многом утраченной в советский период.

Политико-теологическая борьба за утверждение «новых исламских ценностей» сопровождалась активными практическими действиями в мусульманской общине (коллективное строительство мечетей, попытки установления контроля за ценами на городских базарах и т. п.) и внедрением «инноваций» в культурную среду, в основном на бытовом уровне. По опросу ОСО сегодня атрибуты религиозной и традиционной одежды (платок или религиозная шапочка, тубетейка и т. д.) носят 63,61 % населения республики. Следует отметить, что 34,5 % населения данную атрибутику не носят. Как правило, это представители других религий и национальностей, которых в Таджикистане следующее количество: исповедующих христианство 0,1 %; исповедующих ортодоксальные направления 1,4 %; а также городское население из числа представителей светского ислама (интеллигенция).

Кроме того, у женского городского и сельского населения появились необычные, привнесенные извне и не характерные для местных традиций типы одежды черного цвета.

Стали предприниматься попытки отменить светские народные праздники, ужесточить свадебный ритуал, запретив музыку на свадьбах. Послышались давно забытые угрозы в адрес женщин, занимающихся театрально-музыкальной деятельностью и общественной работой. Например, по опросу ОСО, за последние три месяца культурные мероприятия (театры, музеи, концерты и т. д.) посетили всего лишь 17,9 %; не посещали 80,6 %, причем из них 30,1 % считают посещение таких мероприятий не важным для себя.

Гендерный анализ вышеприведенных данных выявляет, что из 80,6 % посещающих культурные мероприятия наибольший процент составляют мужчины, их 20,7 %, тогда как процент женщин составляет всего 15,8 %. То есть женщины в плане их приобщения к культурной жизни являются более отчужденными. Причем население, проживающее в сельской местности, также является более отчужденным в этом плане, чем городское население, где наблюдается следующее соотношение: городское население – 23,8 %; сельское – 15,3 %. Население пенсионного возраста (61 год и старше) практически почти не участвует в культурной жизни, процент их участия составляет лишь 9,4 % из общего числа опрошенных ОСО, т. е. из 80,6 %.

В начале 90-х в Таджикистане имели место также попытки «сомкнуть» религию с искусством и культурой (в частности, некото-

рые студенты художественных вузов выступили против рисования и лепки человеческого лица и обнаженной натуры, поскольку это запрещено исламом (конфиденциальные высказывания преподавателей художественных вузов). Подобные попытки, скорее всего, были вызваны стремлением восполнить недостаток национальной идентичности, однако и они не получили серьезного продолжения.

Более стабильным и эффективным оказалось внимание к обрядовой стороне ислама, в особенности к «народному исламу», среди студенческой молодежи – следование этикетности при завершении трапезы и других мероприятий, посещение святых мест (зиератгохов), совершение молитв, ношение оберегов (тумаров), держание поста (уразы) во время рамазана и т. п. Некоторым из них, таким как воздержание от приема пищи в дневное время во время рамазана, ношение различных атрибутов традиционной одежды, теперь следует значительная часть молодежи и национальной творческой интеллигенции. Факты эти прежде всего свидетельствуют о возрождении внешней, обрядовой стороны ислама и ассоциируются с поисками национальной культурной идентичности в современном Таджикистане. По данным ОСО для 87,6 % опрошенных ношение такой атрибутики считается неотъемлемой частью их жизни; из них 36,7 % носят ее для того, чтобы быть принятым своим окружением.

Существенному усилению исламского культурного влияния, стихийному процессу возрождения народной исламской культуры способствовала активная официальная критика и переоценка (в негативную сторону) достижений советского времени, в особенности атеистического мировоззрения. Она была развернута на протяжении последнего десятилетия в СМИ. Народ же, словно устав жить по установленному атеистическому регламенту, под контролем сверху, склонился к возвращению традиционного образа жизни – возрождению мусульманских праздников и ритуалов, обычаев и норм поведения. Так, по опросу ОСО, сегодня в республике нет атеистов.

Государство в последние годы стало активно регулировать этот процесс, идеологически и материально поддерживая формы народного ислама: восстанавливаются и благоустраиваются зиератгохи, издаются массовыми тиражами соответствующая литература, празднуются религиозные юбилейные даты. Параллельно государство восстанавливает и создает новые институциональные структуры канонического ислама, в том числе обеспечивающие его интеллектуальное наполнение. Показательным примером здесь можно считать создание Исламского университета. Государство фактически взяло на себя заботу о подготовке новых кадров интеллектуального ислама. Поддержка народного и лояльного официального ислама стала органичной частью государственной политики Республики Таджикистан.

Одна из серьезных причин – осознание реальной угрозы чуждых исламских «инноваций» фундаменталистского толка. Укрепляя фор-

мы народного ислама, государство фактически поддерживает ту часть религии, с которой фундаменталисты с их непримиримостью к язычеству традиционно ведут борьбу.

Прямая поддержка лояльного ислама, то есть его духовных основ, сопровождается в последнее время сотрудничеством государства и официальных представителей исламской религии в решении различного рода морально-этических и нравственных вопросов современной жизни общества. Государство объединилось с религией в борьбе с отдельными традициями бытовой культуры. Сегодня в Таджикистане издан указ, осуждающий излишества, расточительство и помпезность в проведении свадеб и семейных торжеств. Косвенным ответом на это стало усиление аскетической линии в культуре ислама – например, возрождение традиции проводить свадьбы без музыки в соответствии с правилами «строгого ислама». «Туи исломи» (исламская свадьба) становится популярной в Таджикистане, городах Ферганской долины и других местностях. При ее проведении полностью исключена музыка (иногда допускается пение женщин под ударный инструмент дойру) и введены строгие правила для всех свадебных ритуалов.

Вместе с тем едва ли можно говорить о наличии радикального раскола в обществе по вопросу об отношении к исламским культурным ценностям и образу жизни, хотя нельзя не видеть и серьезного беспокойства той активной части национальной интеллигенции, которая была воспитана в советское время в светских европеизированных культурных традициях. Это довольно тонкая общественная прослойка, дальнейшее существование которой теперь стоит под вопросом. К тому же она не имеет возможности открыто выражать свои позиции в государственных СМИ, там «зеленый свет» дан сторонникам традиционных ценностей. Оппозиционные же выступления в основном звучат на научных семинарах, организуемых международными организациями, либо публикуются в альтернативных, негосударственных изданиях.

Например, вопрос ОСО «Какова степень напряженности между представителями исламской религии и оппозиционными партиями?» выявил, что данная проблема имеет место в республике, ибо 11,2 % отметили наличие большой напряженности между «сторонниками правил» и оппозиционными партиями; 25,20 % – указали на некоторую напряженность.

Аналогичная картина наблюдается и по степени напряженности между различными расовыми и этническими группами, в частности 6,9 % опрошенных указали на большую напряженность; 25,3 % из опрошенных считают, что имеется «некоторая напряженность» в данной области.

Тенденции «традиционализма» в общественном развитии современного Таджикистана особенно остро и болезненно ощущают женщины. Не случайно чаще всего предметом острых дискуссий и внутреннего

противостояния в обществе становится тема достижений советского времени, особенно в контексте решения женского вопроса. Женщины – лидеры разных поколений, воспитанные в советское время, пытаются отстоять позитивные достижения противоречивого советского периода и противостоять возвращению в досоветское прошлое.

В частности, опрос ОСО «Какова степень напряженности между мужчинами и женщинами?» выявил, что 30,3 % процентов указывают на некоторую напряженность, а 7,7 % отметили большую напряженность в этой области.

Настоящее ставит перед Таджикистаном много вопросов. И главный из них – сможет ли теперь республика, вставшая на путь независимости, не только сохранить, но и развить дальше культурно-исторические достижения прошлых лет?

Вместе с тем в последние годы стали заметны попытки государственных идеологических структур в условиях надвигающегося экономического и общественно-политического кризиса манипулировать исламским культурным фактором в целях устранения возможных угроз властным структурам со стороны созданных демократических институтов.

Апология исламских культурных ценностей в целом отвечает наметившейся в обществе тенденции. На наших глазах идет постепенный и сложный процесс восстановления ислама как целостной и единой культурной системы. Однако масштаб противоречивости этого процесса трудно себе представить. Мы привыкли к ситуации, когда ислам почти исключительно ассоциировался с историей культуры и его место в современной культуре было незначительным. Но существует точка зрения (теоретически обоснованная, в частности, иранским ученым Сейидом Хусейном Насром), согласно которой такая ситуация неестественна и неприемлема, так как являет собой искусственно разделенные пространство и время. Гипотетически мы можем предположить, что, если существует «исламская территория», на которой подавляющее большинство населения мусульмане, то возрождение культурной роли ислама (как институционального, так и народного) неизбежно. Другой путь, по которому, собственно, и пошло государственное строительство в независимом Таджикистане, – это постоянное сохранение баланса светских и религиозных компонентов в единой культуре, ислам принят в Таджикистане в его светской, духовной трактовке.

Однако и здесь существуют свои «подводные камни». Государство, поддерживая комплекс обычаев народного ислама и возрождая традиционную культуру, неизбежно усиливает ее «архаический пласт». Процесс затрагивает и часть художественной культуры, что дает «побочный эффект» сильного воздействия на светское государство и общество: «архаика» вступает в противоречие с современными европеизированными формами культуры и искусства, грозя вытеснить

и подавить их окончательно. Эта тенденция дополняется активным влиянием культурных ценностей ислама на молодежную среду практически во всех новых независимых государствах.

Например, по возрастной дифференциации опроса ОСО в данной области атрибутику религиозной одежды носят:

Возраст – 18 лет	66,3 %
Возраст – от 19 до 30 лет	90,7 %

Возрождение культурных ценностей ислама находит положительный отклик в структурах официального ислама. В официальных исламских газетах и журналах активно обсуждаются вопросы национальных культурных традиций, национальной одежды, этикета, поведения. Однако это обсуждение уже не ограничено только исламскими источниками, а опирается на существующую практику.

В то же время в самом современном светском искусстве и художественной культуре Центральной Азии очевидно обращение к исламским символам и сюжетам. Практически в каждой из республик есть множество примеров активного привлечения художниками, композиторами, народными мастерами, театральными режиссерами, кинопродюсерами, писателями, поэтами исламского наследия как выразительного и содержательного элемента, как огромного неосвоенного художественного ресурса. В национальном театральном процессе Таджикистана уже имеют место постановки, в которых акцентируется обращения к исламской символике и идеям. Можно говорить о некоем феномене – переводе исламской культурной энергии в светские формы художественного творчества. Эта тенденция никем не регулируется и не контролируется, она представляет собой свободный выбор художника. Хотя в официальном искусстве и культуре можно найти и примеры прямого влияния официальных властей. Зеленые и голубые купола в городах Таджикистана стали выразительной доминантой архитектурных построек последних лет. При этом наблюдается разнообразие форм освоения исламского наследия европеизированными видами искусства: от прямого и прямолинейного цитирования сакральных текстов, напевов, изобразительных элементов до глубокого переосмысления.

Так, за последние три месяца культурные мероприятия (театры, концерты и т. д.) посетило 17,9% населения, в основном это приверженцы религиозной и традиционной атрибутики, которых в республике 63,6 % (по опросу ОСО).

Другая часть населения, а их по опросу ОСО 80,6 %, не посещают данные мероприятия. Среди указанных причин из числа опрошенных 30,1 % указали, что подобные мероприятия не являются для них важными. Надо полагать, что данное явление вызвано самим художественным содержанием культурных мероприятий, о которых речь шла

выше. Ибо в республике имеется определенный процент населения, которые считают, что их этнические группы не в достаточной мере представлены на телевидении, в прессе, в культуре и искусстве.

Ответы респондентов на вопросы ОСО «Считаете ли Вы, что различное количество этнических групп, живущих в Вашей стране, в достаточной мере представлены на телевидении, в прессе, в культуре, в искусстве?» дают следующую картину:

	Да	Нет	Не знаю	Отказ от ответа
На телевидении	59,9 %	19,2 %	19,3 %	1,6 %
В прессе	54,3 %	19,2 %	24,6 %	2 %
В культуре	44,6 %	23,2 %	30,7 %	2,1 %
В искусстве	39,4 %	23,3 %	34,9 %	2,4 %

Официальный ислам еще не выразил своего отношения к происходящему в художественной культуре, хотя, по некоторым данным, проявляет к этому процессу интерес. Однако немногие публикации в исламской периодике, например, по вопросу об отношении к музыке, в целом не выходят за рамки традиционного толкования, несколько осовремененного новыми материалами. В основном они повторяют аргументы и доводы, характерные для богословских публикаций начала XX века.

Таким образом, можно заключить, что сегодня Таджикистан находится на пороге серьезных изменений как в образе жизни, так и в области развития художественной культуры, где роль мусульманских культурных ценностей будет неизбежно возрастать. Но в то же время очевидно и другое: пришедшая к власти элита, состоящая преимущественно из бывших советских партийных и комсомольских работников, чиновников советского государственного аппарата, а также кланов старой советской интеллигенции, да и в целом постсоветское образованное общество по существу не заинтересованы в радикальных изменениях культурного облика страны. Скорее всего, в обозримой перспективе во всех странах постсоветской Центральной Азии сохранятся различные модели светского государства с регулируемым присутствием и влиянием религии и сбалансированной многополюсной культурой. Попытки преодолеть эту модель радикальными средствами будут достаточно жестко пресекаться государством.

Библиографический список

1. Обследование по социальному отчуждению. Программа Развития ООН «По ту сторону переходного периода: от отчуждения к всеохватывающему развитию человеческого потенциала СНГ»,

2009 г. / Всего было охвачено опросом в Таджикистане 2400 респондентов.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОХРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВО ВСЕЙ ЕЁ ПОЛИФОНИИ

Д. В. Ефимова

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. The author considers in article the basic moments and characteristics of tolerance as public-cultural phenomenon, function of tolerance, ethnic or national tolerance and their role in quality are in detail considered. Parameters of interethnic relations. The similar sight on display ethnic intolerance as on result of action of mechanisms of social-psychological protection for the sake of preservation of positive ethnic identity and ethnic tolerance closely connected to it allows to comprehend a wise nature of psychological mechanisms of human self-control more deeply, result and which purpose is preservation of ethnic culture and the ethnic world.

Keywords: tolerance, public-cultural phenomenon, psychological mechanisms.

«Я» и общество никогда не придут к согласию на основе противостояния, ибо оно породит неизбежное насилие. Важнейшая миссия личности не в ее самоутверждении, а в установлении ею «единого, братского начала жизни, под которым понимается добровольное, жертвенное, осознанное «растворение» «Я» в обществе».

Ф. М. Достоевский

Своеобразным кодексом ненасильственных действий явилась Декларация принципов толерантности, утвержденная резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. В ней толерантность как основа ненасилия определена не только важнейшим принципом, но и необходимым условием мира и социально-экономического развития всех народов. Для нашего исследования значимым является само определение толерантности как «уважения, принятия и правильного понимания богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение, свобода мысли, совести и убеждения.

Итак, определим основные моменты характеристики толерантности как социокультурного феномена [2]:

- а) толерантность является социокультурной основой ненасилия;
- б) толерантность – предпосылка для выработки суждений, основой которых являются моральные ценности;
- в) толерантность проявляется в деятельности и поведении человека;
- г) толерантность – особая форма личностного отношения, в основе которого лежат понимание и принятие другой культуры, другой самости и терпимость, предполагающая допущение «инаковости»;
- д) толерантность есть проявление индивидуальности человека, признание его автономии и ответственности за собственный выбор, открытости для духовной конкуренции, умения рефлексировать, то есть критически мыслить;
- е) толерантность развивается на основе взаимодействия с «другими» при условии их значимости для личности;
- ж) толерантность основана на уверенности в себе и надежности собственных позиций;
- з) толерантность способствует повышению адаптивного потенциала субъекта, и, вследствие этого, обеспечивает его способность к саморазвитию;
- и) толерантность есть выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам, устойчивость к стрессу;
- к) толерантности свойственна избирательность к воздействию проявлений окружающей действительности;
- л) толерантность имеет некий начальный «естественный» уровень, с которого возможен переход на новый, целенаправленно заданный уровень.

Толерантность выполняет функции: гуманитарную, направленную на формирование ценностных ориентации; идентификации, способствующей приобщению субъекта к профессиональной группе и расширению информационного поля взаимодействия; социально-адаптивную, гармонизирующую взаимоотношения с окружающей средой.

В качестве интегральных социально-перцептивных показателей типов этнокультурной адаптации этнических групп выступают явления этнической толерантности-интолерантности.

Этническая или национальная толерантность есть «специфическая черта национального характера, духа народов, являющаяся неотъемлемым элементом структуры менталитета, ориентирующаяся на терпимость. Отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межнациональных отношениях» [2, с. 46]. Этническая толерантность особенно четко проявляется в отношении к представителям других этносов. Она представляет собой особое умонастроение, жизненно-психологическую установку, которая позволяет ценить другое национальное «они» равнозначно собственному «мы». Это – внутреннее преодоление нетерпимости и невосприимчивости «чужого» на уровне собственного менталитета, признание существо-

вания «чужой национальной правды», иного подхода к национальным проблемам.

Толерантность в общении между этносами отражает уровень культуры межнационального общения, является средством достижения межнационального согласия, показателем зрелости людей, их готовности к сотрудничеству. Толерантность выступает как процесс решения задачи – урегулирования межнациональных конфликтов и снятия напряженности в отношениях между народами. Понятие толерантности связывает в одно целое основные положения демократической национальной политики, включающей такие понятия как равенство народов, сотрудничество, взаимоуважение, признание ценностей всех народов. Исследованиями Дж. Берри по этнической толерантности было установлено, что только уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности – к нетерпимости, к этноцентризму, ученые приходят к выводу: «не может дальше продолжаться такое положение вещей, что выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму» [3, с. 34–37].

Позитивность этнической идентичности и этническая толерантность – интолерантность могут выступать в качестве показателей (индикаторов) межэтнических отношений. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и этнической толерантности [1, с. 104–115].

Подобный взгляд на проявление этнической интолерантности как на результат действия механизмов социально-психологической защиты ради сохранения позитивной этнической идентичности и тесно связанной с ней этнической толерантности позволяет более глубоко постичь мудрую природу психологических механизмов человеческой саморегуляции, результатом и целью которых является сохранение этнической культуры и этнического мира.

В заключение следует отметить, что в какой бы форме не выражалась толерантность, она всегда препятствует и не допускает проведения в жизнь насилия, ни в каком виде, уменьшает нетерпимость и выступает необходимым условием и надежным гарантом сохранения современной цивилизации во всей её полифонии.

Библиографический список

2. Лебедева Н. М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. – М.: Старый сад, 1997. – С. 104–115.
3. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.
4. Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. Cross-cultural psychology Research and applications/ Cambridge University Press, 1992. – P 34–37.

СМЕНА ЭПИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ

Л. С. Яковлев

Поволжская академия государственной службы,
г. Саратов, Россия

Summary. Education reform in Russia is the part of a fundamental change in this system worldwide. World crisis of education caused by a change model of industrial society to a new model. The education system adapts to new types of workers, careers, new forms of communication skills with practical activities. The success of reforms in Russia depends on the ability of the government to restructure the education system.

Keywords: education, modernization, industrial society, post-industrial society, intelligentsia, paternalism.

Современные дискурсы реформы образования значительной частью их субъектов оцениваются как ориентированные на осмысление процессов «вестернизации» его российской модели [1, 2, 3, 4]. Такой подход ничего общего не имеет с реальностью. Системы образования реформируются отнюдь не в одной России, это процесс всеобщий, и обусловлен он мировым кризисом образования.

Суть кризиса не в появлении частичных несоответствий между потребностями общества и предлагаемой системой образования моделями подготовки кадров, воспитания, а в фундаментальном эпистемологическом сдвиге. Оставляя в стороне дискуссии об определении этапа, в который входят сегодня развитые страны, об именовании его постиндустриальным, информационным, программируемым обществом, высоким модерном или обществом риска, подчеркнем, что состояние завершенности эпохи индустриальной констатируется практически всем научным сообществом. Парадигмы массовидного (не массового), то есть унифицированного, производства и потребления, уходят в прошлое. А вместе с ними неизбежно должна уйти и система,

предполагавшая институализированное образование как фиксированный этап жизненного цикла.

Индустриальная эпоха создала сначала массовую светскую школу, затем массовое стандартизированное высшее образование, ориентированные на потребности производства, специфику сферы потребления, адекватные индустриальной эпохе общественные институты. Школьный аттестат маркировал наличие способности его обладателя выполнять обязанности и реализовать права гражданина, среднее специальное образование в тех или иных формах производило квалифицированных рабочих, университеты – менеджеров и специалистов, управляющих производством, занятых научной деятельностью и при этом готовых к более сложным формам участия в общественной жизни.

В полной мере все это относится, разумеется, и к нашей стране. Советская средняя и высшая школа были успешны постольку, поскольку воплощали в себе наиболее последовательную реализацию индустриализма. В определённой степени эта система содержала и элементы меритократии, конечно, с поправкой на учет «классового происхождения» – тем не менее функция «социального лифта» реализовывалась в полной мере. При этом силы общих закономерностей оказывалось достаточно, чтобы нивелировать негативные последствия политического, идеологического диктата. Были созданы образцы на уровне как средней, так и высшей школы, представлявшие собой действительно лучшее в мировых практиках.

Однако сами эти практики уже принадлежат прошлой эпохе. Мировой кризис образования обусловлен рядом факторов.

Ускорение темпов накопления знаний делает необходимым непрерывное обучение в течение всей жизни. Конечно, его можно «вписать» в существующую систему, но при этом будут возникать неизбежные противоречия. Система строилась в расчете на то, что человек однократно получает некую сумму знаний, умений и навыков, которые затем совершенствует и реализует. Есть отрасли, в которых самообразования и сегодня достаточно, чтобы поддерживать квалификацию, но в большинстве случаев потребность в институализации непрерывного обучения очевидна.

Принципиально меняются типы карьер. Работник, всю трудовую жизнь проводящий на одном и том же месте, становится редким исключением. Преобладание вертикальных карьер сменяется преобладанием карьер горизонтальных: если раньше люди двигались, главным образом, по управленческой иерархии, в плоских структурах они меняют профессиональные профили. Диплом специалиста при этом девальвируется пропорционально числу сменяемых на протяжении жизни рабочих мест.

Разработчики образовательных программ в индустриальную эпоху были уверены в своей способности прогнозировать, какие именно знания и навыки будут нужны выпускникам вузов в ближай-

шие десятилетия. Сегодня такая уверенность должна быть названа самоуверенностью. Тезис Сократа «ученик – не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь» превращается сегодня из этической максимы в жесткую технологическую норму: учить иначе, значит, зря растрчивать ресурсы. Если речь идет о примитивных наборах обязанностей, остающихся характерными для ряда рабочих мест, то для них, по сути, образование и не нужно вовсе, во всех остальных случаях важнее научить человека учиться, нежели дать ему фиксированный набор знаний. Традиционное образование, утверждает Ч. Хэнди, не просто оторвано от реальности, оно противоположно реальности. Вместо традиционной плоской концепции «вопрос-ответ» он предлагает модель «колеса обучения»: вопрос – гипотеза – проверка – рефлексия – новый вопрос [5].

В индустриальных обществах системы образования играли и роль инструмента селекции. Эта функция получила основательный анализ в исследованиях М. Фуко, П. Бурдьё. По мысли П. Бурдьё трансмиссия знания становится важной предпосылкой воспроизводства культурного капитала, [6, 7] школа берет на себя труд освящения социальных различий [8, с. 245]. Научные титулы – важное проявление «государственной магии», изготовления социальных идентичностей в форме документов. М. Фуко останавливается на вопросе дисциплинарного управления пространством, которое дополняется дисциплинарным контролем над временем субъекта надзора. Обучение как ведущий компонент образования становится машиной подавления и символом власти. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут» [9, с. 74.]

Наше общество, к сожалению, весьма далеко от преодоления неравенства, но традиционные средства его поддержания утрачивают эффективность. Практики конкурсного отбора, гарантировавшие прошедшим отборочное «сито» получение диплома и прилагающегося к нему набора статусных привилегий, в наиболее очевидных формах реализовавшиеся во Франции, но так или иначе господствовавшие везде, приходят в противоречие с современными общественными отношениями. Классический спор Дж. Дьюи – Т. Элиота на самом деле так и не получил разрешения, вылившись в компромисс. Массовое качественное образование так нигде и не было создано; даже в СССР существовали отдельные траектории подготовки научной элиты и спецшколы для детей элиты управленческой. Парадоксальным образом унифицированное образование и не может быть массовым, поскольку предлагает одну модель агентам с разными потребностями. Эта модель оказывается смещенной либо в сторону академизма, как в СССР, и тогда наблюдается формализация учебного процесса, либо в сторону «облегченности», как в США к середине 60-х годов, и тогда она просто дает слишком низкий уровень подготовки. Сегрегация в

этой сфере неизбежна, она все равно реализуется, во всяком случае, на уровне высшего профессионального образования, вопрос лишь в основаниях этой сегрегации. Отказ от профильного обучения, как показывают практики различных стран, приводит не к «гармоничному развитию», а только к имитации обучения, превращению его в процесс выдачи сертификатов.

Эпистемологический сдвиг проявляет себя и на уровне организации учебного процесса. Модели, сложившиеся в XIX–XX веках, воплощают не потребности этого процесса как такового, а перенос в эту сферу общих принципов индустриальной организации. Универсальное планирование, объединение учеников и студентов в группы никоим образом самой логикой обучения не диктуется. Что касается планов, общим местом в критике средней и высшей школы является несоответствие темпов освоения материала отдельными обучаемыми; спорной является, как правило, и логика последовательности его изложения. Академическая группа (школьный класс) представляет собой чисто административную единицу, используемую исключительно в дисциплинарных целях. Эксперимент Элен Парнхерст и ее последователей, в том числе в России, с «Дальтон-планом», моделью действительно группового обучения, развития не получил, и собственно, не мог вписаться в систему обучения, порожденную индустриальным обществом.

Российская система образования сталкивается с теми же проблемами, что фиксируются в других регионах, но есть и специфика. Она определена как сохранением элементов советского наследия, так и накопленными за последние два десятилетия противоречиями. При этом судить о них сложно: статистические данные, скорее, иллюстрируют официальную риторику, а историко-социологический анализ затруднен идеологическими абберациями мнений. Показательно в этом плане обращение к материалам форумов «Газета.Ru» и блогосферы.

Высказывания людей, заявляющих готовность поделиться воспоминаниями, оказываются существенным образом скорректированы включенностью в идеологическую полемику. Таково интенсивное обсуждение «мифа» о бесплатном образовании в СССР. С одной стороны, для части аудитории открытием оказывается публикация общеизвестного постановления № 638 от 26 октября 1940 года «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий», с другой, критически ориентированные высказывания сочетаются с неумением сделать действительно очевидные выводы. Постановление было, по сути своей, резко антикрестьянским, поскольку сумма платежей устанавливалась относительно небольшая, на уровне 4–9 % доходов средней городской семьи; что же касается деревни, низкая обеспеченность «трудодней» реальными деньгами создавало серьезные затруднения. Эту оценку мы находим, однако, лишь

в одном блоге (ник Чистосердечный), да и то в неявной форме. И лишь в одном из комментариев к этому блогу обнаруживаем ясное видение проблемы: «ran_andriy: В голодный 1947-й моя бабка (вдова) получила за год труда на себя и 5-х малолетних детей 14 кг зерна... 300 трудодней в год – отработай. Или – лагеря. Свой огород обрабатывай ночью или сдохни, что, кстати, не освобождало семью от трудодней за умершего. Поэтому на полях массово работали дети.

Взял буряк с колхозного поля – тюрьма. На полях объездчики, поймают – могут забить насмерть. 300 яиц со двора – сдай. Молоко по 1–3 литра в день сдай. Неважно откуда, сдай. Налог с каждого фруктового дерева – заплати.

Заплати за военный займ, за «облигации восстановление народного хозяйства». Распространяли их «активисты» почему-то ночью, тут же отнимали курей, поросят, а то и корову. Всю шкуру с теленка или кабанчика сдай государству. Боже упаси зажать хоть лапоть.

Заплати за «самообложение», да еще прими «повышенные обязательства». На все нужны деньги, поэтому сбей масло из молока чахлой коровки (её тоже кормить нечем), достань из банки засоленное сало, да отнеси пешком в единственный за месяц выходной на базар в райцентр за 20 км. Поэтому дети масла не видели, а мясо перепало несколько раз в год. Ткани на одежду ткали сами из конопли и льна на примитивных приспособлениях. Мать год не ходила в школу – просто не в чем было, одета была в рваньё с лохмотьями.

Хаты лепили из глины, с соломенными «устюками», конскими кизьяками и камышом. Крыли соломой. Отапливали хаты соломой или сушеной ботвой от картошки. Кому повезет – камышом. Для этого надо было прибежать первым на замерзшую речку с лопатой. Впрочем камыш шел на теплоизоляцию – обкладывали хаты. (При этом Украина давала 60–70 % союзного угля).

Что такое «сахар», слышали, но никогда не видели. (При этом Украина давала 60 % союзного сахара). Дети в качестве сладостей ели липкий «глей» (древесный сок) с фруктовых деревьев. К весне обычно ели корни трав, крапиву, щавель, одуванчики. Тем и выживали.

Электричества, конечно, не было (оно появилось только при Брежнев, да и то не сразу). Свечек, естественно, тоже не было, светили чадящими «каганцами»: пакля в постном масле. Середина 20-го века, ага. Была ли при таком раскладе возможность заплатить еще и за образование – вопрос риторический» [10].

В тексте артикулируются лексемы, маркирующие состояние обездоленности, нищеты: «обрабатывай... или сдохни», «не освобождало», «поймают могут забить насмерть»; усиливающие эмоциональную окраску повторы: «сдай, сдай, сдай». Описание усиливается за счет выбора типа нарративной организации, создающей ощущение замкнутого круга, безысходности.

Именно этот пост, что показательно, вызывает аналитический комментарий: «paidiev: Война убедила Сталина, что надо формировать свою элиту. Поэтому сын человека элиты должен иметь преимущество перед выходцем из простой семьи... И было найдено простое решение: плата за обучение. Дети из простых семей были отсечены. Моя мать смогла получить образование лишь на вечернем, а отец пошёл в офицеры. Сталин последовательно ликвидировал коммунистическую идеологию и её проявления» [10]. Разумеется, сам тезис о «новом классе» задолго до этого сформулирован Джиласом, да и складывание бюрократической элиты началось не с 1940 года. Но вовлечен личный опыт, снимающий вторичность высказывания. Судьбы родителей автора поста вполне типичны: до 60-х годов абсолютное большинство выходцев из села получало образование именно посредством одного из дополнительных каналов.

Разумеется, распространение подобных оценок за пределы периода, для которого они актуальны, неправомерно. На протяжении 60-х – 80-х годов в СССР была действительно обеспечена максимальная доступность среднего и высшего (с поправкой на практики регулирования национального состава студентов части вузов) образования. Но здесь эффектом бумеранга повторяется, на новом уровне, ситуация середины XIX века. Растущие численно группы интеллигенции оказываются невостребованными. Классические практики массового использования сотрудников НИИ и КБ в «подшефных» сельскохозяйственных производствах представляли собой не иронию на соответствующие идеи «Утопии» Т. Мора, а именно свидетельство явной для всех перегрузки штатных расписаний научных учреждений. Потребность обезлюдевшей, после сталинского ограбления, деревни в рабочих руках была очевидна, но способ удовлетворения этой потребности выбирался применительно возможностей урбанизированного сектора экономики. И показательно, что выбраны были именно школьники, студенты, специалисты с высшим образованием – те, кого было в избытке, те, чья ценность на их собственных местах представлялась сомнительной.

Именно это падение ценности специалистов имеет следствиями как нарастание оппозиционности интеллигенции, так и падение престижа знаний. При этом в высшей степени характерно, что падение это идет на фоне сохраняющейся высокой значимости сертификатов об образовании и неуклонного роста поступления в вузы. Апофеоз абсурда достигается в 90-е годы, когда повсеместно ретранслируются негативные оценки практической ценности образования, как не нужного для успешной карьеры, и в то же время продолжается рост числа вузов и абитуриентов. На самом деле противоречие здесь кажущееся, вернее, оно очевидно на уровне формальной логики, но не реальной логики социального поведения. Сертификат об образовании рассматривается как документ, в высоко бюрократизированном обществе, безусловно, необходимый, дающий право претендовать на занятие

престижного рабочего места. В то же время в условиях, когда вуз воспринимается абсолютным большинством абитуриентов исключительно как «социальный лифт», ожидать уважения к знаниям было бы странно. Отягчающим фактором выступает нарастающая схоластичность образования, выдаваемая за академичность.

В этом плане показательны суждения людей, позитивно эту систему воспринимающих, об альтернативных ей практиках. Вот М. Быкова утверждает: «В американской школе – как средней, так и высшей – студент выступает как агент, на которого направлено прагматически ориентированное действие обучения. Суть этого обучения – научить определенного рода действиям, привить важные для профессиональной деятельности навыки. В этом смысле американская система образования весьма продуктивна и эффективна. Но с образованием как таковым она имеет мало общего» [11, с. 131–144.] При этом встает, закономерно, вопрос о целях образования, если профессиональная подготовка не является его основной задачей. Здесь налицо подмена образованности все той же интеллигентностью.

Сам этот термин в России основательно мистифицирован. Лексически его смысл с очевидностью восходит к понятию интеллекта. Однако уже впервые употребляющий этот термин В. А. Жуковский, как показано С. О. Шмидтом, вкладывает дополнительные смыслы, связанные с нравственным образом мысли и поведения [12]. Вообще говоря, именно в постановке вопроса В. А. Жуковским не следует искать оправдания всего последующего развития трактовок интеллигентности. Как человек, принадлежащий еще целиком веку Просвещения, он просто не разделял в культуре, как могущих потенциально противоречить друг другу начал, ориентированных векторами знания и морали. Для просветителей мир представлял собой потенциальную гармонию, для достижения которой надо лишь преодолеть «тьму невежества», опираясь на знание и силу власти. В дальнейшем, однако, усилиями П. Д. Боборыкина и его продолжателей интеллигентность понимается в контексте осознания образованной частью общества социальной ответственности. Совершенно очевидна оппозиционная ориентация этой трактовки: «хождение в народ» имеет какой-то смысл только в социуме, в котором полноценность выполнения властью своих функций не признается адекватной. Возможно, не все они, как М. Бакунин, считали, что путь к счастью народа лежит только через уничтожение «висящего в воздухе» государства, но так или иначе в абсолютном большинстве своем полагали себя вправе и обязанными действовать по своему усмотрению, не ограничиваясь выполнением профессиональных обязанностей в рамках реализации легитимных жизненных стратегий.

Классической презентацией такого рода представлений в современных условиях может служить известная публикация В. Тепикина. Интеллигенции им присвоены следующие признаки: передовые для

своего времени нравственные идеалы, чуткость к ближнему, такт и мягкость в проявлениях; активная умственная работа и непрерывное самообразование; патриотизм, основанный на вере в свой народ и беззаветной, неисчерпаемой любви к малой и большой Родине; творческая неутомимость всех отрядов интеллигенции (а не только художественной ее части, как многими принято считать), подвижничество; независимость, стремление к свободе самовыражения и обретение в ней себя; личностное начало осознается интеллигентом как высшая ценность; критическое отношение к действующей власти, осуждение любых проявлений несправедливости, антигуманизма, антидемократизма; верность своим убеждениям, подсказанным совестью, в самых трудных условиях и даже склонность к самоотречению; неоднозначное восприятие действительности, что ведет к политическим колебаниям, а порой – и проявлению консерватизма, нередкое сочетание высокой степени самосознания с эгоцентризмом, мужество, стойкость в отстаивании своих, продиктованных совестью и убеждением позиций. Естественно, аргументировать такого типа максимы сложно, автор их и предлагает в качестве априорных. Показательным примером применяемой аргументации может служить следующий пассаж: «В 1960-е годы диссидентом В. Ф. Кормером была подготовлена статья «Двойное сознание и псевдокультура», опубликованная спустя более чем десятилетие журналом «Вопросы философии». В своей небезынересной работе Кормер доказывал, что понятия «интеллигентный человек» и «честный человек» не имеют ничего общего. Абсолютно! Да, писал автор, интеллигентному человеку свойственны и тонкость чувств, и определенная мягкость, но это не значит, что он стоит в оппозиции ко злу: «интеллигенция формируется совсем не по принципу порядочности или отвержения неправды, она формируется на идеях особого мировосприятия, в котором первенствуют специфические воззрения...». Вот уж, нам кажется, глубочайшее заблуждение. О какой же интеллигентности индивида может вообще идти речь, ежели он является осознанным носителем зла, умолчателем или пособником его... Интеллигенту чужда меркантильность. Нравственность поступка для него важнее целесообразности» [13]. Аргумент «нам кажется» вряд ли может заменять логику выдвижения и эмпирической проверки гипотез. Между тем, среди сформулированных В. Тепикиным признаков лишь второй действительно может маркировать профессионала, специалиста (при условии его дальнейшей предметизации). Что касается прочих, их можно полагать верно подмеченными в результате наблюдения характеристиками, на самом деле присущими определенной части образованных людей в России, но именно не сумевших, или не пожелавших найти себя на поприще профессиональной деятельности. Что такое «передовые для своего времени нравственные идеалы» вряд ли можно определить с необходимой точностью. Зато можно уверенно сказать, что эта формулировка содержит мощный посыл этического

релятивизма худшего свойства, производящего формулы типа «цель оправдывает средства». В популярном шоу телеканала «Петербург» «Суд времени» можно было применительно к целому ряду героев обсуждения слышать суждения, согласно которым обсуждаемые действия соответствовали морали своего времени. В этом нет ровно никакого смысла. Историческим деятелям наша оценка просто безразлична, они о ней не узнают; если такая оценка и имеет какой-то смысл, то только с позиций нашей этики, и относиться она может к нашим же представлениям о прошлом. Что же касается мнения современников, то его не стоит абсолютизировать. Согласно господствующим представлениям, Г. Галилей и Дж. Бруно были еретиками, то есть аморальными людьми. Наконец, отнюдь неоднозначно понимание морального прогресса. Видимо, в целом общество с веками становится гуманнее, воспитаннее, что, однако, не избавляет от явных проявлений морального регресса. Но сказать, что среднестатистический политик нашей эпохи по своему моральному облику превосходит Владимира Мономаха, я бы не решился. А, следовательно, мы можем и должны, помимо прочего, если уж хочется дать моральную оценку, сравнить современников Мономаха именно с ним, а не только с теми, кто грабил храмы и сжигал города. Поэтому и говорить, что значит соответствовать передовым нравственным идеалам сегодня, надо с осторожностью. А главное, применительно к нашей теме, следует сказать, что не может быть учебных курсов, обучающих не брать и не давать взяток, даже не воровать и не убивать. Это простые истины, требующие не развернутого изложения и осмысления, а готовности им следовать. Что же до рефлексии лежащих в их основе принципов, подобная операция представляется крайне сомнительной. На рубеже XIX–XX веков в фундаментальной работе «Оправдание добра» В. Соловьев обращал внимание на то, что человек не может претендовать на предсказание отдаленных последствий своих поступков; в его власти просто творить то, что сию минуту не является злом. Позднее в мюнхенской лекции «Наука как призвание и профессия» М. Вебер четко разделяет инструментальные выборы, которые могут и должны основываться на научном анализе, и выборы ценностные, «научно» обосновывать которые – форма самообмана. Полагать, что преподавание этики сделает большинство выпускников вузов высокоморальными людьми, наивно.

Не безусловной представляется в данном контексте и такая характеристика, как патриотизм. Вообще говоря, не может не вызывать настороженности настойчиво продвигаемое в системе образования стремление целевым порядком формировать вполне естественное качество. Причина тому в очевидных попытках использовать его как инструмент мобилизации, причем инструмент компенсаторный, призванный нивелировать негативные последствия просчетов менеджмента. А на этом пути патриотизм легко становится нацизмом. Именно понима-

нием в обществе возможности подобной эволюции и объясняется недавняя полемика вокруг обсуждения Общественной палатой РФ учебного пособия по истории России, подготовленного двумя профессорами МГУ. Защитники этой книги указывают на недопустимость вторжения политики в академический дискурс, но этот аргумент ложен. Учебное пособие – не часть академического дискурса; иди речь о статье или монографии, действительно, следовало выступить в защиту ее авторов, что бы, собственно, они ни написали. Но учебник, пусть и не включенный в список обязательной литературы, оказывается в пространстве не академического, а идеологического дискурса, в особенности, с учетом того, что его авторы ведут педагогическую деятельность: вузовские практики неизбежно предполагают повышенное внимание студентов к пособиям, написанным их лекторами. Существует элементарная норма, соблюдаемая каждым преподавателем, достойным своего звания: если по данному вопросу в науке нет единого, общепринятого суждения, значит, преподаватель безусловно обязан привести все основные точки зрения. Если он их не знает, то некомпетентен, и не должен учить других. Если скрывает от студентов – недобросовестен. В данном случае сказанное относится не только к частным фрагментам текста, о которых в дискуссии достаточно сказано, но и к базовой методологической посылке. Авторы предлагают «этноцентрированную» версию истории, которая явно не является единственной принятой в мировом научном сообществе. И это, само по себе, как раз один из примеров того, как подчиняет себе сознание ученого эволюционирующий в сторону национализма патриотизм.

Странным выглядит и характеристика «критическое отношение к действующей власти». Действительно, части, а в определенные периоды, абсолютному большинству русской интеллигенции были свойственны оппозиционные настроения. Но для того чтобы полагать их сущностно важными, необходимо логически обосновать их необходимость. Между тем, если происхождение оппозиционности легко выводится из той самой неостребованности, о которой шла речь выше, найти в ней объективную необходимость сложнее. Разумеется, генетик или кибернетик, ошельмованный как служитель «лженауки», вполне может усомниться в разумности вмешательства власти в его профессиональную работу. Но трудно понять, почему, вместо того, чтобы поблагодарить федеральную власть за Сколково, сегодняшний представитель научного сообщества должен размышлять, что в действиях власти заслуживает критики. Эффективность общественной деятельности академика Сахарова не свидетельствует о том, что вообще всякий физик вместо своего дела должен заниматься политикой.

Абсолютно непонятен пункт «верность своим убеждениям». Научная истина, вообще говоря, никакого отношения к мнениям большинства или власть имущих не имеет. Ученый должен иметь знания, а не убеждения. И если кто-то ставит его знания под сомнение,

это их проблемы. «Подвижники», возможно, нужны, если подходить к науке, опять же, с позиций просветительской идеологии, но нужны лишь в неустроенных социумах. Конечно, есть тематики, приобретающие политические смыслы и в странах, где полноценно функционирует правовое государство, но это не может относиться ко всей науке вообще. Тем более нельзя требовать героизма от каждого специалиста. Опять же, возвращаясь к В. Соловьеву, максимизация моральных требований ведет лишь к утрате устойчивости элементарных норм.

Отнюдь не всеобщим представляется следующий признак: «неоднозначное восприятие действительности, что ведет к политическим колебаниям, а порой – и проявлению консерватизма». О политике уже шла речь выше; занятия ею не могут полагаться непременными для интеллигенции. Разумеется, в критических ситуациях она обращается к политической активности, но в целом говорить о колебаниях было бы правомерно в отношении групп или лиц, постоянно включенных в практическую политику, а в данном случае это вряд ли уместно. Что до консерватизма, здоровый консерватизм в духе Э. Берка вряд ли может быть приписан русской интеллигенции вообще. Сложно также найти период истории, когда консервативные настроения в ее среде преобладали; скорее, речь должна идти именно о феномене последнего десятилетия, легко объяснимом, если задаться вопросом, на что именно эти настроения выступают реакцией. Значительная часть интеллигенции сегодня критично настроена в отношении реформ, поскольку видит их рыночную ориентацию и не находит для себя места в формирующемся социокультурном пространстве. Рынок востребует профессионалов, чьи знания находят практическое приложение; традиционная русская интеллигентность органически интегрирует нигилизм в отношении рыночных регуляторов социального поведения вообще, а отношений по поводу знания тем более.

Восприятие этой традиции современным российским обществом демонстрирует портал Lurkmore.ru. Следует делать поправку на общий стиль портала, посвящённого, собственно, троллингу, но эта агрессивная стилистика лишь делает дискурс более наглядным, не искажая его содержания.

Интеллигент определяется здесь как «член квази-закрытой социальной сети, правила которой определяют членскую мораль, этику и половое поведение... Кроме русских интеллигентов в мире нет других – все остальные являются интеллектуалами, то есть торговцами интеллектом, – интеллектуальными проститутками. Интеллигент же видит предназначение развития своего интеллекта в вечной борьбе с властью и торгашами. Борьба с властью любой политической ориентации – это базис движения интеллигентов, но в силу врожденной беспринципности интеллигент легко идет на компромиссы с любой диктатурой, направляя свои силы на сохранение культуры» [14]. В

этой формуле заключена суть дела. Интеллигенция есть социальная группа, объединенная, порожденная претензией на особый социальный контракт с властью, предполагающий не рыночные взаимодействия. По сути, речь идет о претензии на статус, которым интеллектуальная элита обладала в век Просвещения, и которого лишилась по очень простой причине, в силу своего численного роста. «...интеллигент является натурально прослойкой между народом и культурой, препятствующей взаимной диффузии: народ никогда не получит массовой культуры, культура никогда не станет массовой, пока между народом и культурой лежит интеллигент. Это положение дает интеллигенту средства к существованию и главное избавляет от торговли культурой и знанием, как это делают интеллектуалы». Интеллигенту нужен именно просвещенный абсолютизм, режим, полагающий распространение культуры императивом, не требующим никаких дополнительных оснований.

Возможно, лучшую оценку этому русскому феномену дал А. П. Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую... Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям - интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало... они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает... и все это делается помимо прокуроров, инженеров, губернаторов, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что» [15]. Возрождение России напрямую зависит от ее способности освободиться от интеллигенции, как таковой, обзаведясь взамен вменяемыми профессионалами, способными продуцировать и ретранслировать знания, не деформируя эти процессы идеологизацией.

Однако российская система высшего образования по-прежнему, в значительной своей части, продолжает репродуцировать все ту же интеллигенцию. Это с очевидностью проявляется в позиции студенчества в отношении выбора профиля обучения и ориентации на трудоустройство по окончании вуза. Опрос на портале SuperJob.ru. показал, что, по мнению 68 % россиян, проблему трудоустройства молодежи можно решить, вернувшись к советской практике распределения молодых специалистов; не считают нужным возвращаться к системе распределения выпускников вузов 16 % россиян. При этом высказываются совершенно фантастические аргументы в пользу распределения: «выпускник вуза, получив диплом, оказывается на распутье и не знает, что ему делать. И это не потому что он не получил должного образования, а потому, что не хватает рабочих мест по специальности...» [16]. Логика тут отсутствует полностью, поскольку автор высказывания даже не задумывается, откуда возьмутся рабочие места, если их нет. Однако подобным образом мыслят не только рядовые граждане, но и представители администрации различного уровня.

«Белгородский губернатор Евгений Савченко на заседании Госсовета предложил вернуться к советской системе распределения студентов и отменить платное образование. Савченко предложил выдавать диплом после года отработки студента на предприятии, а вуз, если студент качественно подготовлен – награждать бюджетом. Кроме того, он предложил искоренить платное образование, потому что оно развращает. Президент Дмитрий Медведев заявил в ответ, что от предложений белгородского губернатора «вздрогнула вся система образования», сообщает 31.08.2010 сайт НАКАНУНЕ.RU [17]. Можно с удовлетворением констатировать, что подобного рода популизм решительно отменяется федеральной властью. Ее позицию озвучивает не только президент. В апреле 2010 года на встрече со студентами Кабардино-Балкарского госуниверситета в Нальчике вице-премьер правительства РФ и полпред президента в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) Александр Хлопонин говорит: «Самая большая ценность – это свобода. Вы должны иметь возможность получить профессию, быть конкурентоспособными и сделать, чтобы на вас был спрос с точки зрения профессиональных качеств. Все разговоры о распределении – это удел тех людей, которые не чувствуют в себе силы к конкуренции... Если хотите работать – идите в науку, открывайте вокруг университета технопарки, сервисные центры, новые научные лаборатории» [18]. Необходимо отметить предельно жесткую риторику этого текста. Ценность свободы заявляется как безусловная, ключевые понятия, используемые в описании выпускников – конкурентоспособность, профессионализм. При этом определяемые во властном дискурсе ценности не предлагаются, а императивно диктуются: «вы должны». Разговоры о распределении определяются как маркеры ущербности; студентам предлагается использовать возможности, предоставленные государством, в частности, в рамках закона о малых предприятиях при вузах, но не уповать на то, что государство станет за них решать их проблемы. Власть наконец проявляет должную твердость в проведении реформ.

Жесткость нужна тем более, поскольку социальная апатия, патерналистские ориентации, продолжают оставаться характеристиками значительной части преподавателей и студентов. Между тем, нет необходимости даже в историко-социологическом анализе для понимания, в частности, всей ущербности системы распределения. Мы можем не только реконструировать прошлый советский опыт, но и пронаблюдать существующую систему государственного распределения в Беларуси.

Что характерно, сами белорусы сравнивают свою ситуацию с российской, и не в пользу уважения к интеллекту ратующих за распределение россиян. «То, от чего стонут и воют наши выпускники, от распределения, которое портит кровь и несколько лет жизни, особенно если тот, кто пять лет учился в столице, а оказывается, что 2 года

придётся делать что-то в деревне, это кажется отличной идеей решения проблем в соседней стране. И если наши студенты считают это карой, то соседние россияне считают, что именно это будет лучшим для выпускников в РФ», пишет белорусский блоггер Kontur [19]. Другой блоггер иронически-горько замечает: «чему только не научит крепостной выпускник бесплатно за зарплату, которой едва хватает на хлеб» [20].

На белорусских сайтах можно найти достаточно кейсов, демонстрирующих сомнительные прелести государственного распределения. «Выпускник Белорусского государственного университета культуры Андрей, получивший специальность киносценариста, был направлен по распределению в Гродно, в областной центр культуры. По прибытии на место выяснилась первая забавная подробность: работодателям нужен был вовсе не киносценарист (что неудивительно – какое в центре культуры кино?), а режиссер массовых зрелищ... Но так как другого выпускника центру культуры не обещали, Андрея оставили, придумав видимость работы. Назначенный методистом, киносценарист должен был читать сценарии народных праздников городов и деревень Гродненской области и редактировать их. Прямо скажем, очень отдаленное отношение имела эта работа к сценариям кинофильмов, написанию которых Андрей учился пять лет. В дополнение ко всему его поселили... в актовом зале центра культуры! Тогда Андрей обратил внимание руководства на пункт Положения о распределении, гласящий, что «Молодым специалистам, прибывшим на работу по распределению, местные исполнительные и распорядительные органы, а также организации при недостаточности собственного жилого фонда могут выделять средства с целью компенсации затрат на найму жилых помещений у граждан». Но ему вежливо указали на слово «могут». То есть могут выделять, а могут и не выделять. Это только выпускник всем «должен». Через месяц ночевок прямо на рабочем месте Андрею все же выделили койку в общежитии. Зарплата молодого специалиста составляла Br300 000, и никого не волновало, как можно прожить на эти деньги. Так как Андрей не был человеком кровожадным, в суд подавать он не стал, просто нашел работу в своем родном городе – на телевидении – и спокойно перераспределился. Для этого ему понадобилось открепление с прежнего места работы и запрос с нового» [21]. Вообще говоря, для любого человека, получившего образование в СССР, все аспекты этой ситуации знакомы. Только в высшей степени наивные молодые люди в обществе со слабым развитием социальной памяти могут воображать, будто результатом государственного распределения явится предоставление им рабочих мест типа членов правления коммерческих банков или советов директоров холдингов. Разумеется, это будут места, на которые не нашлось желающих, поэтому низкая оплата, отсутствие жилья – вполне само собой разумеющиеся атрибуты подобных «благ социализма».

В следующем кейсе описывается случай менее благополучный. «Анна, всю жизнь прожившая в Минске, закончила экономический факультет и получила распределение в далекий и маленький городок Лоев, в который ехать ей совсем не хотелось, потому что она уже работала на полставки в коммерческой фирме, и ее туда хотели взять на полную ставку после получения диплома. Но комиссию по распределению это не волновало – на Анну был запрос из Лоевского горсовета, а распределять в частные компании можно в пятую очередь... Бросать успешно развивающуюся карьеру ради того, чтобы провести два года в загрязненном радиацией провинциальном городке и вернуться в Минск ни с чем, Анне не улыбалось. И она просто не поехала по направлению, продолжая работать в своей коммерческой фирме. А дальше был суд, и согласно постановлению Совета министров Республики Беларусь от 23 сентября 2006 года №1255 «О возмещении средств в республиканский и (или) местные бюджеты, затраченных государством на подготовку рабочего (служащего), специалиста», Анну обязали выплатить стоимость обучения, которая равнялась примерно \$8000. Так как зарплата Анны невелика, суд постановил выплачивать \$8000 в рассрочку, в виде отчислений из зарплаты, что растянется на шесть с половиной лет. Анна совершенно не огорчена этим обстоятельством, потому что за эти годы она намеревается сделать головокружительную карьеру. Но один серьезный недостаток все-таки есть – Анна не имеет права выезжать за пределы родины все это время. Так что отдыхать она ездит исключительно в Сочи, благо, границы с Россией у нас нет» [22]. Социальный оптимизм героини эпизода может восхищать, равно как и отсутствие в белорусском обществе имевшего место в советском прошлом страха перед любыми столкновениями с законом. Однако остаются факты: девушка получила опыт проигранного судебного процесса и заметные, по белорусским меркам, долги. Между тем «головокружительную карьеру» можно и не сделать, и в этом случае будущее Анны видится вовсе не в розовом свете. Подчеркнем и еще один момент. Будь материал данного блога опубликован в советской прессе лет тридцать назад, журналистский комментарий был бы проникнут праведным негодованием в адрес «бесстыдной» выпускницы, за народный счет получившей образование и оставившей провинциальный городок Лоев без экономиста в своем лице (естественно, не позволяя себе задуматься, много ли толку от работника, силой принужденного исполнять свои обязанности). А еще годами тридцатью ранее эпизод обсуждался бы на собраниях, и их участники говорили бы о своем гневе и возмущении поведением «отщепенки» (если бы дело не ограничилось просто арестом и сроком). И естественно задаться вопросом, почему у российских студентов нет знаний, базирующихся на столь недавнем социальном опыте. Ответ на него прост: вузовскими преподавателями в советскую эпоху становились люди, так или иначе решившие свои личные проблемы,

связанные с распределением, и потому проблемы эти для них стали неактуальны. Отсюда и репродуцирование в дальнейшем, системой в целом, представлений, в которых минимизированы негативные аспекты практик государственного распределения студентов.

Российская система образования требует реформирования, потому что продолжает оставаться во многом выстроенной применительно к идеальным схемам, а не реальным обстоятельствам. Она по-прежнему предполагает некий изначальный отбор абитуриентов, по результатам которого те, кому повезло, получают довольно прочную гарантию выдачи, через пять лет, диплома. Естественно, такая система не может не порождать коррупцию «на входе», причем коррупцию, не преодолеваемую полицейскими мерами, потому что стоимость их будет соразмерна с ценой вопроса. На следующем шаге студенты подвергаются процессу обучения, выстроенного по модели, адекватной индустриальной эпохе. С сожалением приходится констатировать, что в значительной части вузов переход на двухуровневую систему интерпретирован в смысле механического разделения пятилетней программы обучения на две части. Пролоббировано расширение первоначального списка бакалавриатов, исключавшего такую возможность, и теперь среди них достаточно таких направлений, к которым, при желании, можно приспособить старые учебные планы, поскольку их наименования не слишком отличаются от наименований специальностей. В целом приходится констатировать, что реформирование системы образования сталкивается с противодействием на уровне устойчивых стереотипов, сформированных большинством агентов процесса. Изменения этих стереотипов в сроки, адекватные стоящим перед страной проблемам, возможны только на основе решительного и жесткого проведения реформы административными мерами, которое уже затем сформирует измененную среду, благоприятствующую складыванию новых стереотипов.

Библиографический список

1. Шарыгин И. Реформа образования: против и contra // СКЕПСИС. http://scepsis.ru/library/print/id_592.html
2. Касевич В. Б. О рисках, связанных с «болонизацией» российской высшей школы // Проблемы и перспективы интеграции российской и европейской систем образования: материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2004 г.). – СПб., 2004
3. Альтбах Ф. Г. Глобализация и университет: мифы и реалии в мире неравенства // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2004. – № 10
4. Фурсов А. ВУЗы готовят марионеток // RUSSIA.RU <http://www.russia.ru/video/fursovsistema/>
5. Хэнди Ч. По ту сторону уверенности. – М., 2002.
6. Bourdieu P. Cultural reproduction and Social reproduction // Power and ideology in education. / Ed. By J.Karabel, A. Halsey. – N.Y., 1977.

7. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education. Society and Culture. – London, 1996.
8. Bourdieu P. Forms of Capital // John G. Richardson (ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – N.-Y.: Greenwood Press, 1986.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996.
10. Теория заговора – Платное образование в СССР при Сталине. <http://rusanalit.livejournal.com/863276.html>
11. Быкова М. Мифы и реальность американского образования // Отечественные записки. – 2002. – № 1.
12. Шмидт С. О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. – М., 2000.
13. Тепикин В. Культура и интеллигенция // Журнал самиздат. Размещен: 04/07/2007, изменен: 12/03/2010. http://zhurnal.lib.ru/t/tepikin_w_w/intelligencijaerolxwkulxturnomprocesse.shtml
14. Интеллигент. Lurkmore.ru. <http://lurkmore.ru/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82>
15. Чехов А. П. Письмо Н. И. Орлову, 22 февраля 1899 г. <http://kotbegemott.livejournal.com/485517.html>
16. Россияне одобряют распределение после ВУЗа // РОСБАЛТ. 04.08.2010. <http://www.rosbalt.ru/print/759440.html>
17. Белгородский губернатор предложил вернуться к распределению студентов и отменить платное образование. Медведев: Система образования вздрогнула. НАКАНУНЕ.RU. <http://www.nakanune.ru/news/2010/8/31/22205563>
18. Хлопонин выступил против распределения студентов // РИА НОВОСТИ. 18:45 23/04/2010. http://www.rian.ru/edu_news/20100423/225985488.html
19. Россия тоже хочет распределение! Опубликовано Kontur в ср, 08/09/2010 – 16:14. UNIVER.by. <http://www.univer.by/rossiya-tozhe-hochet-raspredelenie/4855>
20. Десять лет по распределению, без права на помилование. Опубликовано Студент в пт, 02/11/2007 – 21:43. UNIVER.by. <http://www.univer.by/node/234/desjat-let-po-raspredeleniju-bez-prava-na-pomilovanie>
21. Трагедия или водевиль? Опубликовано StudentTochka в ср, 18/03/2009 – 18:49 UNIVER.by. <http://www.univer.by/node/277/raspredelit-nelzja-pomilovat>
22. Готовьте ваши денежки. Опубликовано StudentTochka в ср, 18/03/2009 – 18:49 UNIVER.by. <http://www.univer.by/node/277/raspredelit-nelzja-pomilovat>

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

А. И. Богданова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Summary. The article concerns the concept of the educational environment where a multicultural identity of a person is formed.

Keywords: educational environment, multicultural identity.

Начало XXI века ознаменовалось качественными изменениями исторических способов жизни, сменой мировоззренческой парадигмы в соответствии с достижениями науки и новым социокультурным пространством существования человечества. Современный мир не стал единым, монополярным и монокультурным, как спешили объявить глобалисты; он остался мозаичным, разным, различным. «...глобализирующее движение, как становится очевидно уже сейчас, – подчеркивает заместитель Генерального Секретаря ЮНЕСКО Р. Р. Сингх [16, с. 7], – приведет к обновлению и возрождению различных языков и культур. Многообразие, а не однородность будет стержнем динамичной глобальной системы, и именно это явится одним из самых трудных испытаний человечества перед будущим. Там, где образование выступает фактором развития, оно играет ключевую роль». В связи с этим, главная задача отечественного образования – быть единым социокультурным механизмом процесса модернизации российского полиэтнического социума в консолидированную надэтническую целостность. Закон РФ «Об образовании» [7] провозгласил единство *культурного и образовательного* пространства страны при всемерном содействии развитию национальных культур и региональных культурных традиций (ст.2,п.2).

Открытие национальных границ и появление людей из других социокультурных слоев в нашем обществе уже определяет его статус как полиэтничного, многоязычного, поликультурного. В этой связи становится очевидным, что современная образовательная среда также становится многообразной, адекватной культурному многообразию социума. Смена традиционной парадигмы развития отечественного образования на современную личностно-ориентированную, гуманизация и гуманитаризация образования призваны помочь осуществить в характере мышления человека столь необходимый для современного общества поворот от фрагментарного к целостному восприятию мира в широком культурном контексте (по В. С. Библеру, от «человека образованного» к «человеку культуры») [2]. При этом на первый план в образовании выходят «...идеи понимания чужой точки зрения, диалога, сотрудничества, совместного действия, творческого подхода к ситуации, уважения личности и ее прав, признание обусловленности жизни со стороны высших, трансцендентных начал» [14, с. 83].

Новая культурная эпоха ставит перед образованием новые задачи. По мнению ряда западных и отечественных авторов, учащиеся сегодня должны вырабатывать культурные и социальные компетенции в условиях доминирования полилога, дискуссий, выбора, самоопределения. Активные методы обучения требуют постоянного участия учащихся в общении, поиска ими самостоятельных решений и расширения социальных контактов [22].

Многие общественные и политические деятели считают, что переход ряда развитых стран от современного информационно-

технологического этапа глобализации к новому – культурно-духовному – может состояться уже в следующем десятилетии. Признаками новой культурной эпохи становятся диалогичность и взаимодействие различных культур. В этой связи стратегия современного образования – формирование современной мультикультурной личности, человека, способного успешно интегрировать и взаимодействовать в поликультурной среде в рамках единого поликультурного пространства. Используя термин «мультикультурность» в образовании, ряд исследователей понимает под этим «принцип, способствующий сохранению и умножению всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов поведения и форм деятельности в образовательных системах; <...> помогающий становлению как культурной идентичности детей, так и пониманию ими культурного разнообразия современных сообществ, неизбежности культурных различий людей» [9, с. 87]. Реализация принципа мультикультурности средствами обучения наполняет новыми смыслами понятия «образовательной среды», «обучающей среды», «культурной среды», в которых происходит формирование личности обучаемого.

Выдающаяся роль среды в образовании человека осознается и осмысливается еще со времен античности. Обучение и воспитание через особое устройство и организацию окружения тех, кто, взаимодействуя с этим окружением, получает образование, рассматривается Б. М. Бим-Бадом [3, с. 28, 48] в качестве одного из наиболее эффективных принципов педагогики. Человек меняется в среде и посредством среды. «Самостоятельное взаимодействие человека со средой, в которую заранее заложена необходимость правильного мышления, – вот что дает прочное и глубокое образование. Обучающая и воспитывающая среда, – отмечает ученый, – это постоянно расширяющаяся сфера деятельности <...> человека. Она включает в себя все большее богатство его связей с природой и культурными объектами – вещами, созданными человеком для человека, социальной средой». Характер образовательной среды определяется целями образования, которые формируются в соответствии с внешними требованиями к современным образовательным институтам и учреждениям. Образовательная среда, в свою очередь, «выдвигает» набор требований к образовательному процессу – внутренние требования. Следовательно, любая образовательная среда должна постоянно изменяться в соответствии с внешними и внутренними требованиями [4, с. 23].

В словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «среда» определяется как – окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества; окружающие социальные условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий. Различают географическую, окружающую, природную, культурную и др. среды.

В переводе с английского *environment* и французского *environpement* среда также представляется как окружение, окружающая обстановка; окружающая среда, внешние факторы.

Современными исследователями практической психологии и педагогики этот термин трактуется по-разному, общим является определение понятия «среда» как совокупности условий, воздействующих на развитие личности обучаемого. В концепции средоориентированного обучения С. Ф. Сергеева, «среда – действительность, в которой происходит созидательная деятельность человека.<...> В процессе деятельности в среде человек меняет ее для достижения своих личных и социальных целей. В свою очередь измененная им и/или другими субъектами внешняя часть среды оказывает обратное влияние на субъекта» [15].

Среда питает и развивает личность, но не непосредственно, а через свою особую организацию, проявляющуюся в культуре. По утверждению Флоренского (*цит. по Зинченко В. П.*). «Культура – это среда, растящая и питающая личность» [8, с. 38]. Вместе с тем существуют взгляды на культурную среду как «совокупность условий, обеспечивающих некоторый педагогический результат» [13], как «определенную морально-психологическую обстановку, подкрепленную комплексом мер организационного, методического, психологического характера» [12], или как «совокупность социальных, культурных, а также специально организованных в образовательном учреждении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности» [10, с. 6–7]. С. Ф. Сергеев [15, с. 62] предлагает понятие «обучающей культурной среды» в рамках средоориентированного подхода к школьному обучению и отмечает, что каждый участник внутришкольных взаимодействий ведет себя как наблюдатель с его ограниченными возможностями по восприятию окружающих процессов и как действующий интерпретатор, влияющий на них, действуя в соответствии с собственным опытом. Каждое действие, будучи фактом опыта, в свою очередь порождает множество интерпретаций в других наблюдателях действующих также в пределах своего опыта. И как результат возникают их действия. Таким образом идет непрерывный поток взаимодействий, формирующий среду, которая включает общий опыт и культуру, связанные с совместной деятельностью участников педагогического процесса.

Ученый подчеркивает, что формируется культура, включающая не только стабильные элементы индивидуального опыта педагогов и культуру преподавания, но и более широкий контекст, отражающий обучающий контекст образовательного учреждения в целом. Вместе с тем, по мнению исследователя, школа как познающая система активна в своем взаимодействии с миром и служит для адаптации с окружающим миром, реализуя свою целевую функцию.

В. А. Ясвин [20, с. 14] определяет образовательную среду как систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении, рассматривая при этом данное понятие как родовое для понятий «семейная среда», «школьная среда», «локальная среда». Под последней автор понимает функциональное и пространственное объединение субъектов образования, между которыми устанавливаются тесные разноплановые групповые контакты. Данное понимание образовательной среды включает возможности проявления активности личности, ее участия в создании и изменении самой образовательной среды, продуктом которой эта личность и является. По мнению В. А. Ясвина, интегративным критерием качества развивающей образовательной среды является способность этой среды обеспечить всем субъектам образовательного процесса возможности для эффективного личностного саморазвития.

А. В. Могилев, А. Н. Шильман [11, с. 72–78] под образовательной средой понимают специально организованную совокупность образовательных (обучающих, воспитательных, развивающих) воздействий на индивида со стороны ближайшего окружения, учебных заведений и учреждений культуры, масс-медиа, предоставляемых ими услуг и сервисов, учебных и досуговых коллективов, образовательных и культурных мероприятий, учебных пособий, печатных изданий, средств обучения и коммуникации и т. п.

Подобное трактование понятия относится и к социальной сфере жизнедеятельности индивида, в которой среда определяется как окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности. Так М. Я. Басов [1], рассматривая «развитие человека как активного деятеля в окружающей среде», определил среду как целостную систему воздействий на человека. Системный характер социальной среды определяется взаимосвязями и взаимоотношениями ее субъектов в процессе деятельности. Эти идеи получили свое развитие в культурно-исторической теории Л. С. Выготского [5]. Диалектическая взаимосвязь внешнего и внутреннего, уникальные отношения среды и ее субъекта нашли свое отражение в его идее «социальной ситуации развития». В. И. Слободчиков [17, с. 177–185] отмечает, что принципиальная новизна идеи Л. С. Выготского заключается в том, что в его понимании социальная среда, культура – это не условие или один из факторов развития, а источник психического развития личности. Образовательное учреждение всегда порождает среду, в которой происходит постоянное порождение и разрушение ее культурного слоя, поэтому задачей образовательной культурной среды является в том числе и защита психики обучаемого от влияния враждебных (суб) культур.

Ряд авторов различают понятия «среда» и «пространство». Понятие «образовательное пространство» чаще всего определяется через понятия «педагогическая среда», «образовательная среда», «обучающая среда». По мнению И. Г. Шендрика [19], образовательное пространство, будучи формой единства людей, формируется в процессе их совместной образовательной деятельности, в ходе которой образующий субъект создает условия и возможности для образования субъекта, прямо или косвенно взаимодействуя с ним.

Образовательное пространство, которое является средой, освоенной человеком и приспособленной для решения определенных педагогических задач, возникает не само по себе, а формируется в результате специально организованной специфической человеческой деятельности. Человек создает свое пространство как понятную ему, наполненную смыслами эмпирико-рациональную реальность, в которой конкретные объекты для него обретают смысл и частью которой он является, свою культурную среду.

Хотя понятие «среда» и «образовательная среда» в современном психолого-педагогическом толковании имеют различные трактования, общим является представление об образовательной среде как о системе влияний, условий, возможностей формирования и развития личности обучаемого. При этом подчеркивается, что обучаемый включен в эту систему активным участником среды (С. Д. Дерябо, В. А. Козырев, В. А. Ясвин и др.).

Среда содержит в себе возможности для создания условий, способствующих образованию человека, т. е. обладает образовательным потенциалом. И. Г. Шендрик [19] определяет образовательную среду и как совокупность факторов, компонентов и параметров, планируемых на уровне системы институтов образования. Образовательная среда предстает как система культурных факторов, которая изобретается человеком, а образовательный процесс как процесс осмысления значения культурных фактов образовательной среды и превращения ее тем самым в образовательное пространство. «Образование есть не что иное, как процесс и результат освоения и созидания субъектом культурно приемлемых способов разрешения им проблем своего существования в некоторой среде, социуме, обществе, т. е. своего существования прежде всего как личности».

Образовательная среда, в которой оказывается современный человек, несет в себе определенные способы взаимодействия с окружающей его действительностью и самим собой, целенаправленно влияет на положение и поведение индивида в культурной среде. Вместе с тем, образовательная среда призвана осознать культурный императив современности и его сильное влияние на формирование мультикультурного сознания обучаемых таким образом, чтобы способствовать успешной интеграции личности в национальную и мировую культуру, сохраняя при этом культурное самоопределение индивида.

Познать и принять смысл иной, другой культуры невозможно без понимания ее идеально-ценностной составляющей. Понимание по А. Л. Креберу возможно лишь на основании сопереживания, вживания. «Это не означает, что надо стать полноценным членом другой культуры, ... но необходимо признать, что ценности надо почувствовать» [21, с. 373]. Поликультурная образовательная среда современного поликультурного общества способствует пониманию ценностей общечеловеческой, национальной и индивидуальной культуры разнокультурными индивидами внутри самой среды и способствует адаптации личности к культуре посредством образования. «Образование выступает средством трансляции культуры, овладевая которой человек не только адаптируется к условиям постоянно изменяющегося социума, но и становится способным к неадаптивной активности» [12, с. 121]. Образовательная среда формирует такую социокультурную ситуацию, которая позволяет человеку увидеть культуру в единстве многообразия и воспринять все то лучшее, что способны дать этническая, национальная и транснациональная культуры, способствуя, таким образом, становлению собственно этнического и общенационального самосознания. По мнению Р. Хенви: «Свобода культурного самоопределения индивида расширяет его ментальные возможности, делая субъекта «гражданином мира», способным верно понять те культурные артефакты, с которыми он сталкивается, но которые не принадлежат его культуре. Индивид уходит из-под диктата коллективного подсознания: границы культурных интерпретаций становятся подвижными, мир личности обретает полноту и глубину вновь осваиваемых смыслов; человек начинает лучше понимать другого человека, чья «инаковость» уже не настораживает, а оценивается как необходимое условие продуктивного диалога» [18]. Как подчеркивает Г. Д. Дмитриев в книге «Многокультурное образование» [6], в процессе развития ребенок выбирает ту или иную идентичность, однако он имеет право и на мультиидентичность, которая чаще всего культуросообразна интернациональной среде его становления и развития.

Многокультурная среда посредством образования формирует многокультурную личность, совершенно иную, более гармоничную форму существования современного человека; способствует становлению индивида, готового к активной созидательной деятельности в современном поликультурном и многонациональном обществе, умеющего жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас, верований. Саморазвивающаяся, самодостаточная личность, отвечающая за свои поступки, проявляющая себя субъектом, а не объектом социального бытия (Э. Фромм), сохраняющая при этом свою национальную идентичность, но при этом свободно реализующая себя в современном динамичном мире – вот социально-педагогический идеал личности поликультурного общества.

Библиографический список

1. Басов М. Я. Общие основы педологии. – СПб.: Алетея, 2007. – 776 с.
2. Библер В. С. От наукочтения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1991.
3. Бим-Бад Б. М. Обучение и воспитание через непосредственную среду: теория и практика // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета РАО. – 2001. – № 3.
4. Войнова Н. А. Формирование ИКТ –компетентности учащихся начального профессионального образования в образовательной среде учебного заведения. Дисс.. на соиск. степени к.пед.наук. СФУ. – Красноярск, 2009. – 198с.
5. Выготский Л. С. Психология развития личности. – М.: Смысл, 2005. 1136 с.
6. Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. – М., 1999.
7. Закон Российской Федерации «Об образовании». – М.,1993.
8. Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. – М.: Тривола. 1995.
9. Крылова Н. Б. Культурология образования. – М.: Народное образование, 2000.
10. Кулюткин Ю. Н., Тарасов С. В..Образовательная среда и развитие личности. – Новые знания. – 2001. – № 1.
11. Могилев А. В. Шильман А. Н. О понятии «образовательное пространство» // Педагогическая информатика. – 2005. – № 2.
12. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов.3-е изд. – М.: Школа-Пресс, 2000. – С. 121.
13. Рогонов П. Не званием единым (о духовно-нравственной подготовке студентов). // Высшее образование в России. – 1996. – № 4.
14. Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск: Наука,1992.
15. Сергеев С. Ф. Проектирование обучающих сред // Школьные технологии. – № 3. – 2006. – С. 58–65.
16. Сингх Р. Р. (Raja Roy Singh). Образование в условиях меняющегося мира // Перспективы: Вопросы образования. – Париж: ЮНЕСКО. –1993. – № 1.
17. Слободчиков В. И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры. – М.: Новые ценности образования: Культурные модели школ, 1997.
18. Талалова Л. Н. Интеграционные процессы в образовании: контекст противоречий: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 368 с.

19. Шендрик И. Г. Саморазвитие личности в контексте проектирования образования // Педагогика. – 2004. – № 4.
20. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365с.
21. Kroeber A.L. Anthropology Race. Language Culture Psychology/ Prehistory. – N.Y., 1948. – С.373.
22. Ramsey P.G. Teaching and Learning in a Diverse World / The 2dEd. – N.-Y.: Teachers College, Columbia University, 2002. – 240p.p.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ОРИЕНТИР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. В. Тараканова

**Саратовский государственный социально-экономический
университет, г. Саратов, Россия**

Summary. The article is devoted to the qualitative problem of formation of the global competitiveness of a nation and its dependence on the competence of agents of the labor market. The problems of professional incompetence of man-made man, the reasons for recourse to the competence approach, the basic definitions and components of competence. Justified by the need to explore private aspects of the implementation of competence approach.

Keywords: competence, functional illiteracy, global competitiveness.

Глобализация наложила отпечаток на международные и всемирные потоки капитала, затронула характер обращения с информацией, формы транспорта, коммуникаций и стиля жизни, одновременно уподобляя и обособливая их. Глобальная экономика лишила географические факторы их бывшего значения при принятии решений. Благодаря современным средствам связи и транспорта организации способны контролировать бизнес, где бы он ни располагался. Появилась возможность воспроизведения любого фактора производства в любой точке мира, за одним исключением, которым является квалифицированная рабочая сила. Предприятие может быть размещено где угодно, если там найдется адекватным образом подготовленная рабочая сила. Важным преимуществом государства становится его способность предложить эффективные и продуктивные общественные услуги, их удобное и привлекательное размещение, желание и умение граждан работать [4, с. 37].

Стала очевидна зависимость глобальной конкурентоспособности нации от компетентности ее рабочей силы. По мере перехода к экономике услуг изменились и требования к рабочей силе, которая сегодня выполняет иные виды работ и от которой требуются иные навыки. Неквалифицированные работники перестали пользоваться

спросом и в аграрной сфере поскольку в экономике услуг на первое место вышли интеллектуальные способности. В управлении персоналом в социально-трудовой сфере обозначились качественные проблемы, имеющие первостепенную важность для развития российского общества – изменение характеристик работы и изменение характера рабочей силы.

Таким образом, трудовой потенциал страны превратился в главный экономический ресурс. Доминирующее значение обрели качественные, а не количественные характеристики: трудовой потенциал каждого отдельного работника, уровень его квалификации, мотивация, способность обучения и приобретения новых профессиональных знаний и умений на протяжении всей жизни.

Для России качественный потенциал развития актуален, поскольку на сегодняшний день в России 62,3 % населения трудоспособного возраста, и согласно пессимистическому варианту прогноза Госкомстата, до 2024 гг. эта доля будет только уменьшаться и составит 55,8 %. Едва ли найдется что-то более важное для единства развития человеческого общества, чем концепция труда и позитивное отношение к труду. Способ труда определяет вид общества, за изменениями в его способе следуют изменения в обществе. Однако помимо широко обсуждаемых социально-экономических проблем, в российском обществе на социально-профессиональном и личностном уровнях обозначились негативные изменения, препятствующие качественному развитию – деформация морально-этических норм, регулирующих жизнедеятельность, функциональная неграмотность и некомпетентность.

«Общество в эпоху информационной революции столкнулось с колоссальным парадоксом – увеличение числа получивших образование и профессиональную подготовку одновременно сопровождалось процессом роста неграмотности (но особого вида) и *профессиональной некомпетентности* (как несоответствия требованиям научно-технической революции» – отмечает Ж. Т. Тощенко [10, с. 427]. Действительно, техногенный тип культуры, который на первых порах способствовал общественному прогрессу, ныне активно порождает средства уничтожения цивилизации. На личностном уровне это проявляется в том, что во всем мире в структуре личности начинают преобладать прагматизм и духовное оскудение, господство антинаучных предрассудков и падение престижа образованности [5]. Катастрофический характер этих тенденций отчетливо видел М. К. Мамардашвили, когда писал: «У меня ощущение, что среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной, главной и часто скрытой от глаз, является антропологическая катастрофа... Я имею в виду события, происходящие с самим человеком и связанные с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процессов жизни» [8]. К сожалению, в начале ново-

го тысячелетия эти слова выдающегося философа по-прежнему актуальны. Им вторит И. В. Бестужев-Лада: «Конечная цель человечества в XXI веке <...> только одна – выжить» [3].

Характерными признаками современной ситуации являются антропогенная изменчивость мира, доведенная до радикальной неустойчивости, и неопределенность точек и областей, которые чреваты риском широкомасштабных катастроф. Человечество и производство превратились в сверхсложные объекты и по этой причине перестали быть управляемыми и контролируемые централизованно, и требуют образования эффективной и всеобъемлющей системы «самонастройки». Наблюдается разрастание такого сравнительно нового явления, как функциональная неграмотность, ставшая бичом экономически развитых стран. Термином «функциональная неграмотность» обозначается состояние субъекта, имеющего образовательный сертификат, но не способного к эффективной деятельности в изменившихся условиях [1, с. 129]. Функциональная неграмотность – новый вид неграмотности, характеризующийся не отсутствием общеобразовательной подготовки, а неумением пользоваться имеющимися навыками. Хотя функциональная грамотность и обеспечивает нормальное функционирование личности в системе социальных отношений в конкретной социальной среде, она становится очевидной только при ее отсутствии [11, с. 1218]. Поскольку функциональная безграмотность тормозит развитие общественных отношений, то является не столько научной, сколько практической, деятельностной проблемой поиска механизмов ее ликвидации.

Причина ее появления – в расхождении образования и деятельности, противопоставлении научной и практической деятельности. Качество современного образования пока не удовлетворяет нуждам информационного общества. Немаловажен факт массовой работы выпускников вузов не по полученной специальности.

Ведущим качеством личности на современном этапе развития общества является готовность брать на себя ответственность в критических ситуациях, т. е. быть лидером. Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз и Й. Рандерс пишут: «Революция перехода к устойчивому развитию требует, чтобы каждый человек действовал как обучающийся лидер на своем уровне: от семьи до общины, государства, человечества в целом. От нас, в свою очередь, требуется поддерживать лидеров всех уровней в их обучении, создавая условия, позволяющие им учитывать неопределенности, проводить эксперименты и признавать ошибки... В условиях выхода за пределы, когда ощущается приближение катастрофы, для терпения и снисходительности остается немного места. Нужны решительные действия, смелость и ответственность» [9, с. 254].

Современный производственный процесс требует от человека более высокого, чем раньше, уровня развития интеллекта, осознанного принятия решений, гибкого реагирования. Современный работник

мысленно создает для себя модели, на которых он основывает свои действия, в то время как раньше можно было целиком полагаться на опыт, приобретенный в течение трудовой деятельности. Сегодня требуется экспериментальное (инновационное) мышление вместо стандартных решений. Работник также должен настраивать себя на сотрудничество и взаимодействие с другими, в том числе и с помощью современных информационных технологий. Таким образом, границы его деятельности, следовательно, и компетенции, расширяются, и уже не ограничиваются рабочим местом.

В. Г. Горохов отмечает, что производство научного знания неотделимо от его применения, а они вместе – от этики ученого и инженера. Власть и знания порождают социальную ответственность. Однако в России общественная мораль и профессиональная этика подверглась разрушительному влиянию. Социальный смысл профессиональной этики – снимать или опосредовать напряжение и противоречия, возникающие между общими моральными принципами и решениями, которые человек вынужден принимать, исполняя свои профессиональные обязанности. Профессиональные этические нормы так же привносят в профессию измерение социальной ответственности и ориентируют профессиональную деятельность на общее благо [2]. Однако для основной массы россиян работа является только источником материальных благ, а профессиональная деятельность не исключает нелегальных и неэтичных действий. Современному бизнесу присущи коррупция, стремление к ограничению конкуренции, опора на личные связи, гедонистическое манипулирование людьми.

Таким образом, главной проблемой глобализирующегося общества видится *преодоление профессиональной некомпетентности техногенного человека, выражающейся в функциональной неграмотности и отсутствии профессиональной этики.*

Формирование специфических требований к работникам прошло от выделения отдельных умений и навыков через составление комплексных квалификационных характеристик (профессиограмм) до появления категорий «компетенция» и «компетентность». Причиной обращения к компетентностному подходу стала недостаточная прогностичность методик предыдущего поколения и невозможность результатов тестов способностей и академических дипломов прогнозировать эффективное выполнение работы или успех в жизни.

Определению содержания категорий «компетенция» и «компетентность» посвящено большое количество отечественных и зарубежных работ. Западные исследователи акцентируют внимание на практическом применении компетентностного подхода в интересах усиления глобальной конкурентоспособности европейского пространства. Ж. Делор, Б. Оскарссон, С. Шо, W. Brezinka, Т. Hyland и ряд других сосредоточивались на формировании взаимосвязи системы образования и рынка труда через внедрение

компетентностного подхода. Исследователи, такие как Р. Бояцис, Л. Спенсер и С. Спенсер, С. Уиддет и С. Холлифорд, разработали списки компетенций для ряда профессий, ставя своей целью совершенствование процедур профессионального отбора и оценки персонала.

Отечественные исследования связаны в первую очередь с психолого-педагогической проблематикой и именами таких исследователей, как В. И. Байденко, А. И. Зимняя, А. И. Субетто, Н. В. Кузьмина, А. В. Хуторской и др. Детерминантом исследований стало вхождение России в Болонский процесс и принятие западной образовательной терминологии, а результатом – утверждение категорий «компетенция / компетентность», характеризующих результат образования – интегральный социально-личностно-поведенческий феномен, совокупности мотивационно-ценностных и когнитивных составляющих [7]. Компетентностный подход обозначен как необходимое условие соответствия системы образования современным требованиям и заключается в развитии ключевых компетенций, призванных в конечном итоге формировать профессиональную и социальную успешность. Компетентностный подход определяется как приемлемый при обучении любому предмету, и заключается в формировании универсальной целостной системы знаний, умений, навыков, опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности, позволяющие человеку понимать ситуацию, достигать результатов в личной и профессиональной жизни [12].

С точки зрения социологии вообще и экономической социологии в частности интересно понимание компетенции как специфических ожиданий работодателей и общества, связанное с профессиональной деятельностью. Компетенции можно определить как взаимосвязанные (профессиональные, специальные, деловые, инновационные и лидерские) качества личности, приобретаемые в определенной области и позволяющие специалисту включиться в профессиональную специфику деятельности.

И отечественные, и зарубежные исследователи подчеркивают необходимость морально-этического компонента компетентности, отражающего его отношение к предмету деятельности. Например, профессиональная компетентность определяется А. Д. Гонеевым и А. Г. Пашковым как интегральная характеристика деловых и личностных качеств специалиста, отражающая не только уровень знаний, умений, опыта, достаточных для достижения целей профессиональной деятельности, но и социально-нравственную позицию личности [6]. W. Brezinka описывает компетентность как относительно неизменные качества личности, которые оцениваются в общине, к которой мы принадлежим. В данном смысле это не просто некий навык, но добродетель, общее чувство совершенства и добра. Она включает в

себя способность быть «на высоте» в задачах, которые ставит перед нами жизнь [13].

На наш взгляд, категории компетентности и компетенции следует рассматривать как неклассические феномены, укоренившийся в отечественной практике и отражающий интересы таких социальных групп, как работодатели, образовательные институты и потребители образовательных услуг. Внедрение данных категорий максимально детерминировано процессом глобализации с его положительными и отрицательными последствиями, и минимально – необходимостью формирования всесторонне развитого, духовного человека в интересах предотвращения экологических катастроф, формирования Ноосферы и достижения устойчивого развития. Несмотря на существование многочисленных психолого-педагогических разработок, компетентностный подход требует изучения социокультурных условий его внедрения, в частности:

- изучение общих и специальных профессиональных компетенций, востребованных на российском рынке труда (спрос);
- возможностей работодателей адекватно формировать запрос на необходимые компетенции сфере образования;
- отношения различных социальных групп потребителей образовательных услуг к необходимости формирования компетентности;
- экономико-правовых и социальных возможностей формирования компетентности в рамках российских института образования и рынка труда;
- потребностей восточно-европейского рынка труда в компетенциях специалистов;
- общемировых тенденций развития спроса на компетенции в контексте формирования глобального рынка труда.
- построение и внедрение системы сертификации персонала на основе соответствия установленным требованиям;
- внедрение ценностей профессионализма, ответственности и компетентности в российское общество.

Библиографический список

1. Аллак Ж. Вклад в будущее: приоритет образования. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 168 с.
2. Апресян Р. Г. Профессиональная, прикладная и практическая этики // www.ethicscenter.ru/ed/apr.html.
3. Бестужев-Лада И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социс. – 2007. – № 4. – С. 22–33.
4. Бляхман Л. С., Сидоров В. А. Качество работы: роль человеческого фактора. – М.: Экономика, 1990. – 191 с.

5. Голубева О. Н. Концепция фундаментального естественнонаучного курса в новой парадигме образования // Высшее образование в России. – 1994. – № 4. – С. 23–27.
6. Гонеев А. Д., Пашков А. Г. и др. Педагогика профессионального образования // Профессиональное образование как педагогическая система: учеб. пособие. – М., 2004. – 368 с.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. – 5 мая. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию (беседа) // Вестник высшей школы. – 1989. – № 9. – С. 80–87.
9. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. За пределами роста. – М.: Прогресс, Пангея, 1994. – 304 с.
10. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.
11. Функциональная грамотность. Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1312 с. — (Мир энциклопедий).
12. Хуторской А. В. Ключевые компетенции. Технология конструирования // Народное образование. – № 5. – 2003 г. – С. 55–61.
13. Brezinka W. Competence as an aim of education // В. Spiecker and R. Straughan (eds.) Philosophical Issues in Moral Education and Development, Milton Keynes: Open University Press, 1988.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. В. Тарасенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article is devoted to the problems of development of the institution of continuing professional education in the context of the ideology of social partnership. The author examines the main approaches to understanding the social partnership concerning the scope of continuing professional education. The article includes key stages, forms and mechanisms of interaction between the partners of continuing professional education in terms of implementing partnerships among them.

Keywords: continuing professional education, social partnership, social-cultural model of education, voluntarism, accountability, openness, social and cultural interaction.

Актуальность социологического исследования социокультурных процессов, протекающих в сфере дополнительного профессионального образования (ДПО), определяется тем, что в формирующем-

ся постиндустриальном обществе знания становятся доминантной ценностью, реально обеспечивая развитие и конкурентоспособность нации. В современной России переход к постиндустриальному, информационно-технологическому развитию усугубляется трансформационным кризисом, при котором возникает ситуация растерянности, которая особенно остро переживается старшим поколением.

В складывающихся социокультурных и экономических условиях поиск оптимальных механизмов управления, включая и образовательную политику в сфере дополнительной профессиональной подготовки мобильных специалистов, в постиндустриальный век страны должны опираться не столько на закон, договор, экономическую целесообразность, сколько на взаимодействие, ответственность перед обществом и доверие.

В рамках проводимого автором исследования дополнительное профессиональное образование рассматривается не только как стратегический ресурс социально-экономического развития общества, региона, но как «место встречи» социальных субъектов, участников социального взаимодействия в сфере ДПО.

Отталкиваясь от такого видения проблемы, очевидной становится необходимость поиска точек соприкосновения всех субъектов в системе ДПО посредством организации социального партнерства, которое рассматривается как особый тип совместной деятельности, характеризующийся «доверием, общими целями и ценностями, добровольностью и долговременностью отношений, а также признанием взаимной ответственности сторон за результат развития всех субъектов образования» [1, с. 97]. Данный подход уже давно используется в развитых зарубежных странах в качестве метода решения социально-экономических проблем. Однако в российском обществе он до сих пор не получил распространения.

Неразработанность механизмов социального партнерства, сохраняющегося разрыва связей с работодателями, социальными партнерами порождает проблему разработки концептуальных основ формирования региональной социокультурной модели социального партнерства в системе дополнительного профессионального образования.

В рамках общей теории социального управления Г. П. Зинченко рассматривает понятие «социальное партнерство» как форму взаимодействия многообразных субъектов социума (государственных институтов, корпораций, некоммерческих организаций, социальных групп и др.), позволяющее им свободно выражать свои интересы и находить цивилизованные способы их реализации [2, с. 19]. Данное определение принято автором в качестве рабочего понятия при изучении механизмов социального взаимодействия в дополнительном профессиональном образовании как частном случае его применения.

Все совокупные субъекты социального партнерства в системе ДПО могут быть разделены на две группы: 1 – субъекты, вступающие

во взаимодействия между собой на мезосоциальном уровне (учреждения ДПО, органы государственной власти, работодатели); 2 – на микросоциальном (преподавательский состав учреждений ДПО и контингент обучающихся).

Социокультурная модель социального партнерства в дополнительном профессиональном образовании включает три культурных пространства: 1) гуманитарная культура, обеспечивающая диалог между социальными нормами, идеалами и терминальными ценностями-целями отдельных акторов, которые детерминируют их профессиональные предпочтения; 2) технологическая культура, обеспечивающая ориентацию общества на определенное качество профессионального образования и уровень научных достижений, что обуславливает актуальный набор профессиональных компетентностей; 3) профессионально-педагогическая культура, в пространстве которой выстраивается диалог между социальным заказом на профессиональное образование и инструментальными ценностями-средствами на уровне актора.

Таким образом, «партнерство» – это взаимодействие участников образовательного процесса, с одной стороны. С другой, социальное партнерство субъектов в системе ДПО – это отношения между коллективными субъектами, заинтересованными на определенном этапе взаимодействия в эффективности ДПО. К тому же партнерство является культурным явлением, потому что в нем отражены традиции конкретного этапа культурного развития общества.

Сущность социального партнерства заключается в равноправном взаимодействии социальных (административно-правовых, гражданских, культурных и образовательных учреждений), производственных субъектов и бизнес-структур, направленном на целесообразное выполнение профессионально-образовательной миссии образовательным учреждением системы ДПО [3, с. 45].

Каково содержание социального партнерства? Автору представляется, что взаимодействие учебного заведения в системе ДПО с социальными партнерами должно быть направлено на обеспечение всех основных аспектов модернизации дополнительного профессионального образования: 1) формирование стратегии развития учебного заведения; 2) содержание образования, организация образовательного процесса, контроль качества образования; 3) изучение рынка труда; 4) кадровое обеспечение; 5) материально-техническое обеспечение; 6) привлечение дополнительных финансовых средств.

Важным направлением взаимодействия с социальными партнерами в области содержания образования является их привлечение к разработке учебно-программной документации по подготовке специалистов. Такое взаимодействие должно быть направлено на обеспечение учета современных и перспективных требований к специалистам, предъявляемым со стороны работодателей.

Социальное партнерство призвано играть важную роль в обеспечении практического обучения участников образовательного процесса – потребителей дополнительных образовательных услуг, особенно по техническим специальностям, с использованием современного оборудования и технологий. С этой целью необходимо осуществлять: 1) организацию практического обучения слушателей с использованием современной технологической базы предприятий; 2) расширение взаимодействия с социальными партнерами по развитию производственной деятельности учебных заведений ДПО; 3) формирование учебно-производственных комплексов путем интеграции выше названных учебных заведений с производством.

Особое место партнерство занимает в процессе изучения рынка труда с целью обеспечения соответствия структуры и масштабов подготовки специалистов потребностям экономики. В связи с этим основными путями решения этой задачи являются следующие: 1) развитие взаимодействия учебных заведений системы ДПО и региональных служб занятости населения; 2) заключение и реализация договоров о подготовке специалистов между потенциальными работодателями и учреждениями в системе ДПО.

Управление учреждениями и структурными подразделениями системы ДПО на основе принципов педагогического менеджмента предполагает партнерство в области кадрового обеспечения образовательного процесса посредством привлечения к преподаванию в учреждениях ДПО специалистов, имеющих опыт профессиональной деятельности в соответствующих отраслях производства.

В условиях рыночных отношений немаловажное место отводится партнерству в сфере материально-технического обеспечения и привлечения дополнительных финансовых средств посредством заключения двусторонних договоров между работодателями и образовательными учреждениями. Средства, полученные от работодателей, могут быть использованы на развитие образовательного учреждения, в том числе для совершенствования образовательного процесса, проведения ремонтных работ и др.

Итак, партнерство может стать реальным социальным механизмом управления развитием системы дополнительного профессионального образования посредством последовательного и целенаправленного выполнения договоров о сотрудничестве.

Социальное партнерство как социальное взаимодействие в системе ДПО включает три этапа: 1) установление контактов посредством общения и диалога; 2) определение взаимной полезности посредством осмысления норм, идеалов и целей субъектов; 3) совместная целерациональная деятельность. Исходя из этого, можно смоделировать континуум социального партнерства.

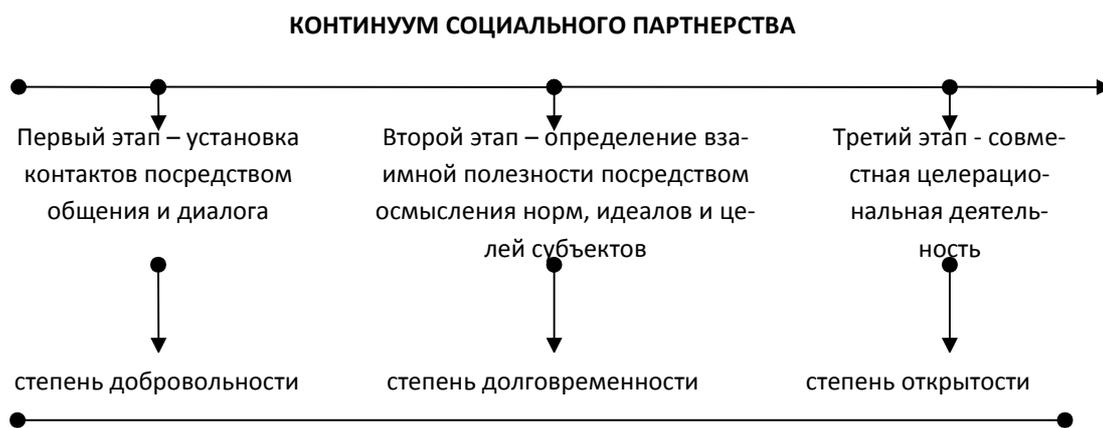
Первая точка континуума социального партнерства – это установка контакта на основе доверия, что обуславливает определенную степень добровольности со стороны каждого из субъектов.

Второй этап социального партнерства – это общение, во время которого происходит осмысление норм, идеалов и ценностей субъектов (ценности-цели). Доверие между партнерами должно чем-то подкрепляться. Практика показывает, что «опереться» можно исключительно на нравственную позицию субъектов, их убежденность в правильности тех целей, с которыми они вступают в социальный контакт [4, с. 35].

Для эффективного осуществления социального партнерства, необходимо выявить реальные потребности различных субъектов в региональной системе ДПО, а затем обратить внимание на осмысление ценностных установок, а именно: 1) нормы – это тот заказ от государства, который зафиксирован в образовательной политике и государственных стандартах; 2) идеалы – это обобщенные цели профессионального образования, зафиксированные в инновационном предвидении будущих специальностей, необходимых для развития страны; 3) цели – это идеал специалиста, зафиксированный в профессиограмме.

Следующим этапом является организация совместной деятельности по достижению определенных результатов. Здесь «проявляются» ценности-средства, которые детерминируют открытость социального партнерства.

Этапы и эффективность социального партнерства субъектов ДПО можно наглядно представить следующим образом (рисунок 1).

Рис. 1. Социальное партнерство как социокультурный феномен взаимодействия субъектов ДПО

Библиографический список

1. Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика. – М., 2001.
2. Зинченко Г. П., Рогов И. И. Социальное партнерство: учебник. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о»; Академцентр, 2009. – 224 с.

3. Исправникова Н. Р. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления // Глобализация и социальные изменения в современной России. – М.: Социологический факультет МГУ, 2006.
4. Новые ценности образования. Антропологический, деятельностный и кльтурологический подходы. Тезаурус: Выпуск 5 (24) // под ред. Н. Крыловой. – М.: МОО «Школа и демократия», 2005. – 182 с.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ШКОЛЕ

Е. Л. Кулакова, Т. А. Левчик
Профессиональное училище № 47 им. Е. Жилина,
г. Киселевск, Россия

Summary. Main problems connected with the studying of the social structure of society are represented in this article. Some recommendations are given to study the most difficult questions of this theme.

Keywords: society, social structure, elective course.

Современное общество не является однородным. Оно делится на группы, слои, классы. Основанием для такого деления может служить пол, возраст, доход, религия или иные показатели. Многим обществам присуще социальное неравенство. В связи с этим одним из базисных понятий современной социологии является понятие социальной стратификации.

Социальная стратификация – центральная тема социологии. Она описывает социальное неравенство в обществе, деление социальных слоёв по уровню доходов и образу жизни, по наличию или отсутствию привилегий.

В современном российском обществе эта тема получила особое значение, поскольку в процессе развития демократических и рыночных реформ социальная стратификация российского общества претерпела значительную трансформацию. Между тем полное и адекватное представление о формирующейся социальной стратификации является одним из условий эффективного решения социальных проблем в рамках экономической и социальной политики государства. Количественные и качественные параметры стратификации могут служить отправной точкой в формировании модели государственной социальной политики. Изучение динамики стратификационных процессов дает возможность оценить, насколько масштабны и интенсивны процессы трансформации социально-экономической структуры общества и какова их направленность. Изучение социальной стратификации российского общества в современных условиях приобретает особую актуальность.

Следует, однако, отметить, что на изучение вопросов социальной стратификации в школе отводится всего два часа, поэтому пред-

ставляется целесообразным включение в учебный план средней общеобразовательной школы факультативного курса «Социальная структура и социальная стратификация».

При проведении факультативного курса большую роль играет методика проведения занятий. Она должна обеспечить проведение интересных, разнообразных занятий, стимулировать познавательный интерес учащихся, побуждать их к самостоятельному поиску информации. Разнообразие проведения занятий предложенного факультативного курса «Социальная структура и социальная стратификация» обеспечивается наличием разнообразных форм: лекций, семинаров, деловых игр, дискуссий, практических работ. Как было уже отмечено выше, предложенный факультативный курс «Социальная структура и социальная стратификация» имеет практическую направленность, в нём на практическую часть отведено 16 часов. Это как раз и даёт возможность стимулировать самостоятельную исследовательскую деятельность учащихся.

Анализируя методику проведения занятий факультативного курса, дадим необходимые методические рекомендации для проведения конкретных занятий. Основная задача учителя при рассмотрении вводной темы – вызвать интерес учащихся к предлагаемому факультативному курсу, вследствие этого необходимо чётко обозначить его цель и задачи, обосновать актуальность данного курса. Здесь необходимо обратить внимание на то, что тематика предложенного курса особенно важна для школьников именно при выпуске из учебного заведения, поскольку в это время они готовятся самостоятельно вступить в жизнь, осуществляют выбор своего дальнейшего жизненного пути. Перед ними стоит задача самоопределиться, стать конкурентоспособными специалистами на рынке труда. Изучение же данного факультативного курса поможет им определить жизненные ориентиры, осознать и сформулировать свои жизненные ожидания, выработать активную жизненную позицию.

При изучении темы «Основные понятия социальной структуры общества» (проводится в форме лекции с элементами беседы) следует выделить основные понятия. Ими являются: социальная структура общества, группа, социальные группы, социальные общности, первичные и вторичные группы. Необходимо с помощью учащихся провести групповой анализ понятий, обратить внимание на: основные подходы к понятию «социальная структура общества»; многозначность понятия «группа; разновидности социальных групп; основные признаки социальной общности и специфику их интеграции; многообразие социальных общностей.

Также с помощью учащихся следует сравнить первичные и вторичные группы на основании их строения и функций.

Тема «Основные срезы социальной структуры современных обществ» изучается на семинарском занятии. Учащиеся готовятся к се-

минарскому занятию согласно предложенному плану, который включает в себя 5 вопросов: 1. Организационно-управленческая структура общества. 2. Социально-отраслевая структура общества. 3. Социально-территориальная структура общества. 4. Этнорасовая структура общества. 5. Социально-демографическая структура общества.

При ответе на вопросы семинарского занятия учащимся необходимо: раскрыть основные понятия; показать сущность основных срезов социальной структуры современных обществ; раскрыть пирамиду социально-отраслевой стратификации; выделить особенности социальной структуры населения в социально-экономических регионах, сделав особый акцент на районе проживания; раскрыть причины и последствия процессов урбанизации; показать место и значение этностратификационных процессов в экономическом и социальном развитии России в XXI веке; выделить основные демографические характеристики людей; сравнить различные демографические группы с точки зрения их функций и положения в обществе.

Урок по теме «Исходные понятия теории социальной стратификации» проводится в форме дискуссии (Приложение В). При изучении этой темы следует: раскрыть понятия: социальное неравенство, социальная дифференциация, социальная стратификация, страты; выделить критерии стратификации: социальные, экономические, профессиональные, политические; охарактеризовать власть как основной критерий социальной стратификации; проанализировать собственность и социальный престиж как критерии социального неравенства.

Основной акцент в ходе дискуссии следует сделать на причинах социального неравенства, необходимости, возможности и способах их устранения в современном российском обществе, необходимо выяснить отношение школьников к этим вопросам, привести примеры из жизни.

Тема «Типы стратификационных систем» изучается на семинарском занятии. План семинарского занятия предусматривает следующие вопросы:

1. Понятие стратификационной системы.
2. Основные типы стратификационных систем в истории человечества: рабовладельческая, кастовая, сословная, профессиональная, классовая.
3. Общество как комбинация стратификационных систем.

В ходе рассмотрения вопросов семинарского занятия особое внимание следует сделать уделить стратификационным системам в современном российском обществе. Необходимо выяснить, какие типы стратификационных систем наиболее характерны для современного российского общества, возможно ли одновременное существование всех стратификационных систем в одном обществе.

Учителю необходимо обратить внимание на то, что процессы расслоения в современном российском обществе можно понять и объ-

яснить во всем объеме, только учитывая исторически действующие в нем механизмы слоеобразования. Эти механизмы в немалой степени определялись характером русской культуры, а на этапе ее становления – самым местом расселения восточнославянских племен между западноевропейской цивилизацией и цивилизациями Востока. Так, географическое положение страны, растянутость и низкое качество коммуникаций, редко расположенные городские центры в узлах связей, их уязвимость – все это сказывалось на темпах накопления, способах сохранения социокультурного фонда, влияло на конкретные формы перераспределения социальной энергии и культурного ресурса. Следует учитывать влияние на расслоение и инокультурного опыта.

В настоящее время за исторически короткий отрезок времени в обществе резко поляризовались богатые и бедные слои. Наиболее дестабилизирующим фактором для стратификационных процессов является разрастание численности маргинальных слоев: безработных, лиц без определенных занятий и места жительства, беженцев, а также участников преступных группировок. Разрушение привычных форм организации труда, быта, а также культурных норм и ценностей обуславливает появление большого числа людей, утративших прежний социальный статус, а поэтому отчаявшихся, отказавшихся от нравственных принципов поведения.

Следует выяснить отношение учащихся к этим процессам, их мнение о возможных путях решения существующих негативных тенденций.

Урок по теме «Теории стратификационных систем и социальной мобильности» предполагает проведение лекции с элементами беседы. В ходе лекции и в процессе беседы с учащимися необходимо: проанализировать основные понятия темы; раскрыть основные положения веберовской стратификационной теории; выделить виды и формы социальной мобильности; охарактеризовать исторические тенденции социальной мобильности; выявить основные тенденции социальной мобильности в современном мире (сделав акцент на современную российскую действительность).

Важно обратить внимание на причины и следствия социальной мобильности, выделив при этом положительные и отрицательные её последствия.

Тема «Современные типологии классов» предусматривает проведение практической работы.

Цель данной работы – формирование у школьников навыков исследовательской работы.

В ходе работы учащимся предлагается в результате самостоятельной работы с литературой и материалами периодической печати заполнить таблицу «Современные типологии классов» по следующему образцу:

При- знаки классов	Их сущность						
	высший класс		средний класс			низший класс	
	верх- ний выс- ший класс	ниж- ний выс- ший класс	верх- ний сред- ний класс	сред- ний сред- ний класс	ниж- ний сред- ний класс	верх- ний низ- ший класс	ниж- ний низ- ший класс

После заполнения таблицы следует привести примеры существования этих классов в современном российском обществе. Учащиеся работают в микрогруппах по 3–4 человека.

Тема «Стратификация в советском обществе» изучается в форме дискуссии. В ходе дискуссии необходимо обсудить вопросы:

- социальная структура советского общества;
- бесклассовый квазисословный характер советской стратификационной системы.

Целесообразно также выявить характер стратификационных иерархий в обществе советского типа, тенденции изменений социальной структуры советского общества.

Учитель должен подчеркнуть, что в стратификации советского общества, пронизанного насквозь административным и политическим контролем, ключевую роль играла этакратическая система. Стабильность политической системы обеспечивалась за счёт устойчивого положения руководящего слоя, ключевые места в котором занимали представители политической и военной элиты, а подчинённые места – хозяйственной и культурной.

Совместно с учащимися нужно выделить характерные показатели этакратического общества: слияние власти и собственности; преобладание государственной собственности; государственно-монополистический способ производства; доминирование централизованного распределения; милитаризация экономики; сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре государственной власти, распространяющейся на подавляющую часть материальных, трудовых, информационных ресурсов; социальная мобильность в форме организуемой сверху селекции наиболее послушных и преданных системе людей.

По теме «Стратификация в постсоветском обществе» согласно программе факультативного курса проводится деловая игра «Конкурс знатоков».

Цель конкурса – стимулировать интерес учащихся к изучению вопросов стратификации в современном российском обществе.

В деловой игре участвуют четыре команды (микрогруппы по 4–5 человек). Следует отметить, что групповая работа особенно эффектив-

на, так как стимулирует активность школьников, их творческую деятельность, развивает ответственное отношение к общему делу, учит взаимодействовать между собой, принимать совместные решения.

Оценивает результаты жюри, которое может состоять из педагогов и учащихся. Оно определяет баллы, которые зарабатывает каждая команда на этапах конкурса и по сумме баллов определяет победителя.

Конкурс состоит из пяти этапов. На первом этапе учитель задаёт вопросы каждой команде, на втором – по одному вопросу каждому участнику в каждой команде. Третий этап конкурса называется «Кто больше?». На этом этапе за 1 минуту нужно написать на листочке максимальное количество понятий, связанных с темой урока. Правильность написания понятий одной командой оценивает другая команда, она же задаёт два вопроса первой команде по этим понятиям. Примеры понятий: элита, поляризация общества, сегментация рынка труда, социальная маргинализация. Четвёртый этап конкурса «Конкурс обозревателей». Один участник от команды должен сделать обзор материалов периодической печати о проблемах стратификации в современном российском обществе (каждая команда, готовясь к игре, должна проанализировать в нужном направлении несколько номеров какого-то социологического издания (например, журнала «СОЦИС») или газет (например: «Аргументы и факты», «Труд», «Комсомольская правда»).

Итоговое занятие факультативного курса предусматривает защиту рефератов учащихся, подготовленных ими в ходе изучения факультативного курса.

Реферат должен отвечать определённым требованиям:

1. Методологические требования состоят в следующем: учащийся должен показать владение теорией, дать определения вводимым понятиям, показать понимание социального явления и его роль в российском обществе.

2. Методико-процедурные требования раскрываются через наличие следующих структурных элементов работы:

Обложка: включает полное наименование школы; название темы реферата; сведения об исполнителе (Ф.И.О. учащегося, класс); сведения о руководителе; место и год выполнения реферата.

Оглавление. Нумерация страниц в оглавлении, постраничная в работе.

Введение: характеризует актуальность и значимость проблемы, обоснование выбора темы, цель и задачи работы.

Основная часть: раскрывает содержание темы, должно быть изложено полно, ясно, логично, на основе собственного анализа источников информации.

Заключение: делаются основные аргументированные выводы, общий итог работы (достижение цели и задач).

Список литературы. Не менее 3-х источников литературы.

Объем работы. В печатном исполнении 6 – 10 страниц.

Итог: учащийся углубляется в ту тему, которая наиболее интересна для него, самостоятельно работает с источниками и высказывает свое мнение на уроке.

Повторение по материалам факультативного курса проводится также в форме деловой игры. В данном случае предусмотрена игра-аукцион «Социальная структура и социальная стратификация» (Приложение Е).

Цель игры – актуализировать знания учащихся по теме факультативного курса.

Игра проводится в интересной занимательной форме. Она также предусматривает деление школьников на микрогруппы. Каждая микрогруппа перед началом аукциона получают в банке (роль банкира играет один из учеников или сам педагог) первоначальный капитал в виде краткосрочного кредита под 30 % годовых в размере 1000 игровых рублей (или других игровых денежных знаков). Одновременно с игровыми деньгами школьники получают номер участника аукциона. Правильный ответ на вопрос приносит участнику (команде) определенный доход.

Игра включает три тура. Первый тур – «Открытый лот» – «Конкретный вопрос». Прежде чем купить или не купить вопрос, участники узнают, на какой вопрос и по какой теме они будут отвечать. Второй тур – «Полузакрытый лот» – «Конкретная область знаний». Участники знают – по какой теме будет задан вопрос, но сам вопрос заранее не знают. Третий тур – «Закрытый лот» – «Неизвестный вопрос». Покупая вопрос, участники не знают ни самого вопроса, ни темы, из которой он взят.

В заключение игры аукционист просит всех участников определить сумму наличных денег, вернуть взятый в банке кредит и 30 % годовых за пользование им (т. е. 1300 руб.), а затем называется победитель, т.е. участник, у которого остается на руках больше всего денег.

Итак, представленные формы проведения занятий достаточно интересны и разнообразны: это лекции, семинары, дискуссии, деловые игры, практические работы. Предложенные формы и самостоятельная работа, предусмотренная в заявленном курсе, позволяют стимулировать познавательный интерес учащихся, будут способствовать активизации их деятельности, помогут осознанному получению знаний.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Н. В. Проказина

**Орловская региональная академия государственной службы,
г. Орел, Россия**

Summary. The article deals with a massive level of development of sociology of culture in the region, designated by the author as «superficial». The classification of «superficial» level sociology of culture in the region. Conclusions and article are based on the author's sociological research.

Keywords: Orientation and set about sociology and sociological research, sociological culture, the massive level of public consciousness.

Одна из основных внутренних потребностей общества состоит в знании о самом себе, о характере социальных изменений, переживаемых этим обществом [1, с. 7]. Реализация этой потребности связана с уровнем развития социологической культуры.

Под социологической культурой понимаем систему ориентаций и установок относительно восприятия социологии, социологических исследований, социологов; совокупность социологических взглядов, знаний и убеждений и социологическое воображение, проявляющиеся в практической деятельности.

Выделяют индивидуальный, групповой и массовый уровень социологической культуры.

Массовый уровень социологической культуры можно в целом охарактеризовать как поверхностный уровень. Это обусловлено тем, что его анализ может быть осуществлен с учетом таких показателей, как ориентации относительно социологии, деятельности социологов и социологических исследований [2].

Модель «поверхностного уровня» включает в себя три типа культуры.

Культура «позитивной заинтересованности» характеризуется наличием интереса к социологическим исследованиям (56,2 %).

Женщины проявляют большую заинтересованность, чем мужчины (57,8 % и 42,2 % соответственно).

Оценка заинтересованности с позиции уровня образования позволяет сформулировать следующую закономерность: чем выше уровень образования, тем больше заинтересованность (11,7 % – с общим средним образованием; 10,7 % – с начальным профессиональным образованием; 32,7 % – со средне профессиональным образованием; 44,9 % – с высшим образованием).

Наибольшая заинтересованность в социологических исследованиях прослеживается у лиц старшего возраста (32,2 %), а заинтересованность молодежи можно охарактеризовать как низкую (18,3 %).

В возрастной группе от тридцати до шестидесяти лет у каждого четвертого сформирован интерес к социологическим исследованиям.

Из числа респондентов, у которых информация о социологических исследованиях вызывает интерес, подавляющее большинство убеждено в отражении результатами исследований реальных мнений граждан (47,8 % – частично отражают; 37,1 % – отражают).

Убежденность в целесообразности проведения социологических исследований доминирует у тех, кто интересуется социологическими исследованиями.

Следует отметить, что при наличии заинтересованности в социологических исследованиях и признании целесообразности проведения исследований у половины респондентов, лишь четвертая часть из них убеждена в том, что результаты исследования отражают реальные мнения граждан, и почти половина убеждена в том, что результаты лишь частично отражают реальные мнения граждан.

Можно выделить две основные причины подобной ситуации. Первая связана с отрывочными, поверхностными суждениями о социологических исследованиях.

Социология ассоциируется как определенный фон других событий и явлений. В результате население воспринимает социологию односторонне: как инициатора и организатора массовых опросов общественного мнения (в основном, в отношении электоральных вопросов и политики). Прослеживается позитивное отношение к социологическим исследованиям в целом со стороны населения, с одной стороны, и упорщенное отношение к социологии – с другой.

Вторая причина обусловлена тем, что при недостаточном уровне социологического воображения индивиду достаточно сложно выйти за рамки восприятия действительности с точки зрения личного опыта. Поэтому и может возникнуть ситуация неуверенности в достоверности результатов социологического исследования.

Культура «отрицания» характеризуется полным отсутствием интереса к социологическим исследованиям (36,4 %). Наблюдается убежденность в том, что результаты опросов не отражают реальные мнения граждан (20,6 %). Прослеживается уверенность в том, что опросы общественного мнения не нужны (19 %).

Для представителей этого типа культуры преобладающим выступает отсутствие интереса к информации о социологических исследованиях.

Интересно, что в группе незаинтересованных в социологических исследованиях признают их частичное отражение реальных мнений граждан 42,2 %, а 10,1 % – указывают на полное совпадение. Таким образом, даже в группе с низким уровнем заинтересованности в социологических исследованиях преобладает уверенность в отражении результатами опросов реальных мнений граждан.

В группе респондентов, убежденных, что результаты не отражают действительные мнения граждан, 40,5 %, несмотря на это, признают необходимость проведения социологических исследований; и все же большинство 50,2 % считают, что опросы не нужны.

Следует подчеркнуть, что преобладает мнение относительно целесообразности проведения социологических исследований и у тех, у кого прослеживается низкий уровень заинтересованности в социологической информации (46,8 % – признают необходимость проведения социологических исследований; 39,7 % – отрицают).

Для носителей культуры «отрицания» характерна определенная открытость к социологическим исследованиям, частично признание их достоверности и целесообразности.

Культура «сомнения» определяется отсутствием убежденности в интересе к социологической информации, респонденты затрудняются в оценке своего интереса. Преобладающим фактором в этом типе культуры выступает затруднение при оценке достоверности результатов социологических исследований. Этот тип культуры характерен для очень незначительной группы населения.

В целом проведенный анализ показывает, что преобладает культура «позитивной заинтересованности». Значительная часть населения не только убеждена в необходимости проведения опросов общественного мнения, но и интересуется их результатами. Результаты массовых опросов вызывают доверие у граждан.

Распределение ответов на вопрос о целях проведения социологических исследований показывает, что треть респондентов убеждена в том, что их цель – узнать мнение простых людей для его использования при решении наиболее проблем (30,7 %). Примечательно, что вторая группа видит цель в получении данных об общественном мнении по какой-либо проблеме (27 %). Представленные результаты позволяют сформулировать вывод: население заинтересовано в том, чтобы его мнение учитывалось при решении наиболее проблем, а социологические исследования воспринимает как один из инструментов их разрешения.

Однако лишь незначительная часть населения убеждена в том, что цель социологических исследований – предоставление информации представителям органов власти, предпринимателям для повышения эффективности их деятельности (12,1 %).

Таким образом, социология воспринимается населением как организатор социологических исследований для изучения общественного мнения. Население не осознает и не воспринимает социологические исследования как серьезную составляющую управленческой, предпринимательской деятельности.

Третье место в иерархии целей социологических исследований респонденты отводят теоретической составляющей: изучить особен-

ности, структуру и проблемы общества с целью научного познания (13,8 %).

Незначительное количество опрошенных выделяют такие цели, как: выполнение определенного заказа с целью заработка (6,5 %), использование информации для оказания влияния на людей (5,8 %), получение информации о личной жизни и имуществе для использования в корыстных целях (2,8 %). Это свидетельствует о том, что социология в глазах населения на региональном уровне не дискредитировала себя.

Анализ ответов на вопрос о деятельности социологов свидетельствует о том, что в оценках населения преимущественно социологи занимаются изучением общества (34 %), на втором месте – находится изучение общественного мнения (22,2 %), на третьем месте – проведение социологических исследований по актуальным проблемам общества (16,2 %).

К сожалению, профессиональная деятельность социологов в массовом сознании не связана с властными структурами. Деятельность социологов как сбор информации для предоставления ее органам власти выбирают 10,8 % респондентов.

Несмотря на то, что всплеск интереса к социологическим исследованиям приходится на электоральный период, только 6,9 % опрошенных считают, что социологи занимаются проведением исследований по изучению электорального поведения.

Деятельность социологов в массовом сознании слабо ассоциируется с преподавательской деятельностью (5,2 %), и коммерческими исследованиями (1,7 %).

Таким образом, следует отметить достаточно благожелательное отношение как к социологам, так и к социологическим исследованиям. Полученные результаты свидетельствуют о том, что особенностями развития социологической культуры в массовом сознании являются доверие к социологическим исследованиям, надежда на активное использование результатов опросов общественного мнения для повышения качества жизни. Следовательно, основными задачами социологов, связанными с развитием социологической культуры на уровне массового сознания являются расширение информационной поддержки, активизация деятельности по взаимодействию с властными структурами с целью включения полученных результатов в процессы принятия управленческих решений.

Библиографический список

1. Здравомыслов А. Г. К вопросу о культуре социологического мышления // Социс. – № 5. – 2008.
2. Проказина Н. В. Массовый уровень развития социологической культуры // Регионология. – № 3. – 2010. – С. 189–193.

ЭСТЕТИЗАЦИЯ СМЕРТИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ГОТИКИ

М. А. Антипов

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. The article is devoted to the gothic subculture and its features. The author proves the idea that the core of modern gothic is particularly relevant to the death, which consists in its aestheticization. Thus, the goths express their protest against the soulless modern society based on consumption and glamour.

Keywords: gothic, aestheticization, death, glamour.

Так называемая готика – это чрезвычайно сложное культурное явление современности, главным императивом которого изначально было ненасильственное противостояние властным структурам, воплощенным в государстве и его организациях. Готические музыкальные группы пытаются предстать, с одной стороны, как утонченные, таинственные, мрачные и загадочные объединения молодежной субкультуры, с другой – как люди с прекрасным внутренним содержанием и состоянием, для которых характерны созерцание прекрасного, возвышенного, но окрашенного мрачным пафосом скорби, а также отрешенность и недоверчивость к обществу.

Чтобы проанализировать понятие готической субкультуры, нужно выяснить, какие ценности, убеждения, аттитюды и жизненные стили присущи современным готам. Готическое мировоззрение характеризуется пристрастием к «темному» восприятию мира, в котором важнейшее место занимает особое отношение к смерти. Сложно описать все составляющие такого комплексного понятия, как готическое мировоззрение, но в целом это особый романтично-депрессивный взгляд на жизнь, отражающийся в поведении (замкнутость, частые депрессии, меланхолия, повышенная ранимость), восприятии реальности (эстетизация смерти, мизантропия, утонченное чувство прекрасного, пристрастие к сверхъестественному), отношениях с обществом (неприятие стереотипов, стандартов поведения и внешнего вида, антагонизм с обществом, изолированность от него).

Готика является феноменально эклектичной и сложной эстетической формой – за несколько десятилетий она обрела всё новыми и новыми ассоциациями с какими-то художественными течениями прошлого, и в итоге превратилась в многогранное и сложное явление, заимствующее символы и идеи у эпохи нового времени, обращаясь к средневековью, и даже к древнеегипетской цивилизации.

Готический стиль идёт наперекор общественным ценностям – к свободе самовыражения и уничтожению всяческих табу. Вероятно, первоначально отголоски «вампирского» стиля из старых ужастиков,

имели аллегорическое значение – выбеленное лицо, чёрные тени – как анти-жизнь. Анти-жизнь или смерть в общественном понимании, но на самом деле – просто иная жизнь, которую не поймёт обыватель. Уход от повседневности во всём – через обращение к прошедшим эпохам и образам, через облачение в странную одежду – разумно сопровождается модификациями тела – в готической среде особо распространён пирсинг. Это ответ на общественно признанный стиль. В контексте общества, стремящегося на обложках глянцевого журналов к «натуральной» и «природной» красоте, готика – это анти-натуральная красота, анти-мода и в частных случаях – анти-красота.

По моему мнению, готика – это субкультурная форма подчёркнуто-творческого нонконформизма под влиянием эстетизации смерти. Возникновение и развитие готической субкультуры в нашем обществе можно объяснить тем, что современный российский социум характеризуется преобладанием готических (в смысле диких, патриархальных) тенденций. Так, по мнению Д. Р. Хапаевой, основной готической чертой нашего социума является то, что «структурообразующим элементом социальной ткани нашего общества становится зона, опыт концентрационной вселенной, опыт концентрационного лагеря» [2, с. 91]. Но готика – это не только дикость и варварство, готика – это, скорее, специфическая эскапистская форма социального бунта, не подразумевающего преобразования и тем более деструкции существующих норм общепринятой культуры и общественных стереотипов. Современная готика – это форма протеста против гламура, являющегося, по мнению, Д. В. Иванова, «рациональностью сегодняшнего капитализма», то есть основой современного общества [1, с. 9]. Эстетизируя смерть и идя тем самым наперекор общественным стереотипам, согласно которым смерть – это нечто отвратительное, пугающее и вызывающее у обывателя панический страх, современные готы демонстрируют неприятие современного общества потребления, общества в котором «бал правит» гламур. Гламуризация общества проявляется в том, что мериллом ценности и красоты любого явления или даже человека стала не духовная сущность, не подлинная красота, а яркая, бросающаяся в глаза внешняя форма, оболочка. Примеров тому множество: современные поп-группы-однодневки, современные ведущие, популярные в молодежной среде, современные образцы моды.

Трактовать «тёмный» оттенок очень просто – во время становления и на начальных этапах он олицетворял противопоставление «новым романтикам», то есть тогдашнему «гламуру». Сейчас тёмные цвета тоже очень хорошо подходят к форме протеста общественным идеалам. Люди могут называть этот оттенок «ношением траура по убогому миру», придумывать что угодно, но суть остаётся при любом рассмотрении: тьма – это протест.

Следует отметить, что «тёмный» оттенок является не чем иным, как негативом, обратной стороной с точки зрения символики и архе-

типов истории европейского общества. Так, с культурологической точки зрения, «тьма» и её олицетворение приобретает большую завершенность и осмысленность в концепции европейской культуры. Выделяются архетипы негативные, доступные аналитической психологии в отрицательных мифопоэтических образах: «колдун», «демон», «черт». Эти отдельные архетипические образы относятся к архетипу Тени, происходящему из негатива картины мира – той его части, которая остается непознанной.

Здесь мы видим глубинное психологическое значение и смысл негативных форм поведения: протеста, нарушения запретов, деструктивной или самодеструктивной деятельности. Между тем образ врага – лишь один из вариантов архетипа антипода, экстраполирующего «темные» стороны личности. Символическая оппозиция жизни и смерти подчинена задаче структурирования социума, в результате чего общество делится на организованное коммуникативными нормами большинство и не соответствующее этим нормам меньшинство.

Поэтому «тёмный» образ как протест выбран не случайно. Именно поэтому люди носят определённую («странную» для обывателя) одежду, экспериментируют с макияжем, прослушивают нестандартную музыку, гуляют по «странным» для обывателя местам (развалины, кладбища), увлекаются прошедшими эпохами (средневековье, викторианская эпоха), увлекаются малопопулярными религиозными и оккультными практиками, и так далее.

Готические музыкальные композиции в сочетании с текстами, которые «создаются» молодыми людьми для себя, для познания своей индивидуальной сущности, ощущения эмоциональной боли и бессознательного протеста против действительности оживляют в памяти образцы готических соборов. Массивность, мрачность внешней и внутренней атрибутики готических храмов проявляется у современных готов в одежде – тотально черного цвета, в «готических ирокезах» насыщенного черного цвета, чего некоторые готы добиваются с помощью гуталина: «ирокез у истинного гота должен раздвоиться, растроститься, расцветвериться, вызывая ассоциацию с рогами дьявола, крыльями ворона или летучей мыши». Черный цвет для готов – защита (по их мнению) от «тотально серой однообразной жизни», своеобразный протест против общественной усредненности, стереотипов и представлений, прививаемых официальной культурой всему населению.

Субкультурная сердцевина готов усиливается еще и особой символической эмблематикой: шиповатые браслеты и ошейники, гробики, черепа, летучие мыши, восьмиконечные звезды как символы хаоса и др. Все эти украшения субкультуры готов имеют своей целью противостояние капиталистическому обществу потребления, транснациональным корпорациям, мировому терроризму, перекраиванию карты мира, постоянным «локальным войнам», экономической политике ведущих государств.

Таким образом, готика как феномен современной культуры является откликом молодежи на современные условия, сложившиеся в нашем обществе. Готы всем своим видом, идеологией и музыкой, отрицающими ценности традиционной культуры, главнейшей из которых является жизнь, протестуют против недостатков социума: проявлений обезличенности, гламуризации и дегуманизации социальных отношений, замены истинных ценностей квази-ценностями, подлинных качеств, должных и обеспечивать достижение высокого социального статуса и вызывать уважение, гламуром. Симпатия готы ко всему темному, эстетизация смерти – это формы бегства от гнетущей социальной системы с ее порядками, нивелирующими личность и отчуждающими ее от подлинных основ бытия.

Библиографический список

1. Иванов Д. В. Глэм-капитализм. – СПб., 2008.
2. Хапаева Д. Р. Цена забвения: российское готическое общество. – СПб., 2007.

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСА ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В. О. Кобызева

**Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь,
Россия**

Summary. Young people actively use modern facilities of communication for intercourse in virtual space. It extends the circle of intercourse and instrumental in self-realization. Simultaneously virtual communications result to reduction of social interaction and narrowing of social communications.

Keywords: young people, communication, virtual communication.

Активное распространение современных средств коммуникации ведет к увеличению значимости виртуального общения и его доли в жизни молодых людей. Специфика современной молодежной культуры заключается в том, что зачастую молодые люди склонны проводить свободное время в своей комнате за экраном компьютера с имеющимся выходом в интернет. Когда же молодежь организует свой досуг таким образом, что оказывается в общественных местах или же общается с друзьями, юношей и девушек повсюду сопровождают мобильный телефон или же ноутбук, дающие возможность в любой момент выйти в Сеть и, соответственно, общаться в виртуальной среде.

В свое время М. Маклюэн, характеризуя нового «Электронного человека» говорил, что он выбирает диалог и незамедлительную вовлеченность в общение [1]. Исследователи В. А. и С. В. Михайловы, характеризуя Сеть, отмечают, что «глобальность, как характерная черта

виртуального общения, имеет характер потенциальности: в непосредственном интернет-контакте индивид находится с очень узким кругом людей, однако потенциально может выйти на любого и каждого» [1].

Возможность всегда «быть на связи», совмещенная при этом с осознанием интимности процесса общения, когда никто из посторонних не способен проконтролировать, с какими людьми и на какие темы ведется разговор, оказываются весьма привлекательны для молодых людей.

По словам исследователя А. А. Сычёва, Сеть, с одной стороны, предлагает условия для сохранения и формирования групповых ценностей, позволяя единомышленникам объединяться и свободно общаться, дифференцируясь от других групп. Однако, с другой стороны – и процесс этот более интенсивен – глобальность Сети, размытость социальных различий постепенно уничтожает границы дифференциации, формируя цельное интернет-сообщество с универсальными коммуникативными нормами, интересами и ценностными ориентирами [2].

Многочисленные исследователи говорят, что в виртуальных социумах людей как таковых нет, скорее следует говорить о виртуальных образах, созданных реальными людьми. В силу изначальной анонимности и невидимости, являющихся следствием отсутствия визуального ряда в сетевых коммуникациях, молодой человек обычно творит себе виртуальный образ согласно своим желаниям и возможностям [3].

Так, виртуальная коммуникация позволяет молодым людям заполнить свободное время, способствует самореализации, пусть и в виртуальной среде, и, наконец, существенно расширяет круг общения, стирая как территориальные, так и национальные и этнические границы.

Однако исследователи В. А. и С. В. Михайловы к негативным последствиям распространения виртуального общения относят сокращение социального взаимодействия, сужение социальных связей (вплоть до одиночества), формирование неадекватности социальной перцепции и проч. [1].

Библиографический список

1. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации», СПб.: – Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 34 – 52
2. Сычёв А. А. Юмор в Интернет-коммуникации: социокультурный аспект // http://www.fictionbook.ru/author/sychiev_a_a 03.06.2010
3. Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions> 17.08.2010

ЭФФЕКТЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ ЧЕРЕЗ ТВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

С. Е. Ковалева

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. The author of article considers that the TV became for a long time already an integral part of life of modern youth. The television was the present break in the field of the information and communications. Actually television communications it is not so much means of entertainment, how many a way of information transfer, trying to influence and operate public opinion. The question on that, harmful or useful influence renders television on the person, remains disputable.

Keywords: television, modern youth, public opinion.

В последнее десятилетие возрос интерес исследователей к механизмам влияния массовой коммуникации на сознание молодежи. Но проблема влияния массовой коммуникации на жизненные установки нового поколения россиян остается малоизученной. Нет специальных исследований по определению места СМК в информационно-культурном пространстве молодежи, отсутствует обобщение влияния современных СМИ на формирование базовых ценностей, патриотических чувств молодежи и поведенческих стереотипов. Такой вид СМИ, как телевидение, стало одним из заметных элементов жизненной среды современного человека. Мир звуко-зрительных образов вторгается во все сферы социокультурной жизни, косвенно влияя даже на тех людей, которые по каким-то причинам не ориентированы на телевидение. В то же время творческие и управленческие решения, принимаемые в связи с функционированием телеканалов, происходят, как правило, без социальной диагностики, без учета реакций, интересов и предпочтений телезрителей, что вряд ли способствует открытости общества, его демократизации.

Молодежь и телевизор – эту связь сегодня можно наблюдать по всему миру. Независимо от национальности, вероисповедания, материального достатка, социального слоя и уровня интеллектуального развития и даже независимо от того, нравится нам это или нет, телевизор смотрят практически, все (вся молодежь). Перед потребителями информации встает множество вопросов о том, какое влияние на молодежную аудиторию оказывает телевидение. Реалити-шоу, развлекательные, интеллектуальные передачи и реклама различных товаров, насилие и порнография, политические новости и телесериалы – все это в значительной степени формирует молодежное мировоззрение, оказывает достаточно большое влияние на их сознание.

На сегодняшний момент степень воздействия телевидения на массу составляет 90 %. Коммуникации через ТВ воздействуют одновременно на важнейшие каналы восприятия – на зрение и слух, а так-

же являются наиболее массовыми из СМИ. Телевидение характеризуется экранностью, т. е. передает информацию посредством движущегося изображения, сопровождаемого звуком. Это обеспечивает непосредственно-чувственное восприятие телевизионных образов, их доступность для самой широкой аудитории. Телевизионные коммуникации способны мгновенно сообщить, передать в аудиовизуальной форме о действии в момент его совершения [1, с. 317–320].

Самыми распространенными способами «обратной связи», данными которых пользуются и телекомпании, и эксперты, стали количественные исследования и опросы общественного мнения, позволяющие, в частности, подсчитать – сколько людей смотрят передачу, кто эти люди по возрасту, полу, занятиям, что именно смотрят чаще и т. п. Именно таким образом выстраиваются так популярные сегодня рейтинги, от которых в значительной степени зависит финансовое благополучие телекомпаний, делающих «ставку» на рекламу. Итоги таких опросов нередко определяют и судьбу телепередач, что отчасти объясняет нередкие фальсификации рейтинговых показателей.

Между тем даже самая интересная передача может дать самые неожиданные для авторов результаты восприятия – вызвать тревогу и страх, раздражение и даже нервный срыв телезрителей, усилить социальную сегрегацию, спровоцировать дифференциацию среди людей, усваивающих деление на «наших» и «не наших». Социально-диагностические исследования, направленные на выявление «эффектов» подобного рода, позволяют фиксировать «сбои» в телевизионной коммуникации, предотвращая их появление в будущем.

В удовлетворении информационных и ценностных потребностей молодежи важную роль играют кинофильмы. Молодые люди признают, что отдельные фильмы произвели на них неизгладимое впечатление, изменили отношение к жизни, после их просмотра они приняли важное решение. Благодаря им, сформировалось чувство важности поступков для выстраивания своей судьбы: «...о человеке помнят по его делам». Эти фильмы формируют модели поведения в будущем, а иногда даже побуждают к свершению каких-либо положительных поступков.

В перечне фильмов, влияющих на мировоззрение молодежи, нет российских. И это *первый* искаженный *эффект* телевизионных коммуникаций: отечественная киноиндустрия, которая репрезентирует базовые установки и ценности российского общества, слабо затрагивает глубинные установки нового поколения.

Изучение особенностей влияния массовых коммуникаций на молодежь, когда идет активный поиск жизненных ценностей, показало: воздействие телевизионных коммуникаций на молодое сознание является «нелобовым». Молодое поколение утверждает, что телевизионные передачи не оказывают на их жизненные принципы большого воздействия, при этом – копируют манеру поведения запомнившихся

актеров. Это *второй* искаженный *эффект* телевизионных коммуникаций: косвенное воздействие путем навязывания стереотипов мышления и поведения.

Среди базовых жизненных ценностей у молодых людей 15–17 лет в российской провинции лидируют семья, образование, материальное благополучие. Они считают, что именно эти ценности помогут им добиться желаемого в жизни. Такие качества как самопожертвование, коллективность, присущие русскому народу, большинство молодых людей отрицает. По их мнению, они не нужны в современном обществе, «существует множество других способов для достижения своих целей». Молодежь в возрасте 19–20 лет к основным жизненным ценностям относит семью, материальное благополучие и общение. Чем старше возраст молодых людей, тем меньше признание образования в качестве основной жизненной установки. Это *третий* искаженный *эффект* телевизионных коммуникаций: недостаток серьезных образовательных и научно-популярных передач для молодежи оборачивается отсутствием серьезного отношения к образованию как к средству социальной мобильности.

В результате выяснилось: уровень патриотизма молодых россиян тесно связан с той информацией, которую преподносят телевизионные коммуникации. У большинства старших подростков складывается негативный образ страны после просмотра ежедневных информационных передач. Они считают, что российские и местные новости часто носят отрицательный характер: «После просмотра новостей, создается впечатление, что в регионе и в стране все очень плохо». Это можно отнести как на счет содержания массовой информации (действительно, часто критической), так и на особенности восприятия информации в молодом возрасте (несформированные механизмы защиты негативную информацию делают более весомой). Сегодня преобладает показ фильмов, в содержании которых присутствуют элементы насилия, что тем самым вызывает всплеск насилия и в жизни. А также если рассмотрим исторические этапы, начиная с перестройки, когда были передачи «Взгляд», когда было масса передач и «умных», и наоборот «неумных», когда человек выбирал, и у него была плюралистическая модель мировоззрения (плюрализм – множество). То сегодня доля развлекательных телепередач намного превышает долю передач интеллектуальной направленности, рассчитанных на молодежь. Это *четвертый эффект* телевизионных коммуникаций: более сильное воздействие на молодое поколение негативной информации, что не способствует формированию патриотических чувств.

Провинциальная молодежь в большей степени чувствует себя частью страны, а не региона. Молодых людей меньше интересуют события, связанные с малой Родиной – областью, населенным пунктом. Они пессимистически смотрят на дальнейшее развитие региона, не доверяют местным органам власти: «По телевидению говорят одно, а

в жизни все складывается по-другому». *Пятый эффект* – идентификация с общностью страны, которая дает больше возможностей для будущей жизни.

Очень активно влияние подобных коммуникаций на формирование поведенческих стереотипов в сфере потребления. С помощью телевизионных передач «Снимите это немедленно», «Модный приговор» молодежь узнает о новинках в мире моды: «Благодаря таким передачам, я понимаю, что надо носить, а что не стоит». Одновременно у современной молодежи либо нет любимых героев, либо героем является человек, не обремененный глубокими раздумьями, легко идущий по жизни [2, с. 71–73].

Возраст молодежи считается в определенной степени сложным и кризисным, часто подверженный стрессам. А также это возраст самоопределения и становления. В этом возрасте происходит резкое ускорение психического и физического развития. Необходимо отметить, что телекоммуникация оказывает огромное влияние на становление личности молодежи. Так как телевизионная коммуникация – это не только обмен информацией, но и взаимодействие, взаимовлияние. Молодежь «переживает» «телеэффекты» не только на интеллектуальном, но и на физиологическом и эмоциональном уровнях.

Понятие «эффективность» напрямую связано с умением доносить до аудитории мотивы и цели общения. Соответственно, в качестве одного из основных критериев эффективности телепередачи (и тем более работы телеведущего, журналиста), равно как и любого акта общения, рассматривается степень адекватности зрительских интерпретаций коммуникативной интенции создателей передачи.

Иными словами, передача рассматривается как эффективная, если телезрителю по меньшей мере понятно: Почему? Зачем? И ради чего? была предложена ему именно эта, а не какая-либо иная передача. И значит, после просмотра он сможет более или менее адекватно интерпретировать мотивы и цели общения с ним. Показателем эффективности служит не столько количество (информационная насыщенность), сколько качество (информативность) содержащейся в передаче смысловой информации.

В практике телевидения очень часто не дифференцируют представления об «эффективности» и «популярности», полагая, что факт массового обращения зрителей к передаче – достаточный показатель ее профессионализма.

Проведенные исследования показали, что, если эффективная передача, как правило, действительно оказывается и популярной, то популярная передача, то есть та, которая, по подсчетам телеканалов, собирает большую аудиторию – отнюдь не всегда эффективна [2, с. 85–86].

Столь же неравнозначны и понятия «эффективная передача» и «интересная передача». Понятно, что без интереса нет диалога, однако интерес автоматически диалога не обеспечивает – исследования фик-

сировали, что передачи, которые зрители оценивают как интересные, могут интерпретироваться неадекватно, т. е. в таких случаях обмен информацией происходит, а диалог отсутствует.

В профессиональном смысле этого слова не равноценны также и такие понятия, как передача «популярная» и передача, «любимая телезрителями». Некоторый наркотический эффект, которым обладает любое телевизионное зрелище, вместе с разнообразными содержательно-смысловыми «вариациями», воздействующими на подсознание личности, могут сыграть свою роль и привлечь к экранам значительное количество людей. Однако, многие из тех, кто смотрел такие передачи (в том числе и фильмы) в какой-то мере ощущают затем неприятный осадок, недовольство собой.

По мнению исследователей, что современный телезритель отдает предпочтение тем передачам, которые несут в себе содержательную интенцию, вовлекая тем самым адресата в происходящее.

В передачах, попавших на первые места в рейтинге зрительских симпатий, обращает на себя внимание их созидательно-доброжелательный настрой: например, «Городок» – о симпатиях к этой передаче заявила большая часть опрошенных телезрителей – 26,4 %, «КВН» – 22,3 %, «Сам себе режиссер» – 16,3 %, «Поле чудес» – 15,6 %. Многие передачи, характеризующиеся противоречивыми, негармоничными вызывают прямо противоположные реакции у разных групп телезрителей. Такие составляющие телекоммуникации, как небрежность, неуважение к телезрителю или к участнику передачи, ремесленная привычность и утомленность от частого выхода в эфир, «считывающиеся» в работе ведущих, обуславливают отрицательные оценки у части зрителей [2, с. 23–25].

Бесспорно, что телевидение совершенно необходимо огромному количеству людей, телевизионные «человекосредовые» отношения стали фактом реальной действительности. В то же время далеко не всегда отношения в коммуникативной ячейке «человек – телевидение» строятся с ориентацией на диалог, взаимопонимание и взаимовы уважение. И даже тогда, когда ориентация на диалог присутствует, создателям телепередач достаточно редко удается донести свое намерение до зрителя, сделать понятными мотивы и цели своего выхода в эфир. Диалог не возникает и в тех случаях, когда коммуникативные мотивы и цели примитивны и эгоистичны и меньше всего отвечают ожиданиям аудитории.

Установлению диалогических отношений мешает несовпадение коммуникативных стратегий телеканалов и телезрителей. Не все программы культивируют диалогические навыки общения, тем самым оказывается не лучшая услуга даже постоянным, довольным зрителям и обществу в целом. Подобная вещательная политика не способствует открытости общества, общению и взаимодействию людей.

Телекомпании и телередакции знают своего партнера – зрителя – однобоко, в основном по количеству. Их главная задача – собрать и удержать людей у экранов, неважно, какой ценой – отсюда подыгрывание вкусам количественно большим группам.

В результате приходится констатировать, что телекомпании не только не включают в концепцию своей работы распространение в обществе диалогических форм общения, не развивают у зрителей навыков адекватного восприятия и реагирования, хотя могли бы это делать в массовом масштабе, но, по сути дела, нередко даже мешают формированию таких навыков, предлагая не лучшие образцы и примеры. Тем не менее, они удерживают людей у телеэкранов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что телевидение имеет колоссальное воздействие на развитие молодежи и на формирование взрослого человека. Конечно, можно попытаться полностью изолировать молодежь от «зомбирующего ящика», но, учитывая повсеместное распространение телевидения, это невозможно. Разумнее воспитывать в человеке правильное отношение к людям, вещам, событиям. Научить его сортировать: необходимое, бесполезное и вредное, а что и вообще – недопустимое для просмотра. Нужно предупреждать молодежь об истинном влиянии телевидения на их развитие и формировать в них умение различать вымысел и реальность.

Библиографический список

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 832 с.
2. Коробицын В. И., Юдина Е. Н. Социологические исследования ТВ и рекламы. – М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2006. – 200 с. – Академия рекламы.
3. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; Сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – Политиздат, 1988. – 479 с.
4. Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура массовых коммуникаций // Социально-гуманитарные знания. – № 6. – М.: Научно-образовательное издание, 2008.
5. Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Культура массовых коммуникаций // Социально-гуманитарные знания. – № 5. – М.: Научно-образовательное издание, 2008.
6. Подгорная Л. Д. Теория коммуникации в социологическом контексте // Социально-гуманитарные знания. – № 5. – М.: Научно-образовательное издание, 2008.
7. Филатова О. Г. Социология массовой коммуникации: учеб. пособие – М.: Гардарики, 2006. – 303 с.
8. Шадыманова Ж. Ж. Роль телевидения в формировании ценностных ориентаций общества // Социс. – № 4 (288). – 2008.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ

Ю. П. Агафонкина, Б. А. Дорошин

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. This article discusses some differences between the emerging information from the industrial society. The trend of influence of information on the nature of labor, technology and organization of production, employment structure, property relations and distribution, education and science.

Keywords: information society, informatization, socio-economic relations.

Информационное общество – новая историческая фаза развития общества, где информация и знания – главные продукты производства. Его отличительные черты: 1) возрастание доли информационных коммуникаций; 2) увеличение в жизни общества роли информации и знаний; 3) создание глобального информационного пространства, которое обеспечивает эффективное информационное взаимодействие всех людей [1].

Существенным отличием информационного общества от индустриального является то, что информация, информационные услуги, знания и все отрасли, связанные с их производством, выступают источниками новых рабочих мест. Именно они растут наиболее быстрыми темпами и обнаруживают тенденцию к доминированию в социально-экономическом развитии. Внедрение новых информационных технологий и робототехнических систем в индустриальное производство изменяет характер труда в промышленности и снижает число людей, занятых в этой сфере, преобразует саму технологию и организацию производства.

В области социальных отношений переход к информационному обществу не производит существенных перемен. Сохраняется дифференциация людей на более и менее обеспеченных, в значительной мере обусловленная тем, в какой мере они будут способны воспользоваться плодами информатизации. Очевидно, что дифференцируется и сфера информационных услуг, и наиболее значимые услуги будут выше по своей стоимости возможностей среднего члена общества. Проблема равного доступа к информации будет всё более проявляться, к примеру, в обмене информацией, полученной из космоса, на межгосударственном уровне, а не только внутри одной страны. Уже сейчас владение большими банками данных о различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, о потенциальных продавцах и покупателях составляет основное богатство многих бирж, брокерских контор и других подобных организаций.

Возрастает удельный вес почти сошедшего на нет в индустриальном обществе индивидуального труда, и это является ещё одной отличительной особенностью информационного общества. Для многих специалистов становится возможным, не выходя из дома, участвовать в общественном производстве благодаря интенсивно развивающейся сети автоматизированных рабочих мест.

Большие изменения наметились в сфере образования. Оно становится всё более индивидуальным. Крупные изменения происходят и в организации научной деятельности. Уже сегодня быстрый обмен её результатами по электронным коммуникационным сетям позволяет значительно ускорить темпы развития научных исследований.

Библиографический список

1. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы // Библиотека психологической литературы ВООКАР. – URL: <http://bookap.info/okolopsy/inozemcev/gl2.shtm>. – Дата доступа: 24.10.2010.

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенская государственная технологическая академия
Российско-Армянский (Славянский)
государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
ПФ НОУ ВПО «Академия МНЭПУ»

Современные тенденции развития мировой социологии

Материалы международной научно-практической
конференции

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 10.11.2010. Формат 60x84/16. Бумага писчая
белая. Учет.-из. л. 11,6 п. л. Усл.-печ.л. 10,8 п. л. Тираж 100 экз.
Заказ № 12/10.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412)68-68-45,
web site: www.sociosphera.ucoz.ru, e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза, ул. Московская,
д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09